

уральский

следопыт

№12 ** 1976

20 ведер древних монет

В нескольких верстах от Сибирского тракта на берегу реки Айбы раскинулась деревушка Юшковка. Здесь в одном из дворов и спрятали добычу разбойники, ограбившие караван...

На такие раздумья наводит недавно найденный в Тугулымском районе Свердловской области клад. Житель Юшковки А. С. Марандин пахал огород. И вдруг плуг выворотил кучу монет. Они находились в яме, выложенной берестой.

Свыше 12 тысяч пятикопеечников общим весом около 37 пудов — таким оказался юшковский клад. Монеты из красной уральской и сибирской меди чеканки Екатеринбургского, Аннинского и Кольванского монетных дворов.

Деньги эти немалые — 600 рублей. Пуд муки на Ирбитской ярмарке стоил тогда четыре копейки. Трудно поверить, что такое огромное количество монет исключительно одного достоинства и времени выпуска мог накопить один человек.

Среди монет была найдена и металлическая бирка № 2421. Известно, что деньги в те времена возили в бочках. В найденном на огороде кладе и была примерно такая бочка. Может, и бирка с нее!

Клад передан в краеведческий музей. И переносить его пришлось обычными ведрами. 20 ведер древних монет!

Надежда ЯКИМОВА

В номере:

Ю. Леонов ЖЕЛУДИ ДЛЯ КРАСНОЙ КОННИЦЫ	3
ЭНЕРГИЯ РЕФТА	10
Б. Вайсберг РОМБИК	11
С. Бывальцев ДЕКАБРИСТЫ В СИБИРИ	16
Б. Дробиз ЕГО СОЧИНЕНИЕ ПО ИСТОРИИ	17
Л. Козлов МАРШАЛ ЖУКОВ ПИШЕТ В КОПЕЙСК	20
Г. Воронов УЛИЦЫ НАШЕГО ГОРОДА	22
Г. Машкин СТАРАЯ НОВОСТЬ. Рассказ	23
Р. Повилейко ИЗ КОГОРТЫ КРЫЛАТЫХ	34
С. Лясик НЕВЬЯНСКИЕ ПЛИТЫ	40
И. Тихонов, Я. Андреев, С. Мазенин СТИХИ	42
Д. Биленкин ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ. Рассказ	44
В. Бугров СНОВА СЛОВО — ЗНАТОКАМ	55
М. Филиппов СОСНЫ В СТЕПИ	59
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	60
М. Якушов НАХОДКАМ ДВА ВЕКА	62
Н. Архипова, Е. Ястребов ВЕРХ-ИСЕТСКИЙ ПРУД	63
Ф. Кривин ТРУЛЮЛЮПОВЫ ОСТРОВА. Окончание	66
В. Петров ВСТРЕЧИ С ПОЭТОМ. ВИРУСЫ, ВИРУСЫ, ВИРУСЫ...	73
Ю. Курочкин ЛЕГЕНДА О МАЛАХИТОВОЙ ГЛЫБЕ	74
МИР НА ЛАДОНИ	76
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1976 ГОДУ	78
Р. Андаева КОЛЛЕКЦИЯ ЛУБКА	80

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
 (ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
 Людмила БУДРИНА
 Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефон 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 31/VIII 1976 г.
 НС 14143.
 Подписано к печати 15/X 1976 г.
 Бумага 84×108^{1/16}.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 10,2
 Тираж 275 000.
 Заказ 448.
 Цена 30 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий».
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
 С. КИПРИНА.

Оформление 2-й стр. об-
 ложки Р. КАПТИКОВА.

© «Уральский следопыт», 1976 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

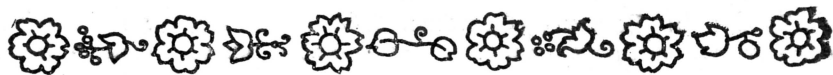

№12 * 1976

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ЖЕЛУДИ

ДЛЯ КРАСНОЙ КОННИЦЫ

Юрий
ЛЕОНОВ

Рисунки
Л. Смирновой

Весь день я собирал грибы. В разгуле осенних красок, опавших на остывающую землю, лишь огненные мухоморы светились издалека. Остальное грибное воинство молчало, подавленное листвой, и я не столько тешил себя надеждой наполнить доверху корзину, сколько впитывал на всю зиму пряный настой леса.

Есть тайное родство у звуков и запахов, дремлющая власть над нашей памятью, когда по прихоти ее одно созвучие, одно лишь не осознанное трепетное томление воздуха способно вызвать из забвения целый мир. Ты вздрогнешь, словно от окрика, и замрешь, и, если не заторопишься вдогонку за насущным днем, быть может, одарит тебя бывшее мимолетным, как тень, прозреньем.

Неслышно облетала листва. Беззвучно перепархивали птицы. Лишь пьянящие оттенки прели зывали со всех сторон. Сквозь них сочилась то терпкая сладость гниющего дичка, то ярый дух раздавленной сыроежки. Все это вздохлест, настойчиво, но невнятно.

Вдруг будто хлыстом стегнули рядом. Я поднял голову. Огромный дуб ссутулил надо мной свои ветви.

Еще щелчок. Отскочив от корневища, кувыркнулась у ноги коричневая литая пуля. Кто-то целил в меня из детства, и не промазал на этот раз...

Влажной и теплой по обыкновению была та осень. Два года назад, до войны, в такую пору заканчивался курортный сезон, и отдыхающие увозили с собой самшитовые трубки, шкатулки, инкрустированные мелкими ракушками, открытки «Привет из Сочи», на которых подрабатывал наш сосед, фотограф дядя Костя.

Два года назад лотошницы настойчиво предлагали обратить внимание на горячие пирожки с мясом, на эскимо в шоколаде, а нынче в школе мы ждем не дождемся большой перемены,

когда каждый получит по стакану соевого молока с булочкой на два жевка. Кажется, что во всем белом свете ничего вкуснее этого не осталось. А может, вовсе и не было. Всю жизнь скулили в порту сирены, на пляжах гулял только ветер, всю жизнь над санаториями не увядал запах жженных бинтов и карболки.

Наш деревянный, обвитый зеленью дом стоит особняком. Запущенный овраг, пустырь, приморский сквер, сквозь который светится море, и бывший санаторий через дорогу — вот и все соседство.

Когда-то госпиталь считался тыловым, и раненых, привезенных издалека, встречали как челюскинцев, с цветами и музыкой. Сейчас полуразбитые туристские автобусы ходят к самой передовой, но только невыспавшиеся санитарки дежурят в ожидании их, да мы, пацанва, не устаем жадно вглядываться в череду обожженных порохов лиц, пытаюсь прочесть в них больше, чем написано в газетах.

По несколько раз в день мы чиним расправу над Гитлером: прокалываем насквозь, обезглавливаем его и четвертуем, потом лепим из этой глины эскадрильи неуязвимых краснозвездных ястребков.

А немцы все наступают, изредка бросают бомбы на город. Ходят слухи, что курорт берегут для фюрера. Как-то зябко становится от одной лишь мысли об этом. И всей нашей бескомпромиссной, несокрушимой веры в победу не хватает, чтобы поправить настроение у мам.

В нашем доме не осталось мужчин. Мы — за них. Старшему, Гарьке, уже двенадцать. Он зобает втихоря самокрутки и сплевывает сквозь редкие зубы так длинно, как не удастся никому. Мне и Токе — по десять. Ваке пошел восьмой. Его только что обрили наголо и расписали болячки на голове зеленкой — узнаешь за километр.

Толька и Валька — братаны. Оба лобастые, ершистые, предприимчивые. Заводилой чаще бывает Тока, а расплачиваются они вдвоем, за компанию или для острастки, не знаю. Вся процедура отрепетирована до мелочей. Сначала в открытые окна доносится длинный речитатив тети Вали, а братья молчат, как партизаны. Затем потихоньку начинает подвывать Вака. Это значит, расправа близка, и вот-вот запричитает Тока, что больше никогда, никогда сроду такого не повторится. Под конец клянет безотцовщину и плачет сердобольная мама, а братья ее успокаивают.

Однажды на проспекте, где до войны проходили праздничные демонстрации, заиграла труба. Раскатилась по кварталам душу веселящая звень. Мы добежали до угла в тот момент, когда под разлапистыми, роскошнолистными пальмами неспешной иноходью проплывала первая шеренга конников. Припорошенные пылью лица и гимнастерки были одного цвета с шинельными скатками. Понуро переступали истлевшие грязью, иссушенные дальней дорогой кони. А труба звала куда-то, напоминая о временах, когда гарцевали по асфальту на Первомае холеные рысаки с белой перебинтовкой на лодыжках. Послушные трубе, приподнимались над седлами подчеркнута прямые спины.

Рассмотреть горниста нам не удалось. Он уже проехал вперед. Покачивались рядом с буркой командира узкие вздернутые плечи. Я решил, что трубач совсем юн, как тот барабанщик, про которого сложили песню. Быть может, он одногодок Гарьке. От этой мысли сделалось сладостно и тревожно.

Штаб кавалерийской бригады расположился в здании нашей школы. Отныне мы стали ходить в среднюю, за два квартала. Парты уплотнили так, что в проходах было не разойтись. Но никто не роптал. А мы с Токой были особенно довольны, что учительница в объединенном классе осталась наша.

Лукерья Семеновна, казацкая дочь, запомнилась мне большой и доброй. Чем-то былинным веяло от ее широкой в кости фигуры, облаченной в просторный ситцевый сарафан, от сочного грудного голоса, которым привораживала она, беседуя с нами. А когда удавалось уговорить ее спеть что-нибудь из старины, класс замирал.

Начинала она негромко, склонив над столом перевитую косой голову. И вливалась в наши души вместе с напевом забубенная лихая тоска по вольнице, по степному неоглядному раздолью и еще по чему-то невиданному и не прожитому нами.

Этой осенью Лукерья Семеновна изменилась, объясняла задания глухо, больше спрашивала, и на переменах украдкой глотала какие-то таблетки. Шел октябрь. На Кубани, в ее родной станице, хозяйничали немцы. А мы никак не мог-

ли вдолбить «старичкам» из средней, что не всегда Лукерья наша бывает такой скучной.

Однажды Лукерья Семеновна вернулась с перемены оживленной и в конце урока объявила нам новость. Сам командир кавалерийской бригады просил нас, школьников, помочь в сборе железудей. Коннице не хватает фуража.

— А разве лошади едят, хи-хи... желуди? — прочирикали с задней парты, где сидели «старички».

— Еще как едят! Только хруст стоит. Чтоб мне!.. — забожился с места наш очкарик Венька по прозвищу Сухарь, покраснел, как будто ему не поверили.

— Да, Сухарев, да, желуди питательнее, чем картошка. Только на корм их обычно дробят. Чтоб были кони сытые, выносливые! Чтоб всю эту мразь на полном скаку, с плеча...

Тугая, сжатая в кулак рука взмахнулась перед нами.

— Ну-ка, кто вспомнит?..

**Мы красная кавалерия, и про нас
Былинники речистые ведут рассказ...**

Голос у Лукерьи дрогнул и подсел, будто надломился. Лицо побледнело вдруг, но песню уже поддержали несколько голосов:

**Про то, как в ночи ясные,
Про то, как в дни ненастные
Мы гордо, мы смело в бой идем...**

За два дня в окрестных кварталах не осталось на виду ни одного желудя. Их сносили на школьный двор в портфелях, сумках, за пазухой и в карманах — литые коричневые пули, нацеленные в Гитлера.

Лишь мы с Токой не торопились нести свою долю. Такого большого дуба, как в нашем дворе, наверное, не росло больше ни у кого. Морщинистый, обожженный временем ствол начался напротив крыльца и уходил в небо столь высоко, что когда с вершины валился желудь, он успевал отстучать по веткам целую мелодию.

Собрав под дубом первую дань, мы с Токой почувствовали себя богатеями. И, как все богатеи, захотели нагребастать желудей еще больше: полный мешок, чтоб еле сошлись тесемочки.

После обеда братья перелезли с ведром через санаторную ограду. А я отправился с корзиной в соседний сквер.

Сиротели аллеи. С моря наволакивало липкую сырость. Капли ее свисали с приувядшего былья. Под пустыми скамьями бродили куры.

Долговязая Зойка, музыкантшина дочь, стояла у обрыва и делала вид, что любитесь прибоем, хоть каждому понятно — сторожит хохлаток. Ничего в том постыдного не было. Мне тоже досталось летом пасти кроликов — ужасных обжор и разгильдяев, норовивших от меня улизнуть.

Я хотел посочувствовать Зойке — прохладно все же, колени у нее из-под платья посиневшие торчат. «Здравствуй», — сказал. А она — ни слова. Только лопатки на спине, как крылышки, приподнялись.

— Красивые волны, — сказал я, хотя плескалась внизу, под обрывом, одна серятина.

— Да? — недоверчиво переспросила Зойка, покосившись краешком глаза.

— Роскошный вид, — щегольнул я любимой фразой фотографа дяди Кости.

Зойка засмеялась и повернулась ко мне.

— А у нас во дворе два дуба растут, и желудей этих... — она показала руками. — Желудей этих — не то, что здесь. Прямо идешь по ним, а они щелкают.

— Покажешь, а?

— Сейчас не могу, — поскуцнела Зойка. — Вечером приходи, может, я их даже в кучку сгребу, чтоб не давили. Это для лошадей, да?

— Для кавалерии.

Чтобы совсем успокоить Зойку, я рассказал ей про кроликов. Она смеялась так, будто потешней ничего отродясь не слышала.

Конечно, куда я вечером не пошел. Внушил себе, что никаких там желудей вовсе нет,

а на самом деле — сбобел. Я стеснялся девчонки, и с Зойкой заговорил лишь потому, что рядом никого не было. А так, в открытую, при всех, прийти к ней домой — да я скорее под танк с гранатами брошусь.

Засыпал я под сладкую канонаду.

— Бам! — падал на жестяную крышу желудь и катился до самого желоба где-то над головой. — Р-р-р...

Все замирало во мне от ожидания. Хоть бы ветер дунул посильней, чтоб сразу очередь, как из пулемета... Вот сейчас, ну... Пожалуй-ста...

Утром я едва не кубарем скатился с лестницы и замер на крыльце. В глазах зарябило от палых листьев. Они лежали рыжими, нежно-лимонными, шоколадными заплатами на земле, сливались в причудливые узоры. Но мне было не до них: ведь лошади не едят дубовых листьев. А желуди кто-то уже собрал. Хотя бы один остался в насмешку. Без сомненья, это была Вакина «работа». Он был добытчиком по призванию: таскал домой незрелые сливы, запалы от гранат, слепых щенков и выброшенную прибоем щепу на растопку. Карманы его кургузого френчика походили на кладовые

и смешно полнили в бедрах его щупловатую фигуру.

Тоскливо прошелся я по двору, пробрался через чердак на крышу, гремящую, с прохладной пустотой за воронками водостока. Длинный желоб исправно хранил все, упавшее с дуба. Даже заплесневевшие кусочки коры. Корзинка быстро загрузнела. И этого было бы довольно для счастья, если бы перед глазами моими не стояло видение рассветной, усыпанной желудями земли.

Днем я пошел в парк, надеясь снова увидеть там Зойку, хоть и старался не признаваться себе в этом. Хорошо бы с ней полукавить. Интересно, как она угадывает, о чем ты сейчас подумал. Одно смущало — что ответить, если спросит, почему за желудями не приходил.

Сегодня тут в самом деле было красиво. И море ластилось присмирившее, с теплым зеленоватым отливом.

У обрыва, где мы вчера стояли с Зойкой, пожилой солдат покачивал здоровой ладонью, как ребенка, перевязанный обрубком руки. Я прошел совсем рядом, вороша палкой листья, и услышал его тихий говор:

— Ты погоди чуток, не ной... Потерпи, говорю, маленько. Вот приедем к Антонине, она еще рада будет...

По ночам взрослые несли дежурство во дворе, согласно какому-то постановлению. Когда настала очередь дежурить маме, я упросил ее взять меня в напарники.

Было порядочно за полночь. Мы сошли по пропитанным сыростью ступеням крыльца, и темные волосы мамы вместе с плюшевой, такой ласковой на ощупь жакеткой слились с чернотой. Город притаился, не выдавая себя ни единым отблеском огня. В тишине замирали наши шаги.

— Бам! — я вздрогнул. — Р-р-р, — проворчало по крыше.

— Ты не бойся, мам, — сказал я, нащупав в кармане заржавелый осколок от фугаски.

— Тебе не холодно?

— Нет.

Мы обошли весь двор до самого сквера, откуда сквозило морем. Желтый язык прожектора вылизывал нависшие облака. Под навесом, где болталась на проволоке снаряжная гильза — сигнал тревоги, — мама, обняв меня, стала рассказывать про зимние забавы своей юности.

Я еще помнил снег. От него пахло свежестью. И вовсе не трудно было представить, как летишь на санях с самой вершины горы...

— Ма, вот бы опять на Урал?

— Да... Мы бы с тобой в лугах саранок накопали. Самое лакомство для ребят.

То была до обидного спокойная ночь. Не летали самолеты. Молчала гора Батарейка — городской бастион. Никто из шпионов не рискнул

выползти из соседнего оврага, где свирепствовали заросли ежевики и крапивы.

Когда чуть-чуть развиднелось, я сбежал за корзинкой и собрал под дубом долгожданную ночную дань. Скромной оказалась она, и все же мне очень хотелось увидеть Ваку в тот момент, когда он придет за желудями. То-то поскукнеет сразу.

Захлопали двери. От сараев, где стояли печурки, потянуло дымком. Я уже собрался уходить, когда из-за угла, позевывая, нарисовался Тока с жестяной банкой в руке.

— Здорово, — небрежно бросил он, словно мы каждый день встречались с ним спозаранку под дубом. Но на корзинку все-таки зыркнул и небрежно бровью повел. Вот только с банкой не знал, что делать. В руках ее повертел и так и этак:

— Слыхал, будто школу нам опять освобождают?

— А как же желуди?.. Ты что говоришь?

— Гарька трепанул. Но вроде точно, приказ им такой.

— А когда они?

— Наверное, чухаться не будут. Сам знаешь, у них — раз, два и — ваших нет.

Мы взяли большой мешок, тот самый, с которым тетя Валя ходила в горы менять одежду на кукурузную муку, и сыпали, сыпали в него желуды, поражаясь прожорству дерюжной пасти. Когда подоспевший Вака выгреб из своего кармана последнюю горсть желудей, собранных спозаранку за санаторной оградой, мешок не вырос и наполовину. Мы огорошенно потоптались вокруг. Еще бы хоть полведра. Да где найдешь, если даже овраг обыскан сверху донизу не однажды.

Тогда-то я и бухнул про Зойкин двор. Схватился, что напрасно сболтнул, но остановиться не смог, и совсем уже невкусно промямлил, как ходят там прямо по желудям, а они целкают под ногами.

— Г-где это? — от волнения у Ваки вытянулась худая шея.

— Давай беги, как же... Зойка... — В знак небрежения к моим словам Тока хотел поэффektнее сплюнуть, как Гарька, но цыкнул себе на рубаху и заелозил рукавом. — Ждали нас там.

Прекрасный был повод замять разговор. Я даже согласился, что, может, сейчас в том дворе действительно ничего нет.

— И не было, — напирал Тока, уловив мою слабину. — Нашел, кому верить. Зубы ее видал?.. Редкие. Значит, вруша.

Новость ошеломила меня. Но и обидно стало за Зойку. Разве она виновата, что у нее такие зубы. Да и на врушу она совсем не похожа. Наоборот, глаза ясные.

Я вспомнил Зойкины глаза и почувствовал,

что если сейчас соглашусь с паршивой Токиной приметой, то никогда уже не смогу запросто подойти к Зойке, сказать ей «Здравствуй» и после долго буду презирать себя.

— Есть там... желуди.

— Сам не видел и говоришь, что есть! — дожмал меня Тока.

Мы поспорили. Проигравший обязан был провезти победителя на закукорках вокруг всего дома, и я уже ощущал у себя под ребрами стоптанные Токины каблук.

Свирепо скрутив горловину мешку, дернул его на себя. Мешок даже не шевельнулся.

Солидно поплевав на ладони, взялся за дело Тока. Желуди помотались, погремели немного сверху и затихли.

Втроем, пыхтя и подбадривая себя криками, мы проволокли мешок по дорожке метра полтора, а может, и целых два. Вот это порося откормили! Самое время было напыжиться от гордости. А мы запереглядывались в растерянности: как же теперь с ним, с мешком-то?..

Час спустя из нашего двора выехала обтянутая линиям дерматином детская коляска, еще не столь давно служившая персональной каретой Ваке. Она непристойно повизгивала на всю улицу. Одно колесо тилипалось и восьмерило, но наш почетный эскорт хранил полнейшую невозмутимость. Более того, хотелось, чтобы навстречу попало полгорода знакомых. Но в такое прохладное воскресное утро пацанва еще отсиживалась по домам, а редкие прохожие не проявляли любопытства: чего только не возили в колясках в те годы.

Чем ближе Зойкин двор, тем явственней рисовалась передо мной картина: наш кортеж въезжает в калитку, и пацаны, играющие у сараев в чикку, тотчас переключают внимание на нас. Я подхожу к Зойке, говорю: «Здравствуй», и как только ощущаю прохладные Зойкины пальцы, от сараев несется на разные голоса:

Жених и невеста...
Тили-тили тесто...

— Дураки! — кричу я. — Мы же просто за желудями.

А за спиной кривляются и верещат:

Тесто засохло.
Невеста сдохла.

— А невеста-то, ой, мамочки, выше жениха!..

Я шел за коляской, приволакивая ноги, как за гробом, и колеса заунывно подпевали мне скрипом.

Зойкин дом с улицы не разглядишь. Старинная каменная постройка спряталась за стеною деревьев и виноградных лоз. Двор широк и запущен. У сараев растет два дуба да корявая алыча. Остриженный под уголовника сибирский

кот — жертва надвигающейся зимы — диковато поглядывает с карниза. И больше во дворе — ни души: бальзам на мою расхристанную душу.

— Где же твои желуди?

Я пожал плечами. Пробежка вокруг дома с Токой на плечах представилась мне в эту минуту приятнейшей из забав. Дубы на месте — значит, Зойка не соврала.

Тока не успел закрепить свою победу нравов учением, как у сараев зашелестели дубовые листья. Предприимчивая натура Ваки не терпела покоя.

— Мальчик, тебе кого? — окликнули его из окна.

— Мне? — удивился Вака. — Никого. — И показал на ладони два замороженных желудя сначала женщине, потом нам.

Реакция была странной. Голова тотчас исчезла, а на обвитой плюшем веранде появилась другая женщина в восточном, небрежно запахнутом халате. На худощавом, резко очерченном лице — откровенное любопытство.

— Вы за желудями, к Зое. — Не спросила, а как бы утвердилась она в мнении.

Оставалось лишь согласиться.

— Так это ты был в парке?

Я опустил голову.

— А Зоя ждала, что ты придешь.

У меня запылали уши. Даже шею пощипывать стало. Женщина еще что-то говорила. Слова были приветливые, а голос резковат, как будто она сердилась. Сдается, нас приглашали зайти в дом, но твердо я уловил лишь одно: Зойка заболела, лежит в больнице.

— Подождите минутку, — попросила женщина, когда мы зачастили отходную: извините и прочее.

Проводив взглядом шуршащее разноцветье, я покосился на братьев. Вака нашел время заняться болячкой на голове. На обветренных губах Токи вылезвала ухмылка. Все, теперь дожидайся какого-нибудь прозвища.

Женщина спускалась во двор, туго перетянутая поясом халата, отчего ее высокая, тонкая в талии фигура стала очень похожа на Зойкину. В такт шагам покачивались два ведра... с желудями...

— Это вам от Зои. Ведь вы обещали прийти.

Братья уставились на меня, как будто увидели впервые. Получалось, что знал я все это заранее и скрывал. А если не знал и не догадывался, а Зойка собирала желуди просто так? Без моей просьбы, и ждала? Что ж она, дурочка?

— Все некогда было, уроки, — сказал я смурным голосом.

Высыпая желуди в коляску, Зоина мама хвалила нас за старание, а сама все медлила, словно ждала от нас еще чего-то, кроме «спасибо» на разные голоса.

Мы уже пошли со двора тесной кучкой.

Я обернулся. Зоина мама стояла на том же месте и грустно глядела нам вслед.

— Скажите, пожалуйста, а где... та больница?

Лишь по улыбке, озарившей худощавое, такое пронзительное лицо, я понял, как нужны были именно эти слова.

— Сейчас к ней нельзя, карантин. Но я обязательно передам, что вы были.

Теперь мы тянули осевшую под самые оси коляску со всеми предосторожностями, как возят тяжелобольных. Вровень с бортами плескалось желудевое половодье. На нас заглядывались мальчишки и взрослые. А мы смотрели только вперед. Дышалось неровно. Колеса пели нам гимны.

— А она девчонка — ништяк, — признался Тока. По его шкале ценностей это тянуло на четыре с плюсом.

Тревога закралась, когда мы еще не въехали во двор средней школы. Реденькая дорожка из желудей тянулась от дороги к сараю, куда все сносили их. Двери были распахнуты настежь. На земляном полу валялся рваный брезент. Раздав-

ленная сердцевина желудей успела потемнеть. Похоже было, что все отсюда забрали еще вчера вечером.

Я поднял одну из побуревших половинок и попробовал ее на вкус. Во рту надолго осталась вязкая горечь.

Нет, не могла уехать так скоро кавалерийская часть. Мы наверняка еще застанем бойцов за сборами и там вручим прямо из рук в руки все, что столь бережно собирали.

Мы с Токой впряглись в коляску вдвоем, а Вака бежал впереди, распугивая прохожих диковатыми выкриками:

— Эй-эй!.. А ну, дорогу!.. Эй-эй!

На выбоинах асфальта коляску подкидывало, что-то кувыркалось и постукивало за нами, но остановиться было нельзя. Только бы успеть. Быть может, как раз сейчас они садятся в седла...

У ворот школы нас не задержал часовой, потому что его не было. На физкультурной площадке валялось полподковы, кому-то на счастье. От брошенной масленки растеклась по крыльцу жирная запятая...

— Ну вот, — сказал Тока.

Ясно, что «ну вот». Опрастывать надо коляску где-то здесь, у оврага. А у кого поднимется рука? Вот если б вернулись конники передохнуть после боя хоть на часок, или другая часть...

Мне даже послышался стук копыт, отдаленный, но четкий, как барабанная дробь. Раскати-сто громыхнуло еще, прорвавшись между деревьями и домами, и с разворота прямо на нас обрушился конский топот. У крыльца кони всхрапнули, осаженные сильной рукой, колеса брички протацились по песчаной дорожке боком, две пары сапог — кирзачи да хромки — порхнули по ступеням, и все стихло.

В сказке то было, наяву ли? И не сама ли коляска подкатилась под конские морды: уpleteйте, родимые...

Позванивая удилами, гнедые косились на нас заносчиво, даров не принимали.

Потом началась суета, как при эвакуации. Прямо с крыльца стаскивали в бричку какие-то ящики, стопы чистой бумаги, перемазанную краской флягу. При этом утопающий в галифе пожилой человек все взывал к осторожности, а сам, едва не уронив короб, стал растирать платком жилистую шею.

Становилось ясно, что в бричке не останется места. Привстав за деревянным бортом, я изо всех сил старался встретиться глазами с пожилым. Неужели не видит, с чем мы сюда пришли. Ну что ему стоит увидеть?! А он, как нарочно, трет свою шею и трет, глаза под колеса заувив.

— Товарищ командир, — набрался храбрости Тока. — Мы вот тут...

Запыленные хромовые сапоги посторонились, уступая дорогу чему-то громоздкому, завернутому в мешковину. Солдат тоже смотрел очень прямо, нацеленно перед собой. Наверное, до войны он работал грузчиком. Уж очень ловко прирастали тяжести к его округлой спине. Отряхнувшись, он доложил, что все чин-чинарем, стало быть, можно ехать, и как-то очень неловко покопился на скорбное Вакино лицо. Видел он нас, конечно, еще как видел.

— Так что у вас, сынки? — спросил, наконец, пожилой. — Фураж привезли? А коней-то... — он развел руками. — Война ждать не любит. Спасибо вам за старание...

— Товарищ политрук...

— Едем, едем, некогда варешку жевать, — перебил солдата пожилой, взбираясь на козлы.

— Не гоже хлопцев забижать.

— Ну давай, краску выбросим, листовки на желудях заквасим. Так?

— Да они ж места не займут, — обрадовался солдат, — и весу-то — вона!

Прежде чем я успел сообразить, что к чему, солдат рванул коляску на грудь, выдохнул с наругой: «Ого!»

— Отставить! — закричали с козел.

Но желуди с веселым перестуком уже разбегались по днищу брички.

— Повторить приказание! — побагровел пожилой.

Осторожно опустив пустую коляску, солдат вздохнул.

Мы сжались от окрика, как будто это нас за слушание могли подвести под самый трибунал. Все, что угодно, я готов был сделать в ту минуту для солдата, но не мог сладить даже с собственным языком. Стыдясь своей слабости, я стиснул кулаки и выдохнул, как учила нас Лукерья Семеновна, казацкая дочь:

**Мы, красная кавалерия, и про нас
Былинники речистые ведут рассказ...**

Мне казалось, от избытка чувств порвутся какие-то там связки. А голос просочился тонко и дрожко. Но странная была сила у этой песни. Она вытянула братьев в струну, завела назад худые плечи и заставила подпевать:

**Про то, как в ночи ясные,
Про то, как в дни ненастные
Мы гордо, мы смело в бой идем...**

Пожалуй, мы все же орали, а не пели, глядя на тех двоих, заглушая недосказанное между ними.

На седоватом виске политрука набухла змеистая жилка. Он развернулся к нам и смотрел в упор то на одного, то на другого, словно стараясь запомнить каждого. Зашарила по козлам тонкая в запястье ладонь:

— По коням! По коням приказ был, какого рожна!..

Солдат суетливо заскочил в повозку, гикнул на развороте и, приподняв пилотку над рыжим бобриком волос, помахал нам. Лицо его было светло и озорновато.

— Веди, Буденный, нас смелее в бой!..

Всклубилась из-под копыт, обдала нас мелким прахом земля, и долго я чувствовал на своих губах ее горьковатый привкус.

ЭНЕРГИЯ РЕФТА

«Довести мощность... Рефтинской ГРЭС — до 3,3 млн. киловатт».

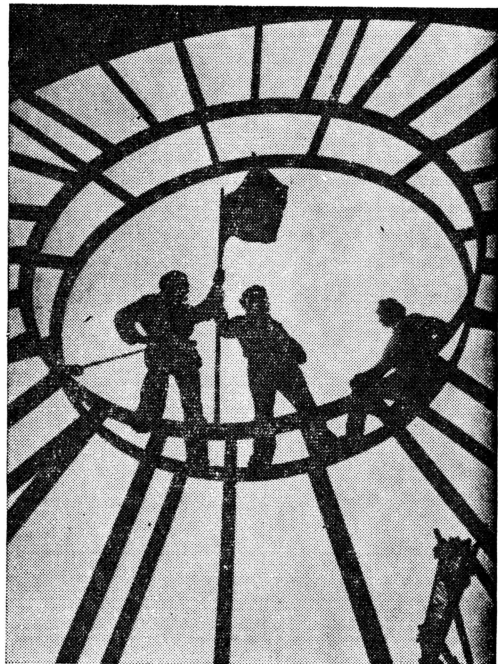
Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Отсюда идет энергия к уральским заводам, поселкам и городам. Пятьсот вагонов угля в сутки проглатывают топки ГРЭС, но специальные приборы регулируют горение топлива, сводя к минимуму выброс вредных веществ в атмосферу. Вот почему район Рефтинской ГРЭС — не зона отчуждения, а зона отдыха. Сюда, на живописные берега реки Рефт и водохранилища, едут на отдых даже из Свердловска.

На ГРЭС уже действуют шесть энергоблоков мощностью по 300 тысяч киловатт каждый и монтируется еще один блок — на полмиллиона киловатт. Уральские энергетики не только наращивают мощность Рефтинской, но и совершенствуют работу электростанции. Здесь устанавливается комплекс счетных машин, следящих за всеми энергоблоками.

Увеличив мощность в десятой пятилетке, Рефтинская ГРЭС не усилит давление на окружающую среду. На Рефте предполагается построить трубу высотой 330 метров — одну из самых высоких в стране.

Снимки А. Лысякова

РОМБИК

**Борис
ВАЙСБЕРГ**

«...Сейчас три часа ночи. Хорошо! Никто не стоит над душой, не отвлекает, не нудит, почему без халата работаю. Раньше я не любила ночную смену, всю неделю ходишь сонная. Теперь привыкла, оклемалась.

Во всем ИВЦ нас сейчас трое: дежурный инженер-электроник Юрий Николаевич, отличный дядечка, Вера на первой машине, и я — на второй. Повезло мне сегодня — попалась хорошая программа. Ввела КОРМ, закоммутировала и начала трансляцию. Теперь у меня часа полтора свободного времени, машина сама работает. Я почитала, поболтала с Верой и надумала тебе ответить.

Ты спрашиваешь, Томчик, где я устроилась. На ИВЦ оператором ЭВМ. Знаешь, первые две недели ни бумбум не понимала, прямо китайская грамота. Я чуть не ревели, хотела уйти. Меня начальница нашего БРЗ успокоила: такое бывает поначалу почти у всех, не я первая, надо перетерпеть. И я осталась, понемногу освоилась, пока довольна.

Сижу я, Тома, как бы в центре машины, вернее, она вокруг меня. Слева шкафы с электронной начинкой, прямо передо мной НМЛ, справа — перфоленточное устройство, сзади — перфокарточный ввод. А я сижу за пультом, на вертящемся стульчике. Тихо гудит за стеной кондиционер, время от времени стрекочет машинка «Консул» — это ЭВМ подает голос, что-нибудь запрашивает. Я ей отвечаю, и опять тихо, спокойно.

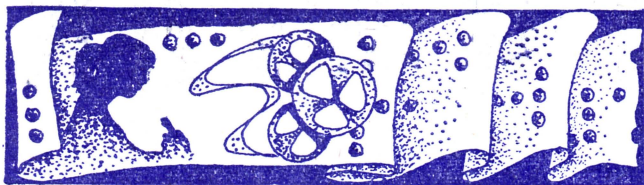
...Вчера мы с Нинкой из второго подъезда ходили на концерт Омского ВИА, шоу-программа. Недурно играют, но грохочут — ужас! Рядом с нами сидели два вежливых парнишки и все объясняли: в середине зала за пультом расположился оператор, управляет звуком. Самый главный человек в ансамбле, от него зависит громкость. Я шепчу Нинке: у меня пульт посложнее, да и покрасивее. Она мне: зато у него зарплата побольше, парнишки говорят.

После концерта вежливые соседи догнали нас и спросили, можно ли продолжить знакомство. Я ответила: ромбик. Они удивились и попросили перевести на русский язык. Я опять: ромбик. Один другому тихо говорит: «сдвиг по фазе», думают, я не понимаю. А Нинуся не выдержала, засмеялась и говорит: она понарошку, это у нее означает знак согласия. Я ей немного рассказывала про свою работу. А все-таки, на каком языке, спрашивают парни. Угадайте, говорю. Так и дошли до дома, пришлось сказать, а то бы не отстали.

Моя мама очень довольна, что я на ЭВМ. Говорит:

чистая, культурная работа. Папа развешивает ее тезис: современная, перспективная. А я пока сама не знаю, что дальше. Осваиваю азы, а там будем посмотреть».

«...Ты пишешь, Томчик, что ничего не поняла из моего письма: разные коммутации, трансляции, какие-то корма, БРЗ. Неужели я про все это писала? Ну и дураха, честное слово, извини, пожалуйста. А еще ты просишь разъяснить эти слова и вообще — подробно рассказать, что у меня за работа. Ой, да зачем это тебе нужно, Томка? Ты же не собираешься в ИВЦ (информационно-вычислительный центр). Знаешь, честно говоря, я еще сама не очень хорошо разбираюсь».

В общем, работаем мы на двух электронно-вычислительных машинах «Минск-32». Приходится нелегко — в три смены. Опытных операторов ставят по одному на машину. А таких, как я, — по двое или в пару с опытной. Ну вот, КОРМ — это условное название программы, которую мы вводим в начале работы. БРЗ — сокращенно Бюро решения задач. Трансляция — не то что по радио или телевизору передают, а, как бы сказать: когда машина ведет перевод программы с языка математики на свой, машинный язык, проверяет ошибки. А коммутация — когда я соединяю шнур на пульте через логическую связь с каким-то из НМЛ. Понятно? Наверно, не очень, но я не сумею подробнее объяснить. У нас очень много разных условных обозначений. Кстати, НМЛ — это накопитель на магнитной ленте, как бы большой магнитофон. Вот встретимся, расскажу больше.

А недавно, Тамара, к нам в ИВЦ пришел один дядечка, говорили — писатель. Пишет повесть про девушку, хочет сделать ее оператором ЭВМ, вот и явился изучить наше дело. Нина Ивановна, начальница БРЗ, привела дядечку к Зинаиде — старшему оператору. А Зинаида сегодня с утра злая-презлая, кидается на всех. Вывела из себя даже добрейшего Юрия Николаевича, электроника. У вас, кричит Зинаида, опять второй НМЛ нигуда не годится, что вы за инженер, и все такое. А Ю. Н. ей выложил: «Вас, Зинаида, надо с утра ставить на профилактику, контрольный тест вам давать, вы частенько сбюите». Представляешь, я чуть со стула не свалилась от смеха! Дело в том, что машинам каждый день утром делают профилактику, пропускают через них контрольные программы, чтобы исключить ошибки, сбюи.

В общем, Зинаида психанула и ушла, а писателя ко мне переправили. И он, в точности как ты, просил подробно рассказать, что к чему. Хороший такой дядечка, высокий, вежливый, в очках. Я ему говорю: садитесь вот сюда, сбоку, на место инженера, ничего не трогайте и смотрите. Как освобожусь — расскажу. А сама просто не знаю, что ему говорить. Думаю, может, сам все поймет. Он сидел, смотрел и спрашивает: в чем состоит ваша функция? Я говорю: веду диалог с машиной. Он так обрадовался, блокнот вытаскил: очень интересно, говорит, и как же вы с ней беседуете, и вообще — можно мне посидеть на вашем месте?

Я разрешила, тем более, что мне все равно надо было бегать, ленточки магнитные менять. Он сел за пульт, покрутился на стульчике. Наверно, вживался в образ своей героини. «Консул» что-то отпечатал, дядечка вздрогнул, завертел головой туда-сюда: кто это печатает, как будто

человек-невидимка? А я говорю, что это машина запросила: «жду указаний». Он опять блокнот вытаскил: и что вы ей ответите? Согласно инструкции, говорю, задаю машине команду, выполнить такую-то программу.

Тут у меня машина начала сбюить, я волнуюсь, не могу понять, в чем дело. «Консул» стучит: сбюи на второй логической, сбюи на второй логической. Надо было звать старшего оператора, но мы к Зинаиде не любим обращаться за помощью, хотя она хорошо знает машину. Я — к Ю. Н., извините, говорю, Юрий Николаевич, но второй НМЛ действительно сбюит! — Хорошо, мол, я посмотрю, поработай пока на третьем.

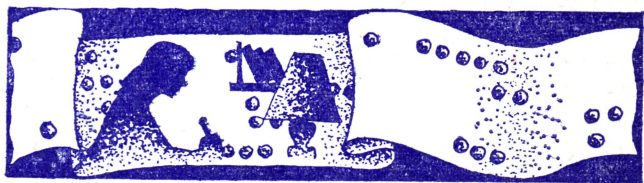
В общем, про писателя я забыла, он сидел тихо и все строчил. Кое-как вывела машину на нормальный режим, и мы еще с ним поговорили. Оказывается, он писал с «Консула» почти весь протокол, то есть наш разговор с машиной. Увидел, что чаще всего встречается ответ оператора — ромбик. Объяснила: значит, я поняла машину, выполнила ее директиву, и она может работать дальше. Но тогда, спрашивает писатель, вообще непонятно, кто кем управляет: вы машиной или она вами. Представляешь? Мы, говорю, друг дружкой управляем, в этом и состоит диалог. Ведь я могу не согласиться с машиной. Вот, к примеру, по протоколу видно, что машина просила поставить одну программу. Я ей отказала — отбила пять звездочек. А вот это, спрашивает, что такое машина сказала: «Ошибка в КБ», в конструкторском бюро, что ли? — В конечном блоке, говорю, каждая программа имеет КБ и НБ — начальный блок. Значит, машина заметила в КБ ошибку и просит исправить.

Вот так этот писатель по всему протоколу меня выспрашивал и заключил, закрывая свой блокнот: да, у вас особый язык, слова знакомые, а смысл совсем другой. Тут влетела Зинаида и стала портить мне настроение: почему я работаю без халата, и вообще, почему много отвлекаюсь. Мол, надо считать государственные деньги, машинный час стоит очень дорого, и все такое.

Вы же сами, говорю, попросили меня ответить на вопросы. А халаты ваши, говорю, грязнее, чем моя кофточка. Она психанула, кинула мне новую работу и ушла.

Подождал Ю. Н. и мяко так сказал: «С халатом, Светлана, ты не права. Грязный халат все же лучше. На кофе ты приносишь пыль с улицы, это самое страшное. Ты же сама видишь, как стираются магнитные головки на НМЛ, отсюда и частые сбюи. Зинаида не может по-человечески объяснить, но по сути она права». Мне было стыдно, потому что Ю. Н. мы все уважали.

Ну вот, Томуся, я так подробно обо всем наката-ла, что, наверно, скучно читать. Ты напиши, если неинтересно, я больше не буду».

«...Опять работаю в ночь. На машине идет большая, но простая программа. Значит, у меня есть свободное время. А ты хитрая, Томуся! Пишешь, что тебе нравится читать мою писанину, просишь еще писать. Ладно, читай, только за почерк извини, не люблю чистописания».

А ведь я в школе, помнишь, хорошие сочинения писала. Русский язык мне легко давался, хотя и ругали за

почерк. Все девчонки и учителя прочили мне филологический факультет. Я и пошла, не добрала два балла. Теперь даже рада, что не прошла. Хочется отдохнуть от зубрежки и просто пожить, поработать, осмотреться.

Я тебе не писала, что четыре месяца работала секретарем в одной организации? Потом знакомая девчонка сказала, что нужны операторы в ИВЦ, за пару месяцев можно научиться. Я пришла, и довольна пока. Нравится здесь все больше и больше. Каждый день узнаю что-то новое. А ведь до этого я не имела никакого понятия о работе оператора, даже машины ни разу в глаза не видела. Ну, да как ты-то сейчас.

Знаешь, Тома, здесь пригодилась моя склонность к языку, довольно быстро научилась разговаривать с машиной. У нас считается так: если сумеешь самостоятельно оттранслировать пакет на ленту, значит, ты почти оператор (Пакет перфокарт с программой перевести на НМЛ). А про то время, что секретарила, думала — пропащее. Нет, Томчик, ничего в жизни, оказывается, не пропадает. Пригодилось и это, немножко привыкла разговаривать с разными людьми. Но — с машиной легче было найти общий язык, чем с людьми. Для меня, во всяком случае.

Знаешь, мы тут все ходили расстроенные — одну девчонку уволили. Ну, не то чтобы уволили, предложили взять расчет. Не получился из нее оператор, месяца три маялась, никак не могла привыкнуть к машине, запомнить все директивы, символы, обозначения. А когда закомутировала логическую не на тот НМЛ, затерла запись, испортила единственную ленту с программой, шум был страшный! Нашим пришлось поехать в другой город, просить ленту для перезаписи. Ужас! Если бы такое случилось со мной — а вполне могло, — я сама бы ушла от стыда.

Потом у нас с девчонками получился спор: кто может стать оператором ЭВМ. Одни говорили — любой, просто надо стараться. Другие — что нужны данные, способности. Подошел Ю. Н. и сказал, что необходимо оптимальное сочетание нескольких качеств: внимательности, спокойствия, сообразительности и подвижности. Внимательность, чтобы точно выполнять все директивы. Спокойствие, чтобы не нервничать, когда машина сбивает. Сообразительность, чтобы придумать, как поступить в непредвиденных обстоятельствах. И подвижность — экономить дорогое машинное время, быстро выполнять все действия.

После я спрашивала у Ю. Н., есть ли у меня это самое оптимальное сочетание. Говорит: «Не обижайся, Света, пока нет, но где-то близко. В перспективе ты можешь стать классным оператором. Особенно не хватает тебе — то есть мне — выдержки, равновесия в характере. Хочешь, говорит, покажу тебе, как ты начала прошлую смену?» Он растопырил пальцы, грохнул ими по клавишам «Консула», полетел к НМЛ, с силой дернул дверцы, сорвал замок, рванул кассету с лентой. Конечно, он ничего это не сделал, только изобразил. При этом дергался, как Чарли Чаплин в старых фильмах.

Я сидела вся красная. Ужас — неужели я так работала! А Ю. Н. дальше меня учит: «Ты же знаешь, Света, больше восьми знаков в секунду «Консул» все равно не передаст. Зачем же торопиться, бить по клавишам? А погнешь кассету — на ленте отразится, вот тебе и снова сбой».

В общем, Тома, получила я хороший урок и благодарна Ю. Н. Сейчас много пишут о наставниках, до нас это еще не дошло. Но я считаю Ю. Н. своим наставником, хотя сам он на машине работать не умеет. Говорит, что в случае крайней необходимости по «букварю», как-нибудь, медленно, но сможет заменить оператора. («Букварем» мы зовем общую инструкцию для оператора ЭВМ).

Как-то мы стояли с Ю. Н. далеко от пульта. «Консул» отпечатал что-то, я пошла посмотреть, какая директива. Ю. Н. удержал меня: Подожди, скажи-ка, что там машина отпечатала? — Сейчас прочту, говорю. — Нет, ты на слух скажи. — Ой, я так не умею. — А почему я умею? Ты же больше с машиной разговариваешь. Там напечатано: «Сбой на логической», верно? — Я прочла и рот раскрыла. Ну и Ю. Н., просто слов нет, это же надо — на слух читать!

После я заметила, что опытные операторы много принимают на слух. Бывает, в ночную смену сидят в кресле за пультом, кимарят, а сами слушают. Машина печатает время каждые десять минут — они не реагируют. Как только прозвучит директива, сразу открывают глаза.

Ю. Н. посоветовал мне тренироваться: отойти от пульта и угадывать директивы. Пока не получается, но уже не удивляюсь, что это что-то особенное.

Знаешь, Томка, недавно к нам приходила практикантка из училища. Оказывается, там уже второй год набирают группу операторов-программистов. Конкурс огромный, больше, чем в университете. Проводят собеседование по физике и математике, многих не принимают. Первая группа была сплошь из девчонок, во второй уже два парня появились. Наша профессия считается почему-то женской, думают — она легкая, кнопки нажимать. Парни, наверно, стесняются, а зря. По-моему, для них очень даже подходящая профессия. Если бы знала про это училище, сразу пошла бы туда. Даже лучше, что там готовят с уклоном в программирование. Меня это дело начинает интересовать».

«...Махнули с Нинкой в лес, бродили полдня. Болтали обо всем на свете — о тряпках, книжках, мальчиках. Потом Нинуля говорит: «Не люблю я свою работу (она контролером на заводе), сидишь целый день и проверяешь одно и то же, как автомат. С удовольствием пошла бы в швей, ты же знаешь, я люблю шить-кроить. А мамаша толкает в политехнический, и на завод толкнула — стаж зарабатывать. А ты как — любишь свою работу?» — Это она меня спрашивает.

Я ей рассказала примерно то же, что и тебе писала. Она слушала-слушала и протянула: у-у, Светик, ты счастливая, сама выбрала, никто тебя не пихает.

Кажется, Томуся, мне действительно повезло. Даже чувствую, что работа на ЭВМ как-то влияет на меня. Я стала аккуратней, собранней, и еще — выдержанней. Не психую, как бывало раньше, если что-то не получается. Завела себе два халата из хабэ, чтоб не электризовались, один ношу, другой стираю. Папка тоже говорит: весьма заметно благотворное влияние профессии. Дескать, стала я логичнее в мыслях, опрятнее в одежде, и все такое.

Конечно, всю жизнь в операторах не буду, в нашем деле следующая ступенька — программист. Стала интересоваться программированием, машинными языками «Кобол», «Фортран», «Яск». Их много, мы в основном работаем на «Коболе». Но пока для меня все это очень сложно, темный лес, даже темнее, чем когда я начинала на машине.

Пробую читать книжки по АСУ, кое-что понимаю. Вот из одной брошюры выписала: «До автоматизации управления система целиком состояла из коллектива людей, связанных друг с другом определенными отношениями. С созданием АСУП возникает человеко-машинная система, в которой на вычислительную технику возлагается значительная доля рутинной работы, осуществляемой раньше человеком». Звучит немного фантастически, правда? На самом деле так оно и есть. Вот я как оператор и есть элемент системы. Удивительное это чувство: не просто пришла на работу, но включилась в человеко-машинные отношения.

А вообще, цепочка у нас такая: проектировщики составляют задачу и передают программам, те переводят задачу на язык математики, составляют программу и дают нам на машину. Мы закладываем программы в память ЭВМ, на ленту, пропускаем через машину и выдаем программистам решение. Те расшифровывают и возвращают задачу проектировщикам.

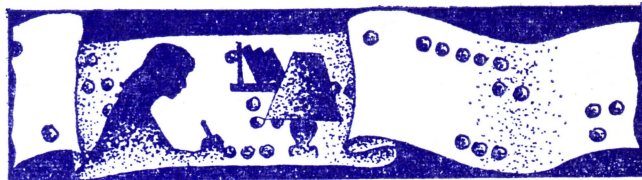
Знаешь, недавно я увидела у знакомого программиста Григория Андреевича книгу «Кибернетическая смесь», автор В. Пекелис, и попросила почитать. Там описан случай. В одной стране применили ЭВМ для расчетов за квартирные услуги. Некий квартиросъемщик отключил все приборы и уехал в отпуск. Вернулся — его ждет чек, выписанный машиной: уплатить 00 долларов 00 центов. Он решил, что это шутка, и выбросил квитанцию. Пришло напоминание — срочно перевести ту же сумму. Он снова выбросил. Наконец, в третий раз пришла грозная бумага: немедленно оплатить, иначе все будет отключено. Квартиросъемщик тогда со зла послал перевод на 00 долларов 00 центов, и машина успокоилась. Просто анекдот, правда? Даже мне понятно, что программу нужно было составить так, чтобы при всех нулях квитанция не выписывалась, то есть автоматически подавала директива на исключение.

Я сказала об этом Григорию Андреевичу. Ну и правильно, говорит, это азы программирования.

Теперь отвечаю на твой вопрос насчет излучения. Я спрашивала у Ю. Н., он сказал: глупости, никакого излучения на ЭВМ нет. Вот электризация есть, статические заряды накапливаются на одежде, на теле. Но сейчас они везде есть. Помнишь, как в школе: походишь весь день в синтетике, и потом искры сыпятся, пальцы колет. У нас электроники говорят, что машина не любит модницы, которые в синтетике ходят. Электризация создает дополнительные помехи и может вызвать сбой. Ю. Н., когда увидел, что я в халате из хэб хожу, обрадовался. Меньше пыли, меньше электризации. И вообще, говорит, с хорошим оператором и электронике хорошо, меньше хлопот. Я тут на полчаса выходила обедать, меня заменила другая девочка, так она бедного Ю. Н. задержала. Он потом мне потешно изобразил: Юрий Николаевич, а здесь почему не включается, Юрий Николаевич, а это куда ставить. Он показывал, а я думала: вот и я такая же была, неумеха.

Знаешь, мы тут посмеялись недавно. Приезжали к нам программисты из Перми, у нас с ними творческая дружба. В междусменную профилактику дали они мне ленточку и сказали, чтоб не удивлялась. Я включила машину, и вдруг вижу: печатное устройство выдает что-то непонятное, как будто чей-то портрет. Посмотрела издали — получилась Эйнштейн, физик. Потом машина выдала портрет Есенина, еще чей-то, забыла.

Потом пошли Заяц, Волк из «Ну, погоди!» Хоть я и знала, что запрограммировать можно что угодно, все равно страшно удивилась. А пермяки довольны: машина четко сработала. Они подарили мне эти картинки, я дома у себя повесила. Мама всем хвастает, мол, дочка на электронной машине нарисовала. Эйнштейна папка отнес к себе на работу. А тебе посылаю зайчика. Правда, симпатичный зверь?»

«...У меня все по-старому. Работаю, читаю, гуляю с Никулей, понемножку готовлюсь в институт. Хотя особенно не огорчусь, если не поступлю. Хочется побольше набраться опыта. Я уже твердо решила: моя жизнь связана с АСУ. Но вот в какой именно области, пока не знаю. Наш программист Григорий Андреевич советует не спешить. Ему все кажется, что мне больше подходит проектирование задач АСУ, что пригодится знание машины и элементов программирования.

Обычно проектировщики — это экономисты с широким диапазоном и большой эрудицией. У нас в ИВЦ есть бюро проектирования АСУ. Раньше оно меня не интересовало, теперь хочу с кем-то познакомиться и узнать, что они делают. Томчик, ты уже знаешь, что ЭВМ выдает иногда такую фразу: «Жду указаний». Вот и мне другой раз хочется, чтобы кто-то подсказал мне, что делать. Только это должен быть умный человек.

У нас такой — Ю. Н. Как-то я сидела за пультом, машина работала нормально, я ставила «ромбики» да почитывала журнальчик. Ю. Н. шлифовал под микроскопом магнитную головку. У него устали глаза, он подошел ко мне отдохнуть, поболтать. Я люблю такие моменты, всегда что-то интересное Ю. Н. расскажет. Он полистал на столе программы: «АСУ — контроль», «АСУ — кадры», еще какие-то. И спрашивает: для чего эти программы, не знаешь? Нет, говорю, мне без разницы. А он: нам, таксистам, все едино, да? Это у него такая поговорка, которой он нас, операторов, подначивает. Мол, кого таксист везет, зачем, — его не волнует, будто просто груз везет. Ну ужели, говорит Ю. Н., для себя, для души не интересно узнать? А пойму ли я, спрашиваю. Он рассказал, и все оказалось очень просто.

На заводе, для которого рассчитана программа «АСУ — контроль», издают тысячи приказов, распоряжений, составляют сотни графиков, планов, в них указаны ответственные сроки. Все это получается в таком количестве, что запомнить невозможно, не успевают контролировать. Вот мы на машине просчитываем и выдаем сводку на каждый день: конкретно кто, когда и что должен сделать, сколько осталось до конца срока. Как просто, правда?

Потом Ю. Н. взял другую задачу — «АСУ — кадры» и тоже объяснил. В организации несколько тысяч человек, у каждого свой возраст, образование, стаж, своя специальность и так далее. Допустим, надо быстро узнать, сколько человек в возрасте до 20 лет со средним образованием, со стажем до двух лет нигде не учится. Машина тут же ответит. Затем, продолжал Ю. Н., захотят узнать, кто из операторов ЭВМ еще не выбрал себе профессию окончательно и не хочет учиться дальше.

Ох, и хитрый Ю. Н.! Понимаешь, к чему он клонил? На такие вопросы, говорю, машина не ответит, они не запрограммированы. Машина тем и хороша, что не лезет в душу. Ю. Н. смутился и извинился. А я говорю: один раз я уже поступала да не поступила, наверно, не очень хотела. Теперь хочу определиться — программирование или проектирование, что вы посоветуете? Он подумал и сказал, что все хорошо, если нравится. И ушел к себе, за шкафы с электроникой.

А я работаю и не могу сосредоточиться, что-то мне мешает, боюсь ошибиться. И вдруг вспомнила: ходят слухи, что Ю. Н. от нас забирают в другой ИВЦ. Там ставят

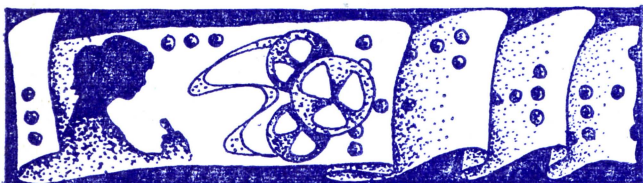
новые машины, типа ЕС, третьего поколения, и Ю. Н. берут туда начальником машины. Я — к нему.

«Юрий Николаевич, можно один вопрос: вы меня считаете опытным оператором? — В достаточной степени. — Тогда второй вопрос — верно, что вы от нас уходите? — Но ведь ты хотела задать только один вопрос. Ну, хорошо, допустим, верно».

В общем, я просила его взять меня с собой на новые машины. Он сказал, что взять не может, так как оператор подчиняется не начальнику машины, а начальнику БРЗ. Похлопотать мог бы, но я, говорит, не очень надежный человек, в том смысле, что могу уйти учиться. — Это еще вилами на воде писано, а если, даст бог, поступлю, то через пять лет вернусь к вам на ИВЦ. — Вот и найди себе равноценную замену, а я похлопочу, договорились?

И тут, Томчик, я подумала о тебе, вспомнила твои подозрительно подробные вопросы. По-моему, тебе надо попробовать на ЭВМ. Я вообще убедилась, что нам нужно больше примерять к себе разных профессий, тогда наверняка подберешь по душе и по способностям. Я рассказала Ю. Н. про тебя, расхвалила: дескать, и внимательная, и собранная, и спокойная. Он усмехнулся — прямо идеальный оператор, говорит.

Давай составим с тобой такую программу действий. Назовем ее «Томка», мы каждой программе на время работы присваиваем имя — идентификатор. Это просто пять любых знаков, однажды девочки в шутку назвали программу моим именем. Итак, ты пишешь мне свое решение, если согласна, ставишь «ромбик». Я говорю Ю. Н., он договаривается с нашей начальницей, я сообщаю тебе результат, заранее знаю, что она согласится. Ты увольняешься из своей конторы, приезжаешь к нам. Я прошу, чтобы тебя поставили в пару ко мне, ты очень стараешься, я за три-четыре месяца берушь подготовить тебя к самостоятельной работе. И тогда я со спокойной душой пробую поступать на отделение АСУ. Поступлю — ты остаешься за меня. Нет — работаем в паре. Ну как? «Ромбик»? Соглашайся, Томка, не пожалеешь, я плохого не присоветую».

«...А сейчас я дома, сижу одна, родители на службе. Я завтракаю, пью чай с конфетами: трудовые, честно заработанные «Копытца». Ночная смена прошла очень тяжело, я здорово устала. Программы попались сложные, ни читать, ни писать не могла. Машина печатала «масоши» (массовые ошибки), потом вообще стала, заупрямилась. Я ее толкала, она ни с места. Запрашиваю у нее, в чем дело, печатано СО — «как состоянье?», ОЧ — «какая очередность?» Она «отпнывается» — печатает звездочку, то есть ничего не воспринимает.

Я стала нервничать, потом вспомнила, что если я забую, машина сразу это почувствует, тогда совсем плохо. Взяла себя в руки, делала все спокойно. Даже клавиши не просто нажимала, а с поглаживанием. Так сама успокаиваешь и машину будто успокаиваешь. Подумала, что если двадцать минут нет никаких директив, машина молчит, только время печатает, — вероятно, она зациклила. То есть внутри нее крутится, а выхода нет. Понимаешь, Тома, такое и у нас, людей, бывает, правда? Вертится в голове какая-то мысль, никак не отвяжешься от нее, не вырвешься из круга.

Ю. Н. был в дневную смену, со мной работал новенький инженер-электроник. Спрашиваю у него, что делать.

Он посмотрел и говорит: со стороны машины все в порядке, а больше не знает, — видимо, циклит программа. Пришлось самой принимать решение. Скомандовала машине исключить программу. Она исключила и спокойно вышла на конец программы. Я снова загрузила и начала все сначала. Три раза машину запускала, и все же заставила ее дать решение.

Знаешь, Томка, мне кажется, я стала чувствовать машину. Начальница говорит, что у меня появилась интуиция. А что, я, например, очень люблю слушать звуки работающей машины. Особенно когда идет сортировка — звук стоит такой приятный, будто тихий художественный свист. Первое время я даже делала такое: позвоню по телефону Нинусе и говорю: послушай, как наша машина работает, — слышишь? Она, конечно, ничего не понимала. Я стала отличать первую машину от второй, хотя они совершенно одинаковы. Но первая мне кажется более послушной. Вот только сегодня ночью заупрямилась.

А началось с того, что вчера утром к нам в БРЗ пришел Григорий Андреевич, программист. Я с ночной переодевалась за шкафом, он меня не видел. Сказал начальнице, что у него очень сложная задача, много программ, хорошо бы дать кому-нибудь из опытных операторов.

— Могу дать Вере или Светлане, но Света в третью.
— Согласен, пусть в третью, ей можно доверить.

Сегодня утром он пришел, посмотрел печать и чуть не обнял меня. Ну, Света, говорит, ты просто молодец, помогла мне, я по-другому расставляю директивы, теперь знаю, как упростить программу. Пока я собиралась домой, он сходил в буфет и притащил кулек конфет «Серебряное копытце».

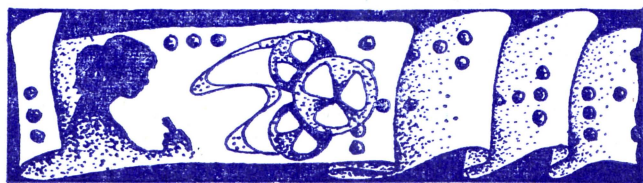
Потом пришел Ю. Н., передал привет от писателя. Он скоро заканчивает свою повесть, принесет нам почитать рукопись. Смеется, что он, как Лев Толстой, смеял несколько наших девочек-операторов и составил свою героиню, сотворил художественное обобщение. Интересно, что он взял от меня? Ведь мы с ним только два раза говорили.

Домой шла пешком, хорошо так было идти, хотя меня шатало от усталости. Лопала конфеты и думала: здорово приятно, когда тебя ценят, с тобой считаются, тебе доверяют, когда ты что-то научилась делать, и довольно прилично. Я никогда раньше такого не испытывала, и ничего мне больше не надо.

Знаешь, Томчик, как я рада, что ты ответила «ромбиком»! Я уже разговаривала с начальницей, она сказала: берем под твою ответственность, то есть под мою. Ты уж меня не подведи, подружка. Приезжай скорее, начнем обучаться.

А сейчас у меня программа на день такая: немножко поучу математику и физику, потом зашторю окно и завалюсь спать. После приготовлю обед, поучу еще, вечером с Нинулей сходим прогуляться в парк. А потом почитаю что-нибудь или посмотрю телик и пойду в ночь на работу. Папка проводит меня до остановки и будет снова дразнить: мол, не можешь завести себе персонального рыцаря, чтобы встречал с вечерней смены и провожал в ночную.

Ой, как хочется спать, не буду я сейчас ничего учить, башка не соображает, глаза совсем слипаются, рука не пишет. Я уже сплю-у-у-у...»

Декабристы в Сибири

**Сергей
БЫВАЛЬЦЕВ**

В нашей стране широко был отмечен знаменательный юбилей в истории Родины — 150-летие со дня восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге.

Лучшими из русского дворянства, людьми, которые составляют национальную гордость нашего народа, — так называл декабристов В. И. Ленин. Они были первыми революционерами, с оружием в руках восставшими против царизма. Они считали, что выступают от имени народа, но они были оторваны от народа. Их предали Шервуд, Майборода, Бошняк, фон Витт. О готовящемся 14 декабря выступлении на Сенатской площади узнали в царском дворце...

Пятеро декабристов были повешены, остальные — сосланы в Сибирь...

150 лет прошло с тех пор. Но народ помнит мужественных и благородных декабристов, людей гордых, верных долгу и чести, с сильными характерами, не сдающихся ни при каких обстоятельствах. Святость их помыслов, их деяния, их жизнь-подвиг не могут не восхищать каждого из нас.

К 150-летию со дня восстания на Сенатской площади в Иркутске был издан трехтомник, объединенный единой темой — «Декабристы в Сибири».

Пушкинское «Послание декабристам в Сибирь» снова всколыхнуло Россию. От имени всех ссыльных на него ответил декабрист А. И. Одоевский. Строка из его стихотворного ответа и взята заголовком к первому тому — «Своей судьбой гордимся мы».

Книга написана самими декабристами и их женами. В томе собраны записки и воспоминания Н. В. Басаргина, А. П. Беляева, М. А. Бестужева, И. И. Горбачевского, И. Д. Якушкина, П. Е. Анненковой и М. Н. Волконской. Особую ценность этой антологии придает то, что некоторые из публикаций не переиздавались 50 лет.

Ко второму тому заголовком взята строка из «Послания декабристам в Сибирь» А. С. Пушкина — «Дум высокое стремленье». Здесь собрана сибирская публицистика декабристов — В. И. Штейнгеля, М. С. Лу-

нина, П. Ф. Дунцова-Выгодского, Д. И. Завалишина, В. Ф. Раевского и М. А. Бестужева. Этот сборник еще более ценен — многие его материалы не издавались около ста лет и стали библиографической редкостью.

Вторая половина сборника — воспоминания современников о декабристах. И здесь — все редкости библиографические. Многие воспоминания печатались лишь однажды в прошлом веке, а одно воспоминание — дочери декабриста Никиты Муравьева, рожденной в Сибири Нонушки (Софьи Никитичны Бибиковой) публикуется впервые, до сих пор ее воспоминания об отце хранились в архиве.

Третий том тоже озаглавлен стихотворной строкой — «В сердцах Отечества сынов». В книге три раздела: исследования о Сибири и декабристах 1920—1930 годов; новые публикации на эту тему; неопубликованные письма декабристов.

В третьем томе вместо предисловия со статьей «Несколько слов о сибирском трехтомнике» выступает академик М. В. Нечкина — автор монументальных научных трудов и популярных книг о декабристах. Она пишет:

«Сибирь первой внесла вклад в литературу нового юбилея декабристов. Она встречает 150-летие «первенца русской свободы» тремя томами сборников, очень нужных советскому читателю».

Трехтомник «Декабристы в Сибири» не только хорошие и нужные книги для чтения. Богатый справочный материал, примечания, комментарии делают издание ценным пособием для исследователей, для всех, кто глубоко интересуется историей.

ТОВОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ

ХУДОЖНИК-КРАЕВЕД

**АЛЕКСАНДР
ВАЛОВ,**
искусствовед

Небольшая мастерская Александра Ивановича Мурычева обращена окнами на юг. Многочисленные эскизы на стене, ваза с кистями и карандашами, наборы резцов и красок, на стене — наклонное зеркало. Оно тоже участвует в создании каждого графического произведения.

Дело в том, что А. Мурычев работает в технике линогравюры, а оттиск получается в зеркальном изображении, и чтобы представить, каким он будет в натуре, автору приходится одновременно смотреть и на рождающуюся под штихелем печатную форму и на ее отражение в зеркале.

ЗАРЕЧЬЕ В ТЮМЕНИ

Александр Мурычев предпочитает цветной эстамп. В Тюмени в этой технике работает он один. А до этого увлекался живописью, сущность которой понять ему помог известный советский художник Б. В. Иогансон, когда Мурычев занимался в художественной студии в Москве. Это было в 1946 году, после войны. Перед самым ее началом Саша Мурычев учился в студии Тюменского Дома пионеров. И первым самостоятельным рисунком, оставшимся от того времени, стала композиция в школьном альбоме для рисования

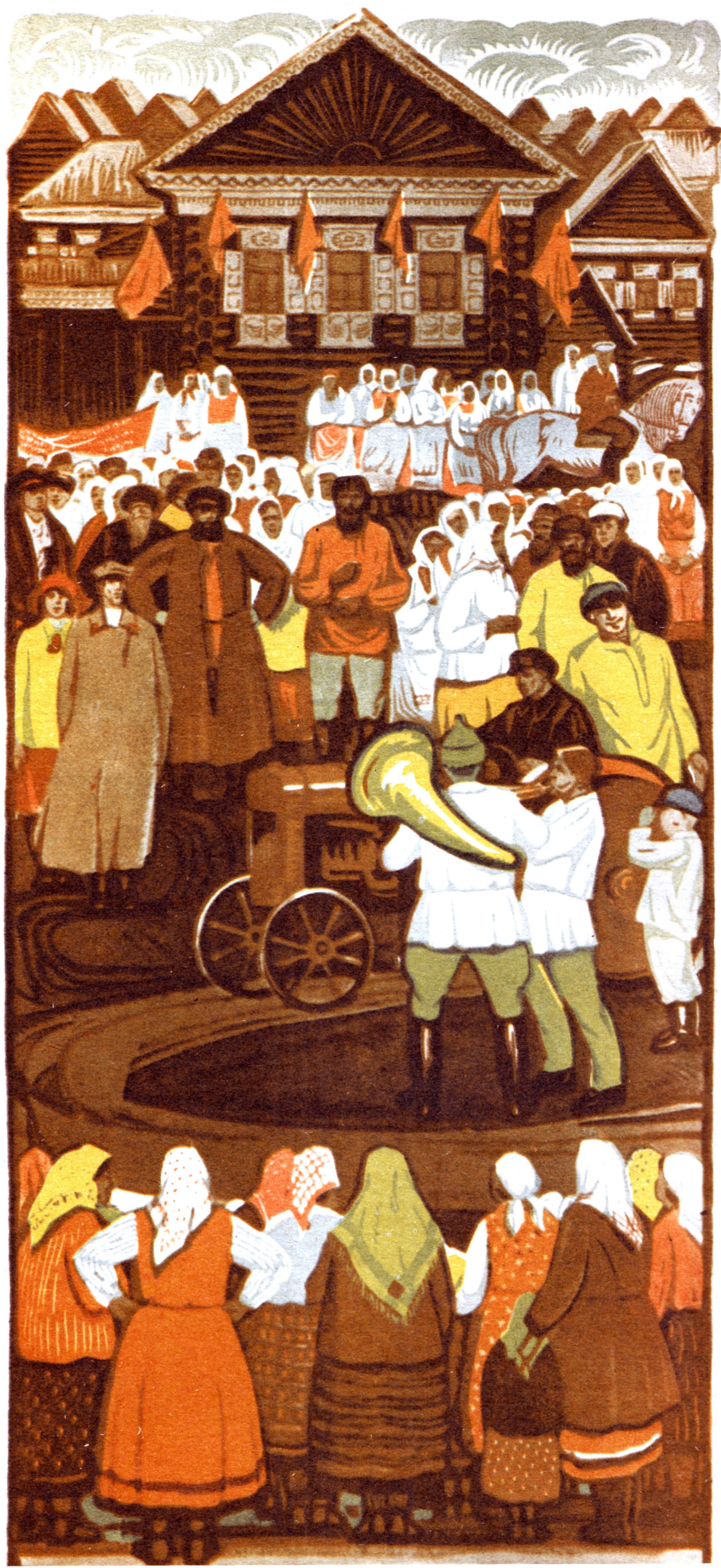
«Митинг на центральной площади в Тюмени». Он проходил в июне 1941 года. Во время войны Мурычев служит в железнодорожных войсках, получает специальность минера-подрывника. Он принимает участие в Сталинградской эпопее, в восстановлении многих разрушенных войной железнодорожных узлов. При очередном разминировании Мурычев получил ранение и в ноябре 1945 года вернулся в Тюмень.

Здесь он стал работать художником в областном краеведческом музее, а это, в свою очередь, опре-

делило всю его творческую судьбу. Все яснее стала определяться и собственная тематическая линия художника — краеведение.

Он режет гравюры, отображающие Тобольский кремль и многие достопримечательные места Прииртышья. На зональной выставке в Уфе появилась серия цветных линогравюр «По дорогам коммунаров». В его работах — вся история края.

На этих страницах представлены лишь некоторые из гравюр А. И. Мурычева. ●

ПРАЗДНИК

СТАРАЯ И НОВАЯ ТЮМЕНЬ

ЕГО СОЧИНЕНИЕ ПО ИСТОРИИ

**Борис
ДРОБИЗ**

Поздно вечером, после отбоя, когда в казарме установилась тишина, Игорь при свете семилитровой керосиновой лампы написал в Свердловск, своему школьному учителю географии О. С. Юсупову, организатору клуба путешественников Дворца пионеров «Глобус»:

«Дорогой Осман Садыкович! Жизнь движется ускоренным порядком. Очень радует начавшийся разгром врага под Москвой. На мою долю, наверное, выпадет освобождение Смоленска, Киева, Минска. В этих городах я не бывал...

...Сейчас Вы будете получать письма не от ученика, каким я был до сего времени, а от самостоятельного человека, лейтенанта Красной Армии, командира взвода роты автоматчиков. Когда поеду на фронт — сообщу, а это будет скоро.

Под моей командой люди в 2—2,5 раза старше меня, побывавшие на фронте, с осколками и пулями в теле.

Как живет школа? Кто занимается военным обучением школьников?»

Наконец наступил долгожданный день отправки на фронт.

«Дорогие папа и мама! — писал Игорь с дороги 24 февраля 1942 года. — Пятый день еду на запад. У меня все в порядке — жив, здоров, командую взводом. Дней 16—17 обучал бойцов, насколько позволяют мои военные знания, полученные в училище...»

Игорь писал урывками, ночами, при мерцающем свете свечи, между боями, под грохот орудий. Писал на клочках бумаги, вряд ли полагая, что его письма когда-нибудь будут опубликованы, станут достоянием грядущих поколений сверстников, помогут им увидеть грозный облик войны, понять, какой дорогой ценой оплачена Победа.

«11 марта 42 г. Действующая армия.

Дорогие папа и мама! Хотя в адресе и стоит «действующая», по-настоящему я еще не действовал. Нахожусь в деревне, почувствовавшей на себе фашистский сапог. У поселения еще свежи в памяти эти черные дни господства арийцев. Гнали фа-

шистов быстро, они не успели поджечь деревню, поэтому она относительно цела. Патроны, автоповозки со снарядами, пушки, походные кухни — все это брошено тут.

Регулярно читаю «Известия», «Правду», «Красную звезду», «Комсомольскую правду» и свои красноармейские. За газетами отдыхаю, учусь сам и учу бойцов, потому что сейчас газеты — лучшие учебники по тактике войны».

В те же дни Игорь напишет О. С. Юсупову:

«Дорогой Осман Садыкович! Часов 10—12 осталось мне до отъезда на передовые позиции. Еду на Северо-Западный фронт, быть может, на защиту Ленинграда. Готов выполнить любое задание, а моя специальность автоматчика — это тыл врага, это разведка, самое трудное, самое опасное. Возможно, «работать» придется в лесах Карелии, значит, еще раз совершу путешествие, и, возможно, не одну тетрадь дневников оставит этот поход.

Как никогда сильно сейчас во мне жажда жизни, не укладывается в голове иное, чем «буду жить». Представьте, не лезет из башки мысль о вузе, а меня уверяют, что это несбыточно».

В первых числах апреля военная дорога привела Игоря на Западный фронт. Упорные, ожесточенные бои вели наши войска с гитлеровцами на древней смоленской земле — на всхолмленных приднепровских полях и в перелесках, освобождая от фашистских извергов населенные пункты. В эти дни в сводке Совинформбюро лаконично сообщалось:

«16 апреля. Наша часть, действующая на одном из участков Западного фронта, в ночном бою заняла важный пункт обороны противника. Гитлеровцы потеряли большое число солдат. Захвачены трофеи. Взятые пленные...»

В этом ночном бою лейтенант Портнягин был тяжело ранен.

Накануне он написал Осману Садыковичу:

«Начинаю помаленьку воевать. Воздух напоен музыкой боя, земля гудит от орудийных выстрелов и бомбежки. Теперь придется пройти

то, что в нашем «Боевом уставе» называется испытанием самых высоких моральных и физических сил бойца. Морально вполне готов, отступать не собираюсь, в плен не сдамся, лучше смерть от собственной руки, чем фашистский плен.

Вчера к нам приезжал ансамбль энской дивизии. Вспомнилось многое из прошлого, из мирного: школа, вечера, концерты, беседы с Вами. Стало немножко грустнее. Хотя бы на один день попасть в Свердловск, взглянуть, поговорить со всеми. Война не шутит, все вероятно. Как никогда хочу жить.

Пишу с большими перерывами, заполняющимися раздумьями. Где брат Зорька? Пошел четвертый месяц, как он, должно быть, где-то на фронте, а я не имею никаких известий. Встречаетесь ли с моей мамашей? Если да, то особенно не читайте ей моих писем, и без того у нее хватает волнений».

Потом родители получают от Игоря два письма.

«22.IV.42 г. Медсанбат.

Дорогие папа и мама! Прежде всего, не волнуйтесь. Я жив, хотя и немножко ранен, не опасно: пуля прошла мне ногу, а вторая прошла по щеке. Кости целы, ну а мясо нарастет. Раны не болят, в общем и целом — «не так страшен черт, как его малюют». Со дня на день жду отправки дальше, проклятые дороги прекратили почти все сообщения. Ранен я в ночь на 16-е. Дело было жаркое. Теперь я как будто прошел «огонь и воду, и медные трубы».

«15.V.42 г. Москва.

Позавчера самолетом прибыл в столицу и нахожусь сейчас в госпитале центральной больницы НКПС, что находится, собственно, не в самой Москве, а в пригороде.

На передовую позицию наша часть вышла 11 апреля. Шли только ночью, а днем, замаскировавшись, отдыхали. Выпала дрянная погода: начинало таять, шел мокрый, липкий снег, дорог не было, и надо удивляться нашей мотомехсиле (под дугами), как она вытащила на передовую обоз.

Прямо с ходу вступили в бой. То, о чем говорилось, то, к чему столько готовились, подошло как-то неожиданно. Вначале мы были обстреляны из минометов и с воздуха. Налетело штук восемь «Хейнкелей», серых, с черными крестами на крыльях. Пикируют они с завыванием, но еще сильнее воют бомбы.

Потом мы заняли оборону. Противник на участке вел наступление с танками. Сутки прошли в ожесточенной перестрелке, но ни на шаг мы не отступили. Наутро сами пошли в наступление, выбили фашистов из рощи П., а затем, поддержанные

нашими танками, заняли деревню Ф-1 и повели наступление на населенный пункт Ф-2, расположенный на горе.

Наступать приходилось по пояс в воде, проваливаясь в снег, по совершенно открытой местности, поливаемой огнем из дзотов, дотов, расположенных на горе. Чем дальше мы лезли, тем сильнее становился огонь. Ночь застала нас наполовину поднявшимися на высоту.

Началась метель с мокрым снегом. Шальная пуля разорвала мне рукав ниже правого локтя и обожгла кожу. Через несколько дней в вате подкладки я нашел половину этой, должно быть, разрывной пули.

16 апреля мы снова пошли в наступление на гору. Штук десять танков поддержали нас, но под сильным огнем артиллерии, увязая в болоте, они продвигались очень медленно. К вечеру мы выбили гитлеровцев из первых дзотов. Огонь не ослабевал. Я со своими ребятами шел впереди. Как только ворвались в блиндажи, пуля или осколок прошла по моей щеке сантиметров 4—5, но довольно удачно, не задев челюсти.

Перевязав щеку, я пошел дальше. Время, должно быть, подходило к часу ночи, мы продвигались вперед. Пулемет гитлеровцев вел кипящий огонь. Он стоял метрах в 150 от нас и дупил тассирующими. То и дело приходилось прижиматься к земле. Пулемет нужно было сбить. С гранатами пополз я к нему. Ползти было все труднее, так как под мною была вода. До фрицев оставалось метров 50. Ясно слышу, как командует офицер, как он ругается.

И тут, только я попытался продвинуться дальше, почувствовал секундную боль в ноге и что-то теплое. Вначале не обратил внимания, но потом стало «не тово»...

Фашистский пулемет был снят автоматчиками звзда лейтенанта Портягина, и подразделение в упорной схватке с врагом овладело населенным пунктом.

Молодой закаленный организм быстро пошел на поправку. Затягивались раны.

«Сейчас ко мне приходит не меньше двух писем в день, — сообщал Игорь однокласснице Але. — Вчера до глубины души был тронут сообщением Османа Садыковича о том, что тринадцатая школа послала мне две посылки и во второй — варенье, сваренное руками Марии Васильевны.

Все мне пишущие выражают уверенность, что в скором времени сможем встретиться в Свердловске. Увы, этого, я больше чем уверен, не произойдет. После поправки я снова поеду на фронт добывать фрицев.

Часто слушаю концерты шефов-

москвичей. Не так давно была бригада МХАТа, среди которых такие имена, как Кторов, который с Сосниным играл сценки по Чехову. Очень хорошо!»

В последних числах августа Игорь покинул госпиталь, а еще через месяц, после окончания краткосрочных курсов, вернулся на фронт в звании старшего лейтенанта, на должность начальника штаба отдельного стрелкового батальона.

«Служу теперь в одном из гвардейских корпусов, — писал он домой. — В одной из тех славных бригад, которая прорвала фронт у Ржева. Командиры и бойцы боевые и бывалые, на годы сейчас мало кто обращает внимание, и совсем неважно, что правая рука командира батальона не достигла еще 20 лет».

Подготовка к бою — важная и ответственная работа, требующая от начальника штаба огромного напряжения. «Последние дни, — писал Игорь в Свердловск, — работаю по 20 часов в сутки, несмотря на это усталости не чувствую. Хочется в короткий срок, с небольшими потерями взять победу. Учю людей — и бойцов и командиров, живу с теми и другими дружно. Ребята у нас в основном молодые, но моложе начштаба трудно найти, спасает физиономия с говорящим за себя знаком на щеке и золотая и красная полоска на груди за ранения».

Потом, 10 ноября, он сообщит: «Только что почтальон вручил мне пакетище за пятью сургучными печатями с рекомендациями, завтра секретарю партбюро вручу заявление.

Так, значит, Сашка Шпильберг и Толя Смирнов погибли? Хорошие были ребята. Я их включаю в счет своей мести бандитам. Кажется, один я остался из всех наших на фронте да Борис Сосон — сержант-минометчик где-то продвигается к фронту, остальные отдали жизнь за Родину».

20 ноября:

«Дорогой Осман Садыкович! Получил Вашу традиционную поздравительную с 25-летием Великой революции. Спасибо большое. Надеюсь, что доживу и до 100-летия и много намерен сделать за это время. На днях по рекомендации Серафимы Архиповны и капитана Серебrenникова принят кандидатом в члены ВКП(б). Через три фронтных месяца буду полноправным членом партии. Это совершится у Смоленска, а может быть, и в Минске. Одно скажу — далеко погоним, как бешеных собак, и опомниться фрицам в эрзацваленках из соломы не придется».

Назавтра он посылает письмо заведующей учебной части 13-й школы С. А. Прокоповой свое последнее фронтовое письмо.

«Уважаемая Серафима Архиповна! По Вашей рекомендации партийная организация части единогласно приняла меня кандидатом в члены ВКП(б). На пороге своей жизни встретить смерть, бороться с ней и победить в схватке, попробовать вкус авиабомб, мин, пуль на своем теле — это много значит. Фронт стал моим университетом. Фронт закалил меня, разжег огонь ненависти к заклятым врагам и жажду мести за страну и народ, за погибших друзей, искалеченного брата и свои раны. Фронт заставил в тысячу крат сильнее полюбить Родину, полной мерой оценить свою жизнь. К твердому заключению привело меня время: только на фронте мое место, только в первых рядах защитников страны. Так сказал я и партийному собранию, принявшему меня кандидатом в члены Великой партии.

Большое спасибо за честь, оказанную Вами мне. Можете быть уверены, что никогда не опозорю я высокого звания члена нашей партии.

С фронтовым приветом старший лейтенант Игорь Портнягин».

Через четыре дня в кровопролитных боях под Смоленском Игорь пал смертью храбрых. Бережно хранят родители выцветшее от времени изображение:

«Ваш сын начальник штаба 4-го отдельного стрелкового батальона 148-й отдельной стрелковой бригады старший лейтенант Портнягин Игорь Иннокентьевич в боях за социалистическую Родину верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, убит 25 ноября 1942 года у деревни Пруды Сычевского района Смоленской области».

Фронтовой товарищ и боевой друг Игоря старшина П. С. Кочетков вспоминает:

— Было морозное утро, сыпал мелкий снег, бурило. Мы готовились к бою. Впереди река, и в метрах 100—200 от нашей передовой — укрепления немцев, дзоты и доты, минные поля, проволочные заграждения. Фашистами пристрелян каждый сантиметр земли. Местность на предстоящем участке атаки гладкая, ни одного кустика или бугорка. На исходном рубеже стали накапливаться танки. Велась редкая минометная и ружейно-пулеметная перестрелка.

Игорь надел белый маскировочный халат, взял автомат, сказал, как всегда, весело, с шуткой:

— Ну, Петро, будь здоров! Смотри, фрицам голову не подставляй! А я пошел к своим хлопцам. Буда на КП батальона.

Мы крепко, по-мужски, пожали

друг другу руку, расцеловались и разошлись в разные стороны.

В 7.00 земля неожиданно содрогнулась от взрывов нашей артподготовки. Сотни минометных и артиллерийских стволов, «катюши» и «андрюши» выбросили на головы врага огненный металл. А когда артподготовка кончилась, наша часть ринулась вперед. Мы ворвались в укрепления противника, закипел бой, переходивший в рукопашные схватки.

В скоротечном бою мы заняли две деревни, превращенные немцами в крепкий узел обороны. Игорь шел в рядах автоматчиков и находился в первой из освобожденных деревень. Однако гитлеровцы не смирились с потерей населенных пунктов, бросили в контратаку танки и автоматчиков. Снова завязался горячий бой. В этот момент я услышал, что начштаба ранен в правую руку.

Гитлеровцы пытались захватить Игоря, но он, отстреливаясь, свалил трех фашистов. Два наших бойца подхватили его, истекавшего кровью, понесли на медпункт. Прошли они всего несколько метров, разорвавшаяся вражеская мина оборвала жизнь талантливого командира и замечательного боевого друга. Один из сопровождавших его солдат был убит, второй ранен.

За смерть нашего любимца Игоря Портнягина мы усеяли поле боя вражескими трупами.

Миновало больше трех десятилетий с той грозной поры, как погиб Игорь, а память о нем жива.

«Один из многих тысяч — Игорь Портнягин, — писала о нем «Комсомольская правда» в День Победы 9 мая 1973 года. — Пробыл час, и десятиклассник, мечтавший о вузе, не задумываясь, становится «абитуриентом» великой войны. Он сдает свой первый экзамен в жестоком бою. Глубокой ночью он ползет с гранатой в руке навстречу извергавшему смерть пулемету, один на один с чудовищем — мальчишка восемнадцати лет. Потом, в госпитале, он увидит в зеркальце юное лицо со шрамом через всю щеку, и это не очень огорчит его.

Пройдет еще несколько месяцев, и вот уже старший лейтенант, начальник стрелкового батальона, коммунист, вновь пробирается на фронт, спешит, чтобы встретить свой день рождения в бою. В последнем своем бою. Он мечтал стать историком. Наверное, он был бы хорошим историком. Но он не стал им. Историю он творил. И остался в ней».

Да, Игорь серьезно, вдумчиво готовился к вступлению в самостоятельную жизнь.

Заканчивался последний предвоенный год. Исторический факультет Московского университета объявил конкурс сочинений для школьников Москвы, Игорь решает при-

нять в нем участие. Его допускают к конкурсу в виде исключения: он единственный «немосквич». Так между ним и профессором, ныне академиком Николаем Михайловичем Дружининым, завязывается деловая переписка. Дружинин дает согласие проконсультировать Игоря.

Долго, усидчиво и кропотливо работает он над сочинением. Перечитаны десятки книг, сделана уйма выписок. Наконец поставлена заключительная точка. Сочинение начисто переписано и отправлено.

«Здравствуйте, Игорь! — писал ему 23 мая профессор Дружинин. — Поздравляю Вас с получением первой премии за представленное Вами сочинение».

Его дальнейшая судьба, казалось, была определена. И мечта близка к осуществлению: он посвятит свою жизнь научному труду, последует по отцовским стопам. Но воскресным ионским полднем началась война...

В адрес родителей Игоря, которые живут ныне в Челябинске, Ангелины Транквилиновны и Иннокентия Иннокентьевича, идут и идут письма от знакомых и незнакомых людей, тревожа родительские сердца, незаживающие раны.

Я был в 13-й школе. Долго стоял перед мемориальной доской в память о бывших учениках, павших в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны. На мраморе среди других имен высечено имя секретаря школьной комсомольской организации юного патриота Игоря Портнягина.

А мимо проходили красногалстучные мальчишки и девчонки, юноши — сверстники Игоря. Невольно думалось: пройдут годы, и они покинут стены родной школы, разойдутся облюбованными путями-дорогами. Но никогда, никогда не забудут своих школьных друзей и учителей, заронивших в их души добрые семена, не забудут светлого имени Игоря Портнягина: его сохранит людская память, которая не подвластна времени!

Маршал Жуков пишет в Конейск

**Лука
КОЗЛОВ**

— У телефона Жуков. Здравствуйте!

— Здравствуйте, Георгий Константинович!

— Как дела в моей дружине? Как идет учеба? Чем могу помочь?

— Все в порядке, Георгий Константинович. Учеба идет нормально, школа всем обеспечена.

— Передавайте сердечный привет детям и преподавательскому составу.

— Спасибо!

Этот звонок в один из октябрьских дней три года назад не был случайным. Маршал интересовался жизнью школы, пионерской дружины, которая первая в стране носила его имя. А началась эта дружба так.

Шефы школы — шахтеры «Красной горнячки» подарили ребятам хорошую библиотеку. Среди книг были «Размышления и воспоминания» Маршала Советского Союза Г. К. Жукова — она и натолкнула ребят на мысль... На пионерском сборе поручили Толе Мышьянову, Оле Токаре-

вой и Тане Матвиевской написать письмо Георгию Константиновичу, просить дать согласие на присвоение пионерской дружине его имени. Маршал ответил:

«Ваше письмо и альбом я получил. Сердечно вас благодарю. Приятно сознавать, что у нас в стране растет молодежь, достойная своих отцов, матерей и дедов, которые делали все от них зависящее, чтобы вы, молодые друзья, могли хорошо учиться и трудиться для Родины, для блага наших советских людей.

Вы просите моего согласия на присвоение пионерской дружине моего имени. Я буду очень рад, если вы присвоите своей пионерской дружине мое имя. Посылаю на память свою фотографию.

С наилучшими пожеланиями.

Г. ЖУКОВ».

Ребята в те дни были просто вне себя от радости!.. Дела дружины с этого дня заметно оживились. Появилось много хороших начинаний.

Был сформирован отряд «Дзержинец» для борьбы с нарушителями общественного порядка — кстати, впоследствии он был награжден Почетной грамотой Копейского городского отдела милиции. В отрядах появились дневальные. Были введены воинские рапорты и приветствия.

Переписка с маршалом продолжалась.

«Ваше письмо мною получено. Очень похвально, что вы по-настоящему занялись самовоспитанием. Это вам пригодится на всем жизненном пути. Будут у вас в первое время некоторые трудности, но вы не отступайте перед ними. При любых условиях и обстоятельствах идите вперед твердыми шагами. Посылаю вам одиннадцать снимков...

Что касается наименования: «Орловско-Курская дуга» — это неправильно, такой не было. Была только «Курская дуга». Наше наступление шло в двух направлениях: первое — Белгородско-Харьковское, второе — Орловско-Брянское.

С наилучшими пожеланиями.
Г. ЖУКОВ».

В торжественный день, когда дружине присвоили имя прославленного полководца, когда ребята у красного знамени давали присягу идти дорогой отцов и дедов, в школу пришла телеграмма. Маршал желал дружине высоко нести знамя пионеров-ленинцев.

В Москву на встречу с Г. К. Жуковым выехали 25 ребят. Они привезли в подарок маршалу сувениры: шахтерскую лампу, отбойный молоток, герб города... Воспитатель школы В. Г. Голуб вспоминает: «Не раз приходилось бывать в Москве на квартире Георгия Константиновича. Его адъютант подполковник И. А. Прядухин рассказывал о том, что Георгий Константинович очень внимательно относился к письмам и письмам ребят из Копейской школы. Он знал, что половина воспитанников интерната не имеют родителей; его, пережившего тяжелое безрадостное детство, это очень трогало».

Рассказал подполковник Прядухин и о таком эпизоде. Как-то Георгий Константинович сидел в своем кабинете, писал. К нему подошла дочь Маша и, положив руку на плечо отца, спросила:

— Что ты пишешь, папа?

— Письмо детям на Урал...

— А можно мне подобрать и послать им книги?

— Конечно, можно.

Так в школе-интернате появилось тридцать книг из личной библиотеки маршала Жукова...

Почти каждое начинание ребят сопровождалось теплым напутствием маршала.

«...Хочется, дорогие ребята, выказать несколько пожеланий, которые будут вам полезны в дальнейшей жизни. Овладевайте знаниями, будьте разносторонне образованными людьми. Чтобы быть здоровыми — обязательно занимайтесь спортом. Когда будете взрослыми, ваши отцы вручат вам эстафету дальнейшего строительства коммунистического общества в нашей стране. Эта эстафета должна быть передана в руки сознательных, мужественных, крепких и трудолюбивых людей, беззаветно преданных нашей великой Родине.

В вашей школе-интернате создан музей боевой славы. Мне, старому солдату, участнику четырех войн, приятно сознавать, что наши дети и внуки свято чтут память тех, кому не довелось вернуться с поля брани, где они отдали жизнь за Родину, за ваше светлое будущее. Вечная им слава.

Крепко обнимаю вас.
Г. ЖУКОВ».

По традиции в школе проходят городские слеты ветеранов Северо-Западного фронта. В Копейске живут 84 ветерана этого фронта. Каждый год, в канун Дня Победы, собираются они в школе-интернате № 2.

И непременно отведут ребята гостей в свой школьный музей боевой славы. В его четырех просторных светлых залах хранятся подлинные документы, рассказывающие о боевом пути войск, которыми командовал маршал Жуков, около тридцати подаренных им фотографий с автографами. Здесь же стоит бюст Георгия Константиновича — дар музею семьи известного московского скульптора А. М. Измалкова. Есть документальный фильм «Воспоминания о мужестве» — о героической обороне Ленинграда, фильм снят Ленинградской киностудией и подарен ребятам с дарственной надписью — от комсомольцев и молодежи студии «Ленфильм».

Особо памятные реликвии музея. Фронтная папка маршала Жукова. На скольких фронтах побывала она, сколько оперативных документов хранила... Письменный прибор, который до конца жизни стоял на столе в кабинете маршала. На стальной пластинке выгравировано: «Маршалу Советского Союза Жукову Г. К. в день рождения от моряков-балтийцев».

Под стеклом на стене — перечень наград, сделанный лично полководцем. Маршал награждался 55 раз. Первым орденом Ленина он награжден в 1936 году, Красного Знамени — в 1922-м, орденом Суворова I степени — в 1943 году, орденом Победы — в 1944 году. Звания Героя Советского

Союза был удостоен четырежды: в 1936, 1944, 1945, 1956 годах... Георгий Константинович был удостоен звания Героя Монгольской Народной республики, имел высшие награды польские, чехословацкие, югославские, английские, французские, американские, итальянские...

По залу «Они сражались на Северо-Западном фронте» ведет экскурсию ученица 6-го класса Вера Степанова.

Ставка Верховного Главнокомандования в начале февраля 1943 года командировала маршала Жукова на Северо-Западный фронт. Он принял участие в разработке и осуществлении разгрома 16-й немецкой армии и ликвидации Демянской группировки противника. Мужественно сражались под его руководством и наши земляки — воины из Копейска.

Для сержанта Аккуратова путь по дорогам войны начался в мае 1942 года в боях под Старой Руссой. Воюя в составе 151-й отдельной стрелковой бригады. На реке Ловать был ранен. Участвовал в боях по освобождению братской Польши и штурме Берлина. За мужество и храбрость награжден орденами Красной Звезды, Славы III степени, медалью «За отвагу».

Сергей Максимович Ситников воевал пулеметчиком в лыжной бригаде. В марте 1943-го бригада наступала на деревню Вздвд. Продвижение бойцов сдерживал вражеский пулемет, установленный в церкви. Младшему сержанту Ситникову было приказано уничтожить его. Пулемет замолчал, а сам Ситников, скошенный фашистской пулей, остался лежать на снегу... Его подобрала санитары из другой части и отправили в госпиталь. В бригаду вернуться больше не довелось. А там его посчитали убитым, о чем и сообщили на родину. Военкомат выслал родителям извещение о смерти.

А младший сержант Ситников в это время воевал артиллеристом. Написал письмо родителям — они не верят... Убедились только, когда вернулся после демобилизации, и вручили сыну извещение: «Возьми-ка на память. Теперь долго будешь жить!»

— Да что я рассказываю, — спохватывается девочка-экскурсовод. — Вот же сам Сергей Максимович, он может рассказать...

— А что говорить, жив-здоров, — улыбается ветеран. — На войне всякое бывало: и хоронили, и воскресали...

Вот еще один экспонат: записная книжка, в которой зияют четыре дырки от пуль. Эту реликвию пода-

рил Кузьма Пантелеевич Бабенко. Когда в бою под Старой Руссой ранило командира, он принял взвод. Людей во взводе осталось совсем мало. Боеприпасы на исходе. А комбат приказывает: «Держись, сержант Бабенко, держись! Скоро будет подкрепление. И боеприпасы будут... Только сохрани позиции!» Сержант Бабенко выстоял. Уж после боя «срезал» его немецкий автоматчик-«кукушка»: в левый бок попало четыре пули, продырявили записную книжку и тело... В полевом госпитале хирург удивлялся: «Ну и счастливый ты, сержант Бабенко! В одном сантиметре от сердца пули прошли!»

Имя этого солдата и многих других упоминается здесь наряду с именем маршала. Маршал и солдат! Они делали одно дело — освобождали Родину от немецко-фашистских захватчиков. Что могло роднить больше?

Дети тяжело пережили кончину Георгия Константиновича Жукова. На похороны его в Москву ездила делегация от школы. Ребята были у гроба маршала. Маршал А. М. Василевский подошел в сопровождении подполковника И. А. Прядухина, обнял ребят:

— Милые дети! Потеряли мы боевого товарища и друга... Запомните этот день! Растите большими, любите Родину, как любил ее Георгий Константинович...

Они запомнили этот день на всю жизнь.

...В школе по-прежнему проходят торжественные приемы в пионеры и комсомол, встречи с ветеранами боев. И каждый новый подвиг подкрепляется зримо экспонатами музея, освящается памятью о Георгии Константиновиче Жукове — он был полководцем, который вел в бой, он был отцом для солдат, он был другом школы.

*г. Копейск,
Челябинская область.*

УЛИЦЫ НАШЕГО ГОРОДА

Георгий ВОРОНОВ

В Краснотурьинске более ста улиц. Названия их — частичка истории города. Иные названия сохранились со времен возникновения города, а ему — более 200 лет. Многие улицы переименованы. Но большинство улиц города вместе с новыми именами появились за последние два десятилетия.

В старину поселок Турьинские Рудники делился на Васильевскую, Суходойскую, Фроловскую и Макарьскую части.

Первый рудник в Турьинском районе был назван Васильевским в честь основателя заводов округа Василия Максимовича Походяшина. Позднее были открыты Фроловский и Суходойский рудники. Один был назван по имени того, кто его открыл, а второй — по суходолу, около которого был расположен. Впоследствии название Суходольский переименовали в Суходойский. Появилось в городе и пять Суходойских улиц.

До революции в Турьинских Рудниках была улица Телефонная. Именовалась она так потому, что на ней стояла телефонная станция. На этой улице находится дом, в котором родился изобретатель радио А. С. Попов.

Сейчас на фасаде приземистого строения висит мемориальная доска с надписью: «В этом доме провел детские годы (1859—1867 гг.) уроженец нашего города, великий русский уче-

ный — изобретатель радио Александр Степанович Попов».

Телефонную улицу переименовали в улицу А. С. Попова. Его именем названы радиоклуб, школа № 2, краеведческий музей, а в 1959 году в Краснотурьинске был установлен памятник изобретателю радио.

Улицу Попова у краеведческого музея пересекает улица Карпинского, названная в честь первого президента Академии наук СССР А. П. Карпинского. Долгое время местом рождения его считали Богословск (ныне Карпинск). Несколько лет тому назад местный краевед Н. В. Белянкин обнаружил в архиве метрическую книгу Турьинских Рудников. В ней записано, что Александр Карпинский родился в Краснотурьинске 7 января 1847 года.

Утопая в зелени, вдоль городского пруда тянется улица А. К. Серова. 2 апреля 1910 года на Воронцовском руднике в семье штейгера родился будущий прославленный летчик А. К. Серов. Здесь он прожил четыре года. Позднее, в 1924—1925 годах, он учился в Турьинской семилетней школе.

Часто населенные пункты получают названия от имен собственных. Но, бывает, что теперь мы с трудом устанавливаем, откуда взялось то или иное имя на карте. Вот для примера два уральских топонима.

Карпушиха — поселок в Свердловской области. Название — от женского прозвания по мужу. Карп — Карпуша — Карпушиха.

Кропачево — поселок в Ашинском районе Челябинской области.

Получил название по фамилии купца Кропачева, имевшего неподалеку хлебную пристань.

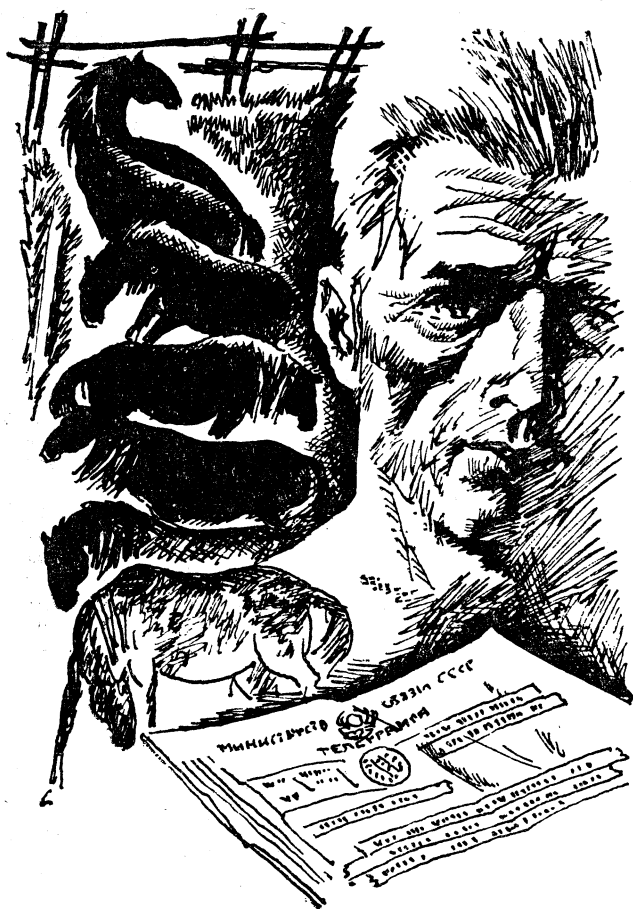
СТАРАЯ

Геннадий
МАШКИН

Рисунки
С. Киприна

НОВОСТЬ

Рассказ

Заведующий Живкинским конным парком Кудрявцев с первым лучом солнца пришел в хомутарку. Глаза еще не успели притерпеться к полусумраку избушки, как Потап Зиновьевич почувствовал новость.

Он хозяйственно пощурился на углы, завешанные дугами, седелками, хомутами и шлейной бахромой, — все на месте, никаких изменений за воскресенье не произошло. В хомутарке, как всегда, пахнет конским потом, деготьком и кожей. Перед окном скачут по лугу разномастные стреноженные кони, погромыхая боталами. Гонит их старик Акимыч к кормушкам да корыту, налитому с вечера колодезной водой.

«Что же произошло за воскресенье? — подумал Потап Зиновьевич, и тут в глаза плеснул белый прямоугольник бумаги рядом с телефонным аппаратом. — Похоже, телеграмма?!»

Да, на листке были наклеены тонкие полоски с печатными буквами. Однако Потап Зиновьевич не бросился к ней — телеграмма озадачила его: на адрес конного парка почта приходила редко.

Распоряжения по работе здесь получали из горкомхоза по телефону, чаще всего от самого Ласточкина. Друзей-товарищей за пределами Иркутска не было: кому интересно дружить в машинный век с начальником над несколькими конюхами да двумя десятками коняг! Сын и дочь сами с удовольствием приезжали из центра к отцу и матери в зеленое предместье подышать Иркутом. Родственников на далекой Брянщине в городишке Дмитровске не осталось. Матушку затащило трясиной в Сниженском болоте в тридцать первом году. Отец Зиновий Карпович, лесообъездчик, погиб от пули еще раньше. А кое-какие родственники отвернулись от вдовы с сыном в трудные те годы, и Потап после потери матери порвал с ними всякую связь.

Решительно неоткуда было ждать частных писем и телеграмм Кудрявцеву.

«Выходит, телеграмма из главка, — похолодел Потап Зиновьевич. — Все-таки добились своего, сводят нас на нет...»

И ноги его скрутила колючая судорога, на-

житая в мокрых окопах Смоленщины под немецкими бомбами.

Мощный трест облюбовал себе в Живкино место под базу материально-технического снабжения! Их можно понять: тут вольная луговина с перелесками до самых саянских предгорий — огораживай, вбивай сваи да ставь склады! Только вот конный парк мешает — сам места много не занимает, да выпасы — до горизонта. Выходит, надо отнести подальше к горам этот самый конный парк!

Хорошо, что Ласточкин вовремя узнал о происках треста и позвонил Кудрявцеву. Вместе они и пошли по инстанциям, доказывая нужность лошадок в хозяйстве города. Не везде машина пройдет-проберется в старых кварталах, сподручна лошадь и при малых ремонтах, а детям сколько радости доставляет лошадка, впряженная в разукрашенные новогодние сани. Опять же не по-справедливому это — принижать маленькую организацию в угоду солидному тресту. Когда-то в сороковых годах поднять конное хозяйство на этом пустыре было куда труднее, чем сейчас соорудить базу. Молодому начальнику пришлось тогда все начинать с кочек. Каждый гвоздь был на счету. О собственном желудке думать не приходилось, были б сыты лошади. Вставал затемно, уходил с закатом.

Тогда всем нужен был гужевой транспорт. «Давай, давай, Потап, выручай, коневод!» А теперь сколько пришлось порогов оббить да кабинетов пройти, чтоб приостановить зарвавшихся трестовцев! Да все равно сердце не на месте: Ласточкин говорил, что решил трест просить помощи своего главка. И, видно, добился своего...

Больно крутило ноги. «Никуда не денешься», — вздохнул Потап Зиновьевич, отчужденно глядя на телеграмму.

Он пересилил оцепенение, шагнул к столу и склонился над листком. Телеграмма была на имя заведующего, его имя...

«Просим срочно вылететь Дмитровск связи обнаружением останков вашей матери при торфяных разработках Снижевском районе тчк экспертизой установлена смерть результате засасывания болотом тчк сохранность исключительная тчк желательны похороны вашем участии тчк начальник Дмитровского горотдела милиции Кусяк зпт лесничий Веский».

Жар охватил грудь, словно мстя за позорную судорогу. В висках заломило от неожиданной новости. И смеяться впору от собственной напуганности, и плакать от жутких слов. Такое бывает раз в жизни. И за что прозвали его Удалим в молодости?

Потап Зиновьевич еще раз окинул взглядом невзрачные буквы телеграммы, и перед его глазами побежала полоска, расширяясь на ходу, превращаясь в белую дорогу...

Он машинально достал сигарету, незряче за-

курил, и дорога его жизни закрутилась быстрее перед взором, как под колесами двуколки, запряженной сказочным конем.

Матушка... Ее говорок напоминал воркование диких голубей в Снижевских лесах. В эти леса она водила Потапку собирать землянику, грибы, щавель, лесные груши, яблоки, а также разные целебные травы и корни. В голодное время всякая былинка на примете. Не в еду, так на лекарственный отвар. И матушка не только подерживала лесною разностью свои силы да сына умудрялась накормить, но и лечила пухнувших с голода соседей или объевшихся пропастиной деревенских из близкой Молочаевки.

Через эту Молочаевку вела единственная дорога в лес, и Потапке с матушкой приходилось брести на виду всей деревни, отбиваясь от собак палками. Впрочем, матушка учила сына успокаивать дворняг и пристальным взглядом, и твердым голосом. Она родилась в семье гуртовщика и умела обращаться с лошадьми, бычками, собаками.

— Непонятнее всех человек, — говаривала она сыну. — Иной добро забывает быстро, другой ласку не ценит, третий укусье норовит слабого... С людьми будь настороже, сынок...

Потапка горько соглашался с матушкой, вспоминая при этом отца. Тот берег лес от порубок, пожара, прожорливых жуков. Но когда стал гнать частную скотину-потравщицу, его подкараулили недовольные и застрелили на Волочаевском выгоне. Привез отца домой Рыжка, в последний раз и заржал, будто заплакал по-лошадиному.

Видно чуял их верный конек, что расстается с хозяином навсегда. И с родным домом, с приветливой хозяйкой и босоногим светлокудрым парнишкой, который подкармливал его горькими хлебными корочками.

Верно чувствовала беду животина. Перевел его на свой двор Григорий Григорьевич Веский, которого назначили лесобъездчиком вместо Кудрявцева. Лошадь быстро смирилась с новым стойлом, притерпелась к другому хозяину, а лесные тропы знакомы были Рыжку.

А вот Потапка не мог примириться с соседом по улице. Знал, что отец хорошо относился к слесарю Вескому. По-соседски останавливал бывало Кудрявцев Григория Григорьевича, усаживал на лавочку и протягивал свой кисет. И под терпкий дым самосада мужики подолгу вели разговоры. Вспоминали службу в армии. Отец служил в пехоте, а сосед в кавалерии. Но у обоих было пережито столько общего, будто тянули они солдатскую ляжку в одном подразделении.

Потом разговор перебрасывался на леса. Оба мужика понимали, как важен лес для их мало-водной стороны.

— Сведи наши дубравы — и навалются суховеи, — рассуждал Веский, теребя рыжую боро-

ду, которая придавала его голове сходство со снопом. — Засуха истомит.

— Да уж наваливаются со всех сторон, — отвечал Кудрявцев. — А охрана какая?..

И тут беседа перебралась на потравщиков, саморубщиков и даже бандитов.

Потапка прибавился к самому боку отца, накрываясь его тяжелой рукой, когда накаленное и страшной становилось разговоры про бандитизм, и как легко скрывается от милиции лихой человек в Снижевских лесах.

— Даже Кусяк достать не может иной раз ворюгу из нашего леса, — удивлялся без конца Веский. — А я уж знаю его по армии... Ух, и тащанщик был!

На прощание сосед убеждал Зиновия Карповича быть осторожней в лесу, ружья не выпускать из рук, потому что на должность объездчика зарятся многие.

— Один Себиль, к примеру, что стоит, — кивал на темную мазанку в соседнем саду Веский. — Ему бы твое ружье в руки — он бы в наших лесах развернулся бы... Покорчевал бы в свою пользу...

Но лесообъездчик несогласно гнул губы в долгой улыбке, морщил шишкастый нос и узил глаза. Вся Приречная знала, что Василий Себиль — веселый человек. Принимает у себя цыган, гуляет с ними, а особенно водит дружбу с живчиком Костиком. И лес ему никакой не нужен — ни разу не обращался к Кудрявцеву за подмогой, сам доставал любую лесину, когда нуждался. Зачем такому зариться на опасное место лесообъездчика? Это Веский загибал, конечно. И отец отвечал соседу, что черти водятся как раз в тихих болотах.

И будто в воду глядел. Не успели свезти Зиновия Карповича Кудрявцева на кладбище, как Веский забегал по начальству с просьбой назначить его на место покойного. А Себиля и слушать никто не стал — выбора не может быть между каким-то извозчиком и приятелем Кусяка.

И потянулись люди к воротам Веского. Это было особенно обидно Потапке. Раньше-то все шли к Кудрявцеву: «Зиновий Карпыч, на плетень жердей нарубить где можно?» «Зиновий, угол прогнил — бревешки нужны». «Карпыч, миленький, дровец треба позарез...»

Теперь же стихло в их домишке, и родня не напоминала о себе. Им с матушкой пришлось одним поддерживать свое немудреное хозяйство.

Хорошо, матушка знала травы, коренья, приемы природы, повадки живности, голоса птиц и следы зверей. Их домишко пропах мятой, ландышами, осиновой корой, коноплей, сухотравьем, муравьями, березовыми вениками — всякой огородной, лесной и болотной всячиной. У матушки не сходил и зимой углистый загар с худого лица, рук и ног. Взгляд вечно блуждал в

бурьянах, по деревьям. Соседи прозвали ее ведуньей, а оттого, что матушка излечивала многих своими снадобьями, прозвище лишь укоренилось.

Да если б матушка была ведуньей, разве б оступилась она в болотную топь?! Вот он, конец матушкиной дороги! Тропка в кустах, потом камыш, трясется под ногами зеленый студень. А надо идти дальше: болотные курочки гнездятся на самой топи. Голод гонит людей к их гнездам за яйцами. И матушка нащупывает босой ногой подступы к камышовому островку, заходит на него. И вдруг вскрик, всплеск — и нет поверх камышин красной косыночки.

— Мама!! — От крика Потапки вспорхнула цапля, курочки бросились врассыпную, и только матушка не откликнулась. Там, куда она ступила, среди легкой стенки камыша крутился омут воды. Будто щука утащила утенка в гибельную глыбу. Только красный лоскут висел на мохнатой кочке.

«Косынка!» — сообразил Потапка и с криком бросился назад, к дороге. Он схватил за руку первого попавшегося мужика и повлек его на болото. Подоспели другие люди. Мужики окружили чарусу, жердью достали платочек, а потом увели парнишку от гиблого места.

Пришлось Потапке возвращаться в свой домишко одному. Спасибо матушке, заготовила впрок еды. Варил конопляную кашу, питался корешками да пил отвар из сушеных дичек. Тут к нему в дом стали подбиваться ребята с улицы. Тоже голодные. Тоже побросали школу. Тоже соображающие, как выжить в лихолетье неурожайного тридцать второго.

Перво-наперво пошли по садам и огородам. Потом перекинулись на подводы, вагоны и склады. Тут в их компанию стали втираться беспризорники. Те знали уже удачу в налетах на церкви. Вместе стали отнимать у торговков кошелки с лепешками. Дело дошло и до магазина...

Круто пошла дорога вниз, до сих пор дух захватывает, мелькают перед взором перекрыленные лица Кирюшки, Веньки-Свинопаса, Выдерги, Кашалота...

Эх, шарабан мой — американка...

Но на жизненном пути, как на проселочной дороге, даже в страшном спуске вдруг встретится небольшой бугорок-подскок — предупреждение лихому ездоку. Постой, дружок, не гони, попридержи коня или мотор! Дальше спуск может оказаться еще круче! Впору шею сломать!

Таким бугорком оказался для Потапки неожиданно сам Веский. И встреча с ним в Снижевском лесу помнится до былинки, до шороха, до самого тихого слова. Ломит в висках от яркости этого случая. Нет сил заглушить звуки всего одного вечера, ночи и дня. Ноздри молодо помнят запахи, а волосы, кажется, вновь буйно треп-

лются на ветру. И кровь несется по жилам огненной лавой. И в хомутарке уже не мужчина преклонных лет с отяжелевшим лицом, узластыми руками и тяжелой поступью конюха, а ловкий паренек-змееныш. У этого шустрого подростка одна заботушка — дать работу своим крепким зубам, которые и корень перегрызут.

Но время — тридцать третий год, нелегко найти пропитание сироте, и приходится собираться опять на ночную добычу.

Тогда был добрый сиреневый вечер, и Потапка весело вышел из дому. На город спускалась ночь. В животе приятно поташнивало — вчера братва вытащила бочку патоки из кладовки директора сахарного завода Требухова и объелась прогорклой тягучей черной сладостью. А сегодня они собирались всей гурьбой навалиться на «Бакалею» и поживиться кое-чем посущественней, вплоть до выпивки. От выпивки, Потапка знал, будет тошнить. Но отказаться нельзя, как от самого дела, — предашь кодлу. Оно, конечно, риск с каждой кражей возрастает. Иван Кусяк, бывший красноармеец, не дремлет со своим угрозиском. Но у них и бандитов невыловленных пока хватает. К тому же не так просто застукать Удалого. Не зря его так прозвали — на расстоянии чует Удалой засаду или подвох милиции. А когда начинается погоня, шпане есть где спрятаться. Скрытно ползут они к дому по заросшему огороду, а в доме — тише воды, ниже травы. И соседи не догадываются, что в кудрявцевском сиром доме, как в тихом болоте, черти завелись...

Потапка засвистел мотивчик оперетты, которую представляли недавно артисты из Харькова. На свист отзывались собаки за воротами. Собаки чуяли в нем врага, а Потапка узнавал их по бреху и даже злил специально пощелкиванием пальцев. Собаки должны чуять на расстоянии смелого человека. Вор любую дворнягу подманит и повесит на заборе, достав крючком ее цепь. А Удалому и этого не надо. Посмотрит дворняге в глаза как следует, как мать учила, прикажет: «Нишкни!» — и готова — до утра будет в будке сидеть да поскуливать.

«Научиться бы так людей заколдовывать, — размышлял Потапка, — вот была бы лафа... Никогда никакой бы розыск не сцапал! Всегда был бы сыт и нос в табаке!»

Задумавшись, Потапка чуть не кувыркнулся через чьи-то ноги в хромовых сапогах. Хотел послать человека в самые невзрачные места, да вмиг сообразил, с кем имеет дело. В тени забора на уютной лавочке сидели двое: Васька Себиль и цыган Костик. Они были друзья, знаменитые кулачные бойцы и весельчаки. Цыгане помогали чем могли одинокому Себилю, а тот давал приют Костику и его таборным сородичам, и жили они за счет такой дружбы совсем неплохо, на зависть многим. И сейчас у обоих друж-

ков в зубах дымилась дорогие папиросы «Дюшес».

— Привет, соседи! — раскланялся Потапка.

— Э-э, да кажись, Удалой к нам приканал! — деланно изумился Себиль.

— И за что такие кликухи громкие давать стали! — посетовал Костик. — С виду молокосос, а кличка, будто у короля Одессы-мамы.

— За дела, — вежливо объяснил Потапка.

— Что же за дела это такие, Вася? — потряхивая кучерявьем бороды, спросил Костик. — Слыхом не слыхивал, видом не видывал.

Костик конечно знал о проделках уличной шпаны — по хитро сожмуренным глазам цыгана видел это Потапка. Да хотелось, видно, поиздеваться над пацаном старому проходимцу. А Себиль с интересом подыгрывал своему дружку, щеря зубы, каждый с арбузное семечко.

— Церквушку нашу обчистили, — вспомнил сосед с гоготком. — Вот переполох был у бабочек... Причащаться пришли, а нечем!

— Выходит, пацанье себя причастило разом на всю жизнь? — блеснули золотые коронки во рту у Костика. — Теперь грехи на зависть жлобам!

— Завтра и вам придется позавидовать! — не стерпел Потапка. — На большой промысел идем!

— Сад чей-нибудь обтрясти? — гоготнул Себиль.

— Садок с золотыми яблочками, — намекнул Потапка, — далеко звон слышен.

Друзья переглянулись, и Себиль протянул Потапке дюшесину, дал прикурить от своего бычка.

— Надыбали, значит, кассу? — осведомился сосед.

— Кассу не кассу, — ответил Потапка, — пожива должна быть.

— Вона какая прыть у пацанов, — заметил Себиль со смоляным проблеском в глазах. — Кажись, и банк накроют.

— Накроем — дай срок!

— Да, эти по-нашему гривы мацать не будут, Костя. Деньжонки чистоганом хотят считать.

— Надо сначала попробовать чаро грая¹, — ввернул язвительно Костик. — Потому и узнается, способны они на что или только дунуть в горсть да к носу поднести.

Себиль загоготал, как гусак, а у Потапки сперло в груди, точно залепил под дых копытом тот самый конь, которого упомянул по-цыгански Костик. Еле выдохнул парень дым, насупился и объявил:

— И коня увести не слабо!

— Слабо, Удалой, не ботай зря.

— Не слабо чаро грая!

¹ Чаро грая (цыганск.) — украсть коня.

Внезапно Костик пригасил папиросу, надвинулся грозовой тучей и зашептал с присвистом:

— Если не слабо, докажь!

— Сию минуту?

— Оно бы к месту, Удалой, пора б и перед захарями удаль показать.

Потапка ухмыльнулся.

— А вы покажите мне, мужики, грая!

Дружки не растерялись, будто давно уже выследили этого самого коня. И в самом деле, они оба повернули головы вдоль улицы.

— Вон красавчик грай, видишь, возле Веского, — нацелил Костик папиросу в дом под знакомой железной крышей. — Знатный приехал гость, сразу чуется.

— В-видно, загулял гостюшка у объездчика, — вдруг заикаясь, проговорил Себиль. — Самый раз пр-рокатиться на ж-жеребчике.

Теперь и Потапка увидел коня, запряженного в пролетку. Серый в яблоках жеребец был привязан к воротам в тени развесистых каштанов.

— Узду отвязать — секунд делов, — вздохнул угрюмо Костик. — Да пес тревогу сыграет.

— Говорят, Удалой мастак? — изогнулся перед Потапкой Себиль.

— Как повезет. — Потапка лихо надвинул кепку на глаза, сунул руки в карманы и направился к серому в яблоках.

Он шел пританцовывающей походочкой по одной дощечке тротуара, будто канатоходец. Понимал, можно сорваться на каждом шагу: кругом соседи, у самого хозяина дружба с Кусяком с каждым днем все крепче.

Но отступать тоже нельзя — всякое уважение сочувствующих людей потеряешь. Приходилось идти на блатной подвиг, и сердце стучало в груди, как колокольчик под дугой.

Хорошо, у серого не было никаких побрякушек. Сбруя оказалась справная, пролетка новая — состоятельный гость остановился у Веского. «Похоже, из начальства, — решил Потапка и тенью скользнул к заплоту. — Веские с простакми не очень-то водятся, с большими людьми мазу держат...»

Дворовый пес поднялся над плетнем и яростно уставился на смельчака. Отвисшие уши выпрямились, рыжая шерсть поднялась и в зрачках засиял нестерпимый сполох. Но и у Потапки глаза налились какой-то свинцовой силой. «Нишкни! — приказал он кобелю. — Замри, зверюга!»

И пес остался стоять молчаливым столбом, как перед дрессировщиком. А Потапка проворно размотал вожжи с кола, встал в пролетке и цвикнул на коня, не спуская глаз с собаки.

Серый тихо взял с места, колеса мягко покатились по пыли, и светлые пятна окон весковского дома раздробились в ветках и листьях садочка. Каждый миг Потапка ждал за спиной вскрика, ругани, погони. Но улица хранила тишину, точно помогала своему удальцу. Лишь две

фигуры отделились от тени себилевского забора и метнулись наперерез коню.

— Ну что, слабо? — встретил их Потапка легкой улыбкой.

— Молчим, друже! — сверкнули зубы Костика. Цыган вскочил на передок, выхватил вожжи у парня и по-птичьему свистнул.

Серый взял наметом, и Потапка от резкого рывка полетел назад, прямо в руки Себиля.

— Т-теперь нас х-хрен догонишь, кажись! — вскрикнул сосед. Ветер разворошил огонек на конце его папироски, искры понесло в столбы пыли за пролеткой, и Себиль загоготал, давась. — Го-го-го! Вот это Потапа! Удалой! Утворил, так утворил!

— У самого Кусяка угнал коня! У начальника угрозыска чаро грая! Ха-а-а!..

Теперь и Потапка, наконец, понял, что вытворил. У него повело ноги, будто в холодной воде. Оно, правда, новичкам в воровстве поначалу везет. Но тут особенный случай. На глазах у города угоняют коня угрозыска! Если бы друзья-воры сразу предупредили его, что у милиции новый жеребчик и на этой пролетке приехал сам Кусяк, Потапка подумал бы над своим налетом. Теперь же дело сделано!..

— Но-о, соколик, но-о-о!..

Потапка опасливо оглянулся — погони не было, лишь подмигивали огоньки города. Под колесами забулькала вода — въехали в Синюшку. Запахло тиной, свежееободранной лозой и луговыми цветами. Пролетка вылетела на лесистый берег Синюшки. Ветки старых ветел хлестнули по лицам угонщиков и еще больше распалили коня. Молочным пятном проплыл за пойменным лесочком глинистый обрыв, над которым мигнули скудными огоньками избенки Молочаевки. Костик чуть придержал серого, чтобы тише разнесилось тархтенье колес по хрупким меловым камешкам. Но в Молочаевке не было милиции, забылась здесь и привычка сидеть вечерами на лавках, пощелкивая семечками.

И конокрады промчались по крайней улице пригородного села, растревожив лишь редких собак. Облачка садов с наливающимися кругляками яблок собрались сзади в кучу, а впереди дорога завернула в покатоое поле пшеницы. На противоположном краю нивы стала подниматься кучерявая полоса Снижевского леса, окруженного болотами. Там беглецов трудно достать — в лесу скрывалось много такого народа, который не ладил с угрозыском. Из Снижевского леса можно было свободно уйти в брянские дубравы, и Кусяку трудно приходилось в здешних чащобах.

— Здесь нас Кусяк ищи-свищи! — подал голос Потапка. — Лес большой, тропок много!

— Теперь розыск утрется, — согласился Себиль, уважительно протягивая соседу дымящуюся дюшесину. — И Вескому достанется на орехи.

А то прямо водой не разольешь с милицией... Загордился, соседей перестал узнавать, лешак!

— А где столкнем грая? — осведомился Потапка.

— Не твоя это заботушка теперь, — отозвался Костик, оборачиваясь с ухмылкой: — Твоя, Удалой, — пить, гулять да лаве¹ считать!

— В табор едем, Потапушка, — жарко дохнул в щеку Себиль. — Эх, держись, чаворо², заведем шабаш — небу жарко станет!

Потапка сразу пофартовой уселся на скрипучем сиденье. Приятный жарок прошел по хребту — ради табора можно и рискнуть. Туда ездили прогуливать добычу фартовые ребята. И шпана смотрела на таких, как на счастливых. Почешут затылки все — и Кирюшка, и Хорек, и Венька-Свинопас!

— Гэян! — вырвалось у Потапки по-цыгански. Он во все глаза высматривал огни табора, вслушиваясь в звуки дубравы. — Пошел!

Но путь к цыганам был не близок. Со шляха свернули на мягкую лесную дорогу, протарахтели по болотной лежневке и углубились в дебри. Над головами вспархивали дикие голуби, уркали в низинах невидимые лягушки да страшно всхохатывал филин. Потапка стал тесней прижиматься к дрожливой спинке пролетки — сбить холодок, что пошел теперь снизу по мокрой спине. И лес пугал, но больше — наползающая тревога: оно ведь нетрудно теперь избавиться этим двоим от лишнего пайщика. Слышал Потапка, как иные «компаньоны» друг друга на финарь насаживают. «Но только подумайте сначала, — стал мысленно вдалбливать в гривастый затылок возницы Потапка, — подумайте, с кем имеете дело! Вас тут за меня леший закрутит! Русалки защекочут! Колдовские огни в болото уведут! Матушка с ума вас посводит!»

И он вдруг сам въявь услышал непонятные подвывания, кто-то замахал коряжистыми руками в лунном оконце, а в кронах деревьев замелькали чьи-то серебристые кудри. Волей-неволей пришлось прижиматься к Себилю. А соседа тоже зазатило, когда в гущине веток и листьев появились красноватые блески. Серый приостановился и заржал.

— Табор зачуял, — объяснил Костик. — Эх, боевой грай! Хоть сейчас на ярманку!

— Дым чуял! — добавил Себиль. — Точно, кажись, табор!

За поворотом раскрылся широкий лог, по которому вольно торчали шатры, телеги оглоблями вверх, а посредине горел большой костер. Вокруг костра сидело, стояло и лежало население табора. И никто не удивился, что подъезжа-

ют гости. Но когда серый выскочил из темноты в светлый окомое костра, все кинулись к приедем. Кто пооборванной да помоложе, начали ощупывать коня, заглядывать ему в зубы, пробовать копыта. А трое-четверо бородатых подошли сразу к Костику и заговорили по-цыгански.

— Баро Шаро! — подтолкнул Потапку Себиль, выпячивая папиросу в сторону старого цыгана в синих бархатных штанах, заправленных в желтые сапоги. — Большая голова, значит, барон... От него теперь и деньги, и магарыч... Да с Костином долго не поторгуешься. Свое знает, кажись!

И в самом деле, цыгане быстро договорились, стукнули по рукам, и Баро Шаро обратился к русским гостям:

— Слазьте, дорогие гостюшки, просим к нашему костру-шалашу, закусить с дороги...

Не успели гости усесться подле костра, как по знаку Баро Шаро цыганки понесли графины, жбанчики, блюда с холодцом, салом и колбасою. Все это ставилось на скатерти-ковры, и у Потапки в глазах зарябило. Никак не вязалось такое изобилие с цыганским рваньем, которое приходилось видеть в городе на таборных. Да еще в такое время, когда за краюшку хлеба можно выменять хорошую кепку-восьмиклинку.

— Угостись, гражданин хороший Потапушка, — вкрадчиво сказал Баро Шаро и поднес деревянную чарку. — Отведай нашего винца да будь, как дома, Удалуша.

«Нет уж, как дома, не надо», — ответил про себя Потапка, а вслух сказал, приложив руку к сердцу: — Спасибо, хозяин, у вас лучше, чем дома...

Он единым махом опустошил чарку и чуть не взлетел на воздух от первача, от его огня и горечи. Только дух перевел, волоокая цыганочка, брэнча монистами, протянула ему чашку с клубничкой. Потапка кинул горсть ягод в рот и подмигнул девахе. Та ответила смехом, заиграла плечами и прижалась к гостю.

Парень поймал ее монисто, подтянул за него хозяйку и ожег ее быстрым поцелуем. Шустрая цыганка ахнула.

— Да ты погорячей наших, бравый паренек!

— А кто чаро грая? — Потапка ударил себя в грудь. — Я увел серого!

— Ах же ты, голубь мой, — затынула цыганка, — оставайся в таборе, вместе чудить будем, а то мой Гришка горячий любви не вынес — в сапожники подался.

Многократным эхом пронесся цыганкин зазыв у Потапки в груди. Он обвел нетвердым взглядом пирующий табор: веселы были здесь лица, на которых огонь отражался, будто на медных бляхах; голоса без боязни рвались над поляной, а ноги сами собой пускались в пляс. Куда интереснее жить в таборе, чем в своем постылом доме.

¹ Лаве (цыганск.) — деньги.

² Чаворо (цыганск.) — сын.

— Заметано! — согласился Потапка. — Остаюсь!

— Нет, Килина, мы своего Удалого не отдадим! — вмешался Себиль, уплетая колбасу. — Он нам самим нужен, такой добычливый.

— А если он полюбит меня? — повела цыганка гладкими плечами под цвет обожженной глины и снова привалилась к Потапке.

— Завтра увидим, — гоготнул Себиль, — понравишься ты ему али нет.

— А я сейчас покажу, на что способна Килина. — Она вскочила, прищелкнула пальцами и поплыла вокруг костра, вертя юбкой.

Вмиг зазвенели гитары, ударил бубен и раздалась дружные хлопки. У Потапки заиграли в глазах огненные складки Килининого платья, мешаясь с языками огня. И вместе со всеми Потап прихлопывал в ладоши, чтобы Килине легче прыгалось. Хлопал, пока Себиль не всунул ему в руку новую чарку. И эта чарка пошла уже легко, словно внутри у него все вылудилось от крепкого цыганского зелья. Вот только эта лудильная крепость стала застилать и глаза. И никаким усилием нельзя заставить ее отступить. Даже язык сковывает тяжелая полуда.

Эх, бирюзовы, да златы колечики,
Эх, да раскатились, ой, да по лужку!
Ты ушла, и твои плечики
Скрылись в ночную мглу...

Потапка и сам провалился в какой-то пуховый стог. А когда нашел просвет со звездочкой вдали, оказалось, он в шатре, на перине, а рядом с ним Килина. Волосы цыганки щекочут ему лицо, лезут в ноздри. А сил отодвинуться — никаких. Зато Килина, ощутив его пробуждение, сама прижалась к нему и залепила рот сочными губами. Стало мерещиться, будто он несется вскачь на горячем ворованном коне. Скачет туда, где место настоящему парню. Мчится на шабаш, какому позавидует любой его дружок.

Ой, да по зеленой травушке-муравушке
Не собрать рассыпанных колец!
Ой, да ты, любовь моя забавушка,
Видно, счастью конец!..

Килина почему-то пела хриплым голосом Себиля. И вместо перины под Потапом была эта самая травушка-муравушка. И костер жарил лицо. Этого пыла не выдержали веки, и Потапка изумленно уставился перед собой.

Костер не горел, а чадил. Пекло солнце. И никакой тени рядом не было: шатров не осталось — на их месте проплешины среди притоптанной травы.

Но выпивка и закуска были возле костра. И Костик с Себилем уже чокались гранеными стаканами. В рыжих патлах Себиля застряли пушинки, глаза набухли, как два шиповниковых бутона, и голос охрип. А Костик был причесан, побрит, и сапоги его блестели на солнце подобно коронкам во рту.

— А-а, проснулся, чаворо!

Потап сшиб со щеки комара, бодро улыбнулся и протянул руку к стакану. Думал — вода. Отпил — обожгло самогоном. Всего передернуло, а мужики засмеялись.

— Вот это причастился, сразу видно, чаворо!
— Килина не хотела уезжать — понравился ты ей, парнишечка.

— Не девка — огонь!

— За такой уплетишься на край света, кажись.

Потапка уставился на мужиков невидящим взглядом.

— А чего они снялись?

— Следы серого надо заместь, — объяснил Костик.

— Не могли меня в таборе оставить? — буркнул Потапка.

— Не можно, — возразил Себиль, — родичи твои гомон поднимут, наведут на след угрозыск.

— Нужен я родичам, как зайцу хомут.

— На такой случай сам Кусяк хватится, — пробурчал Костик, сплевывая в костер. — Сообразит, что к чему...

— Все видит лупоглазый, — кивнул Себиль. — Наведет погоню прямо на меня, кажись! Лягаш, каких мало!

— Людей насквозь видит...

— Ну, нашу братву ему слабо вынюхать, — заметил Потапка. — Самого окрутили с серым!

— Не хорохорься, — посоветовал Костик, — может, идет уже по следу, змей.

— Уп-печет, где и Макар телят не п-пас, — заозирался Себиль. — Ретивый сыщик, занозистый, сколько нашего брата вылушил!

— Да мы пока еще в силах за себя постоять, други...

Костик потянулся к графину и плеснул в стаканы запахшего свекольной гарью самогона.

— Выпьем, Потап, за новые удачи... Будут такие рыбалки — табор наш всегда найдем, и Килина от нас не уйдет!

— А интересно, хотел бы знать, Костик, — вдруг загляделся через стакан Себиль на дружка, — сколько ты взял за серого?

Костик допил свой самогон, похрустел огурчиком и сказал:

— Что взято, считай, все прогуляно.

— Прогуляно? — Себиль поперхнулся, упал на траву и долго не мог прокашляться. — Как так прогуляно?! За одну-то ночь?! Серый в яблоках! Да тарантас!

— Как доставался, так и прогулялся конек, Вася, вместе с тележкой.

— Да ты что... ты что... — зазаикался Себиль. Он встал на четвереньки и глядел на дружка по-волчьи. — Б-быть такого не может!

— Ты-то, собственно, что мечешься, Вася? — развел на переносице черную дужку бровей Костик. — Главное Потап сделал — его и претен-

зия... Как ты на этот счет, Удалой? Доволен или нет?

Потапка надменно выпятил губы:

— Что я, жлоб какой, чтобы мелочиться!

— Вот видишь, Вася, — колыхнулся Костик. — Удалой понимает: весь табор гулял всю ноченьку на нашего жеребчика! И что ж мы будем теперь зимбер¹ с тобой ловить?

— Это я каждый раз ловлю зимбер! — зарычал Себиль. — А у тебя оседает улов погуще!

— Докажь, Вася!

— И докажу... С матвеевской кобылой обвел меня? Обвел! За мерина из Погорельщины четвертак мне сунул, а сам все захабарил! В Александровке мужикам подставил меня, а сам — в Дерганово на ярмарку с кауркой! Не получится больше, давай долю!

— На вот — слопай! — Костик протянул дулю в нос дружку. — Куркуль захребетный, ненасытная утроба!

— Ах, т-ты ж цыганское п-помело! — Себиль кинулся на товарища, опрокинул его и вцепился Костику в горло. — Задавлю, кажись!

Как в кинематографе, видел Потапка драку недавних друзей-товарищей. Хруст хрящей, звяк стаканов, облачко пепла, поднятое бьющимися ногами. Костик задыхался под когтистыми пальцами Себиля и рука его шарила по голенищу сапога. И вот проворно нащупав нож, цыган без размаха ткнул им в живот Себилю, и на траву потекла кровь. Себиль охнул, сполз с дружка и засучил ногами. Костик размахнулся и с криком всадил ему нож в спину.

— О-ыи!..

От звериного стога Потапка вскочил, но тут же ноги будто впутались в траву — ни двинуть, ни пошевелить. И глаз не оторвать от дергающегося Себиля: страшно и нельзя не смотреть. Да вовремя заметил еще и глаза Костика. В спутанной гриве тлели зрачки, точно две головки костра. Не Костик то был, а вурдалак с золотым оскалом.

— Не бойсь, Потап, — вырвалось из криво-го рта цыгана. — Себилю шабаш, а тебе ничего не будет...

Но Потапка уже увидел, что будет. От его взгляда не ускользнуло, как Костик завел руку с красным ножом за спину и мелкими шагами пошел к парню. Да не на того нарвался конокрад. Забыл цыган, что имел дело с Удалым. Потапка сразу прочитал на лице Костика его намерение. Убить свидетеля и — концы в воду. В болото неподалеку отсюда! В топь, где уже покоится матушка.

«Шутишь! — остановил Костика взглядом Потапка. — Сначала догони!»

Он отпрыгнул и ощутил горячую силу в ногах. Можно было не торопиться отступать. И Потапка запрыгал по дорожке задом наперед.

— Стой, парень! — взревел Костик и ринулся за беглецом. — Обожди, разговор есть!

— Финарем разговор? — отозвался Потапка, повернул на дорогу и пустился, что было мочи.

Он слышал топот сапог за собой — Костик не отставал. Конокрад приучен был бегать. И он еще надеялся догнать парня. «Слабо с похмелья, — соображал Потапка, хватая воздух большими глотками. — Но может на пределе метнуть нож в спину...»

Сразу стало зябко между лопатками, подошвы парусинок заскользили, и вдруг по ногам что-то стукнуло. «Проклятая лежневка! — вспомнил он и повалился на хлябающий настил. — Нет, все одно не дамся.»

И он вскочил, но теперь в руках у него был сучковатый дрючок.

— Не подходи! — закричал Потапка, вертя над головой дрын. — Задроблю!

И Костик осекся в своем беге. Закачался, точно сам вышел на топь. Обрадованный парень завертел еще сильнее своей дубиной. И вдруг услышал сзади знакомый голос:

— Да перестань ты крутить сучком, дурень!

Руки опустились сами собой. От этого жидкого голоса и у Костика руки обвисли мочалами. Не дрючка испугался он, а неожиданно появившегося из-за куста ракиты Григория Григорьевича Веского. Бежать было поздно — из-за спины лохматого лесообъездчика показывал наган рослый и хмурый милиционер.

А Веский даже не снял со своего плеча ружья. Он прохлюпал по лежневке, забрал окровавленный нож у Костика и завернул его в лопух.

— Доскакался? — спросил он цыгана. — Докатался, Костяра?

— Беду сотворил, гражданин начальник, — Костик тряхнул гривой в сторону поляны, где остался Себиль. — Каюсь.

— И парня хотел туда же?

Костик промычал что-то по-цыгански.

— Ну, видал я сам таких в македоне, — встрепенулся Потапка.

— Себиль тоже, наверное, считал себя таковым...

И Веский с едкой усмешкой пригласил обоих участников пирушки назад, к костру. Увидев снова недвижимого Себиля с густо-красным пятном на рубахе, Потапка прочувствовал смысл слов лесообъездчика. Заныли зубы, будто незрелых яблок объелся, сдавило горло, точно его самого душили, и затошнило. Веский спрашивал, как было дело, милиционер записывал, а Потапка, корчась, думал о жизни и смерти. Впервые он ощутил, как легко можно потерять это пекло-солнце, прохладный лес, шелест листьев, перебулькивание воды в ручье и поцокивание соловья в кроне

¹ Зимбер (жаргон.) — мелкие деньги.

молодого дубка. И как здорово, что у всего этого есть охранник, что этот человек с головой, похожей на разворошенный сноп, нагнал их по следам! И даже не заставил Потапа тащить труп Себиля к своей перекошенной бричке: поручил это дело Костику и милиционеру. Свалив Себиля в бричку, они пошли пешком один за другим по пыльному шляху. А Веский посадил на облучок рядом с собой засмурневшего парня.

— Но-о, Рыжка! Вези своих кормильцев!..

«Пусть посадят в тюрьму, — успокоенно заколыхалась мысль под тележную раскачку. — За такое чудо отсидеть не грех».

А Веский имел, кажется, другие соображения. Скрутив сигарку, он закурил и вместе с едучим дымом пыхтел в сторону Потапки. Лесообъездчик говорил, что понимает плачевное состояние парнишки, круглого сироты, сам рос подпаском-сиротиной, пока не подобрал его бродячий слесарь-механик. И тот уберег Гришку от дурных компаний. А у Потапа уже своя голова на плечах крепко сидит. Да надо учесть, что и на самую здоровую голову хмель находится, а в трудное время следует быть особо начеку и соображать, куда тебя заносит. И в конце этого разговора Веский вдруг посоветовал Потапке уехать вообще из Дмитровска, чтобы иметь возможность заняться честным делом, пока не поздно.

— Разве меня не посадят? — недоумевая, спросил Потапка.

Веский придержал коня, обдал парня горьким дымом.

— Отпускаем с одним условием — завяжешь шпановать, — сказал лесообъездчик. — И лучше всего уехать тебе подальше, в Сибирь завербоваться, на стройки, чтоб твоя шайка тебя не могла достать да сама рассыпалась без Удалого...

— Больше блатных чудес от меня не будет, Григорь Григорьич, — глухо отозвался Потапка.

— Взяться бы за твоих дружков как следует, — размечтался нежданно Веский. — Да дел невпроворот... Видишь теперь, в каких болотах черти водятся... Отца твоего из них кто-нибудь и скараулил, из этих весельчаков. — Он откинул голову, перекосив лицо. — Этим-то орлам человека шлепнуть, что палец обмочить... А ты, Потап Зиновьевич, по живой тропе должен ходить, а не по мертвой... С Кусяком насчет тебя я улажу... К следователю да в суд сходить придется, конечно, да, думаю, теперь опаска у тебя с другой стороны...

За разговором Потапка забыл, кого они везут. И сейчас он уставился на того, чьи ноги в хромовых сапогах торчали из соломенной трухи. Все, что произошло в Снижевском лесу, назад не повернуть. И только ему, Потапу, еще можно свернуть на другую тропку — не все потеряно!..

Не сразу, но понял Потапка, что братва не даст ему спокойно жить. А сил перебороть их всех у него нет. И, подумав, Потап решил пойти

на самый высокий подъем. Он вспомнил совет Веского насчет Сибири, пришел на вербовочный пункт и уехал в Сибирь.

А здесь за большими и малыми жизненными перевалами забылся Дмитровск с его соседкой — Молочаевкой, Снижевским лесом и болотами...

И вот тебе — на! Лежит на столе телеграмма, будто билет в прошлое.

«Так неужто я этого испугался?» — задумался Потап Зиновьевич.

И он заходил по хомутарке, покачивая головой. Да, он прожил сибирскую часть жизни удало, не подводя своей клички, в войну себя не посрамил. Вожжи держал крепко в любых передрыгах и не забывал никогда, с кем едет. И сейчас ему не совестно отчитаться в своей жизни перед родным Дмитровском, его людьми и самим Кусяком. Возвратиться в прошлое! Перехоронить матушку. И вообще все там устроить по-человечески...

Потап Зиновьевич снял телефонную трубку и, с трудом всовывая ноготь мизинца в маленькие отверстия с цифрами, закрутил диск.

— Слушаю, — раздался в трубке знакомый трескающий голос Ласточкина.

— Привет, Ефим, — сказал Потап Зиновьевич. — Вот, брат, какая у меня старая новость...

И он рассказал про телеграмму, попросил совета, как поступить.

— Какой разговор, — донесся прерывистый голос Ласточкина, — бери отпуск и лети в свой Дмитровск. Надо все сделать по-человечески!

— А тут не захватит нас трест? — спросил Потап Зиновьевич.

— Не бойся! — закричал Ласточкин. — Я это дело не оставлю, ни тебя, ни твой конный не дам в обиду! Одним словом, поезжай. Если там все будет в норме, то и здесь, понял?

— Да, если там, то и здесь, — пробормотал Потап Зиновьевич.

— Правильно понял! — загудело в трубке. — И давай — погоняй!

Потап Зиновьевич положил трубку, но долго еще стоял над телеграммой, повторяя:

— Если там, то и здесь, если здесь, то и там...

ИЗ КОГОРТЫ КРЫЛАТЫХ

**Рюрик
ПОВИЛЕЙКО**

кандидат технических наук

Рисунки
С. Мосиенко

Это страницы жизни человека, которому еще будет поставлен памятник, о котором будут написаны книги...

14 мая 1897 года. У государственного секретаря города Фиуме (ныне югославский город Риека), богатого землевладельца, барона Людовига Орос ди Бартини родился сын. Нарекли его Робертом. Мать мальчика донна Паола умерла рано, когда он еще только учился ходить. Воспитывали Роберта отец и давний друг семьи доктор Бальтазаро — люди широкообразованные, демократичные (отец без улыбки с детства обращался к сыну «гражданин» — «ситуайен»), и книги. Книг было много: Вольтер, Фурье, Дидро, Руссо, Даламбер, Монтескье, Дарвин, Геккель. Идеалы просвещения отца стали для сына стержнем жизни. Через 20 с лишним лет, уже понимая, что не вернет сына в лоно просвещенного аристократизма, отец вдогон ему со сдержанным мужским отчаянием напишет: «Я знаю, что ты стал коммунистом, но не хочу, не имею права влиять на твое решение. Это дело твоей совести. Но прошу тебя: живи дома, у меня. Ведь я один, я люблю тебя, Роберт».

1914 год. Ровно через месяц после убийства в Сараево австрийского наследника престола Франца-Фердинанда громадная имперская Австро-Венгрия обрушилась на маленькую славянскую Сербию. Германия объявила войну России. Началась мировая война, которая переломила многие человеческие судьбы. Город Фиуме находился в пределах Австро-Венгрии. 18-летнего гимназиста, окончившего к тому же летную школу Ченточерли, конечно же немедленно всасывает в себя армия и немедля выплевывает его подальше от вражеской Италии на русский фронт. Где-то рядом с ним в рядах той же австро-венгерской армии «сражаются» молодой чех Ярослав Гашек и бравый солдат Иозеф Швейк... Их всех ожидает одна судьба, одна «восточная» дорога. У Бартини это происходит трагично. На его глазах лейтенант-австриец избивает пожилого солдата, не отдавшего честь. Солдат не сдерживается, распрямляется и отвечает садисту-офицеру. Военно-полевой суд: «К повешению». Через несколько дней взбешенный кадет Бартини демонстративно отказывается отдать офицеру-садисту честь: «Надо иметь свою». Арест, конечно. Ожидание суда. Слышно, как за дверью

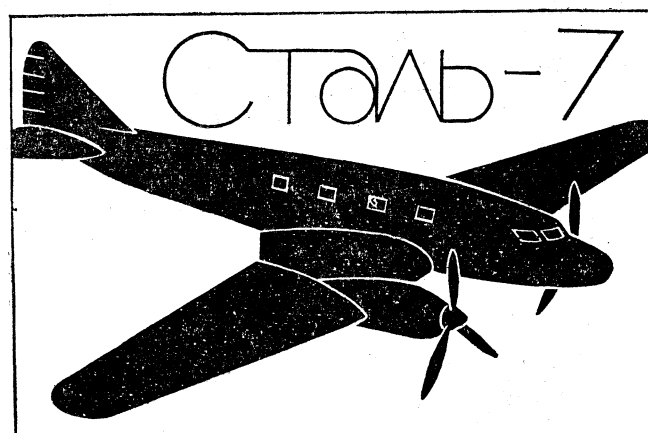
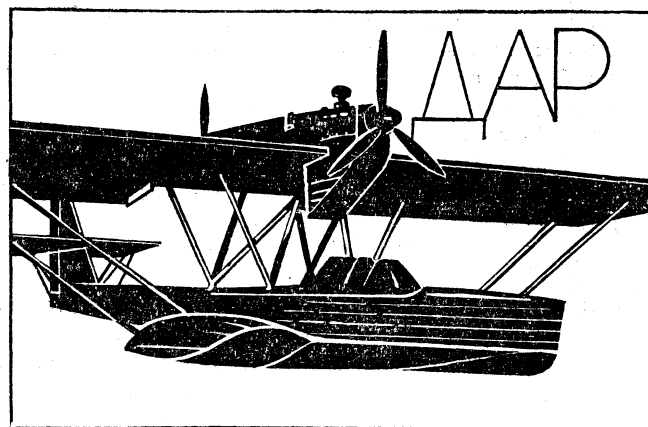
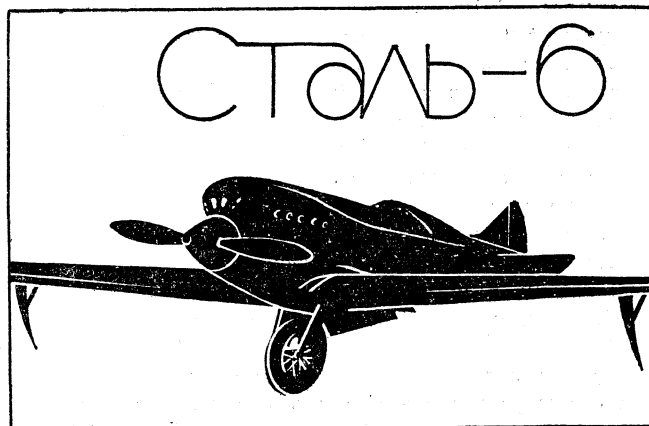
землянки часовые обсуждают — дают ли осужденным перед повешением водку. Горячечный сон. На рассвете его будят казаки, вышедшие в местечко Гниловоды на острие знаменитого брусиловского прорыва. Бартини, а где-то и Гашек попадают в русский плен. Плен? А может, освобождение?

1918 год. Через всю огромную Россию медленно идут эшелоны с военнопленными, которые играют в карты или променивают безделушки на курево. Времени много. Думают и спорят. До Хабаровска путь, ох, не близкий. Счастливый случай сводит Бартини с венграми-социалистами. Социалистами их сделали знания, война и, наконец, Октябрьская революция. Здесь Бартини впервые узнает о Марксе и Энгельсе. Марксизм он воспринимает настолько открыто, восторженно, экспансивно, что сейчас же награждается кличкой «совверсиво» — бунтарь. В людей, которые дарят ему новые научные, революционные знания, он буквально влюбляется. Они для него — братья. Когда выясняется, что из Владивостока репатрируют итальянцев, он называет венгра-социалиста Владислава Кемени своим братом. Итальянскому консулу он длинно, быстро и непонятно объясняет, что Кемени, не знающий и двух слов по-итальянски, брат его троюродный, незаконнорожденный, воспитывавшийся где-то и т. д. и т. д. Консул устало отмахивается и выписывает обоим пропуск на корабль.

1921 год. К отцу Роберт не возвращается. Он решил испытать жизнь такой, как она есть. Перебирается в Милан, прирабатывает поначалу случайными заработками. Ночует в приютах для бедноты, среди бродяг, воров, «христовых нищих». Разнорабочий, шофер, разметчик на заводе «Изотта Фраскини». Студент политехнического института, он тесно сближается с левыми социалистами, а в 1921 году становится членом новообразованной компартии. Чтобы осталось больше времени для партийной работы, институт он кончает «экстерном», но продолжает заниматься в Римской летной школе у знаменитого шеф-пилота Донатти. Официально Бартини работает в Миланском институте итальянского языка для иностранцев и в нескольких иных местах по найму.

И в составе боевой группы ИКП он борется с провокаторами и помогает венграм-коммунистам, которые эмигрировали в Италию после поражения революции, руководимой Бела Куном. Он все принимает близко к сердцу. Чужая беда — это его беда. Его невольно запоминают все, с кем он встречается, и запоминают надолго. Почти через 50 лет после этих дней о Бартини, заново открывая его Италии, рассказывает журнал «Вие нуове». И вот почти через полвека из Венгрии приходит пакет от одного из друзей тех лет: «Помню. Шлю фотографию тех лет. С коммунистическим приветом, Имре Герле».

1923 год. Италия. Год важных решений и больших перемен в жизни молодого Бартини. 10 апреля 1922 года открывается Генуэзская конференция, на которую капи-

талистический мир приглашает Советскую Россию и лично Владимира Ильича Ленина. Советская Россия принимает приглашение и посылает делегацию во главе с Г. В. Чичериным. Готовится к встрече и белая гвардия. Решено поезд с делегацией свалить на крутом откосе мощным взрывом. Известный террорист Борис Савинков открывает в Генуе на подставное лицо парфюмерную мастерскую. К делам он привлекает князя Юсупова-Эльстона, в помощники берет однорукого штабс-капитана, крупного специалиста по взрывчатке и прочим «мокрым делам». Со всеми ними в прекрасных отношениях молодой инженер-аристократ, офицер Роберт Бартини... руководитель особой контргруппы ИКП. Меры, принятые ИКП, приводят к тому, что профашистская полиция вынуждена перед лицом международного скандала принять меры — итальянский король выдворяет Савинкова из страны. Своим первым договором в Рапалло с Германией Советская Россия пробивает дипломатическую блокаду.

1923 год. Советская Россия. На Италию надвинулась ночь фашизма. Коммунисты уходят в подполье, переправляют часть своих ценных кадров за границу. «В те незабываемые годы,— пишет газета «Унита»,— интернационализм был не просто принципиальной позицией, особенностью коммунистического движения, но также и организационным принципом». В маленькой харчевне-трактирии в горах близ Милана собралась веселая дружеская компания. Молодое легкое вино. За столом члены ЦК ИКП Террачини, Репасси, Гриеко. Напротив — Бартини. Забыв о вине, он сжал большими ладонями кружку, слушает внимательно, напряженно. «Ты инженер, Роберт. Хорошие инженеры нужны сейчас Советской России. Ей угрожают все армии мира. Авиация — это щит Советов, это самое острое красноармейского штыка. Ты нужен в России. Ты должен уйти от активной слежки и уехать. Строить самолеты Советам. О маршруте и дате выезда тебе сообщат. Роберт, красные крылья должны летать быстрее черных». И Бартини дает клятву, он повторяет ее всю жизнь: «Роберт, красные крылья должны летать быстрее черных».

Перед самым отъездом пилотируемый им в Риме самолет попадает в аварию. Он уезжает больным. Кружным путем добирается до Берлина, но здесь силы его иссякают — серьезная операция. Едва отлежавшись, с великими трудностями он пробирается в Гамбурге на пароход, пересекает Балтику и в сентябре 1923 года сходит на советскую землю в Ленинграде. Этот город он узнает по-настоящему и полюбит потом. А сейчас как можно быстрее, первым же поездом — в Москву. В столице поселяется в общежитии Коминтерна на Тверской (гостиница «Центральная» по ул. Горького). Невыздоровевший, задыхающийся от быстрой ходьбы на остром русском морозе, он спешил, он хотел одного — работать.

1929 год. Сразу же по приезде в Советскую Россию Бартини присваивается звание комбрига и предлагается отбыть к месту службы в Севастополь. Он становится главным инженером ВВС Черноморского флота. Неистовый итальянец работает день и ночь без перерывов и

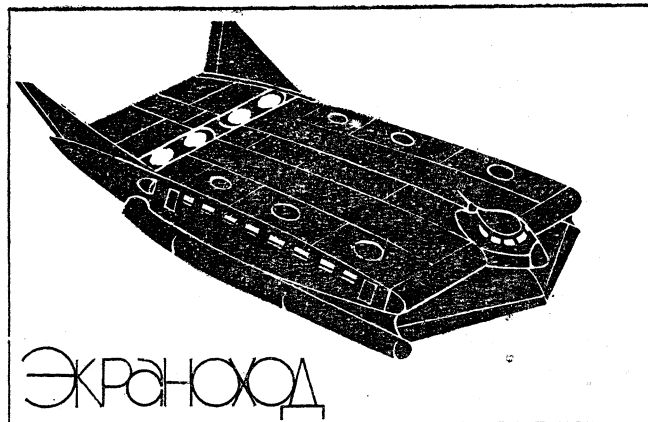
выходных. Он активно участвует в подготовке самолета «Страна Советов» к грандиозному перелету в США, вносит интересные предложения, повышающие надежность машины и в полете и при посадке. Нестандартность мышления в сочетании с неиссякаемым энтузиазмом резко выделяют молодого специалиста. Приказом Реввоенсовета и ВСНХ, подписанным К. Ворошиловым и С. Орджоникидзе, его переводят в Москву. Сначала он работает гражданским инженером, но быстро становится техническим руководителем научно-опытного аэродрома. Вскоре он становится руководителем опытно-конструкторского бюро НИИ гражданского воздушного флота и в почетном звании авиаконструктора останется всю свою жизнь.

Нежданно (такое всегда неожиданно) приходит телеграмма о смерти отца. И затем — вторая телеграмма: к нему переходят все права на большое наследство. Он не интересуется, сколько это будет в долларах и фунтах стерлингов, приходит в Коминтерн, находит там товарища Эрколи (П. Тольятти) и оформляет официальный документ о передаче всего итальянского наследства МОПРу — Международной организации помощи революционерам. Обрывается одна из последних нитей, связывающих Бартини с покинутой Италией. Он давно уже привык к своему русскому имени Роберта Людовиговича. Россия стала его второй, суровой и нежной матерью-родиной, а русский — родным языком, на котором он мыслит и мечтает.

1930 год. Большой зал Наркомвоенмора. Обсуждается истребитель-перехватчик со скоростью 450 км/час. 450 км/час? Это не ошибка? Нет, вот таблицы, графики, результаты научных экспериментов. Глававиапром не верит. Это не-ре-аль-но! Лучшие боевые самолеты дают 250—270 км/час. Рекорд — 303 км/час. Ну, можно наскрести 320—350 км/час. Дальше — немыслимо. С. Орджоникидзе: «Что скажут военные?» Начальник вооружений РККА М. Н. Тухачевский встает, поднимает над головой папку: «Нереально? Вот самолет. Вот отчет об испытаниях. Вон сидит конструктор самолета». Орджоникидзе: «Будем делать!»

1932 год. Первый самолет Р. Бартини «Сталь-6» был легок необыкновенно — целиком из нержавеющей стали. Такие стали не свариваются. Бартини сварил, применив специальную «сварку выстрелом». Существовавшие системы радиаторного охлаждения резко снижали скорости самолета. Бартини создает безрадиаторную, испарительную систему охлаждения мотора, резко уменьшавшую лобовое сопротивление — вода, охлаждая цилиндр, полностью испарялась, пар поступал в конденсатор и там снова превращался в воду. Замкнутый цикл. Потом эту систему испарительного охлаждения применили англичане для самолета «Супермарин», а позже немцы для истребителя «Хейнкель-100». А если крыло прошивается пулей, снарядом, вода, значит, уходит? Удивительно, но пар не выходит! Необычен внешний вид самолета. Фюзеляж не круглый, а почти треугольный. Точнее, это расширяющийся книзу овал. Истребитель — не биплан, а моноплан. Шасси

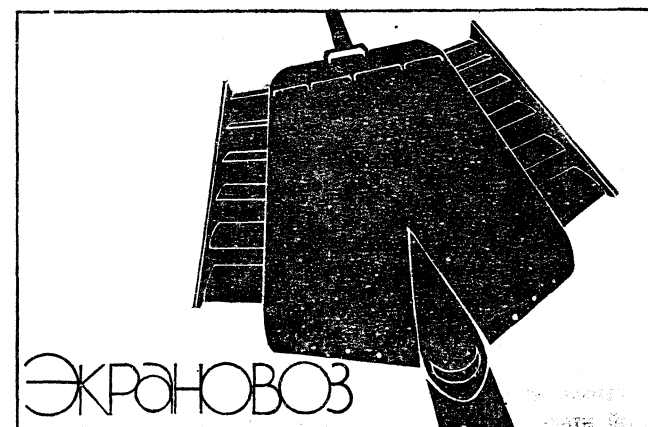
убирающееся, одноколенное: это значит, одно колесо посадочное спереди, костылек на хвосте, подбираемые стойки на крыльях. Прообраз будущего «велосипедного» шасси, которое сейчас ставят и на легких, и на тяжелых самолетах. Испытателями «Сталь-6» были утверждены А. Б. Юмашев и П. М. Стефановский. Принимать первый самолет Бартини прибыла на аэродром делегация — комиссия Коминтерна; от Италии — Дженнари, Джерманетто и Берти. Единогласное решение: «Клятву интернационалист Бартини выполняет».

1935 год. В воздух поднимается второй самолет Бартини «ДАР» («Дальний арктический разведчик»). Разрабатывал технические требования и испытывал самолет известный полярный летчик Б. Г. Чухновский. Это был самолет-амфибия: он мог держаться в воздухе выше 20 часов, базируясь на воду, землю и лед. Два двигателя, оригинальные двойные плавающие элероны для поперечного управления. Корпус летающей лодки был целиком сварен из тонкой нержавеющей стали. В ходе напряженных творческих поисков Бартини вышел на оригинальное конструкторское решение. Он предлагает кольцевую мотогондолу, заключает винт в металлическое кольцо. Казалось бы, добавочное лобовое сопротивление. Но оказывается возникает сильная дополнительная тяга. В учебниках потом стали это описывать как «эффект Бартини», сейчас он применяется в аппаратах вертикального взлета, конвертопланах.

1939 год. В конце августа самолет «Сталь-7» обновляет таблицу мировых рекордов. На высоте 11 тысяч метров при колоссальной дальности полета 5000 км по кольцевому маршруту Москва — Свердловск — Севастополь — Москва самолет идет со средней скоростью 404 км/час. Представленный на 15-ю международную авиавыставку в Париже пассажирский самолет вызывает всеобщее восхищение. Известно, что нормальной, хорошей для самолетов этого класса считалась дальность 1500—2000 км, отличной — 3000 км. Летчиков, установивших мировой рекорд — Н. Шебанова, В. Матвеева, Н. Байкузова, принимают в Кремле. «Кто конструктор самолета?» — задают вопрос командиру экипажа Н. П. Шебанову. Тот отвечает по-военному кратко: «Бартини».

1941 год. Началась Великая Отечественная война. По личному распоряжению Сталина наши самолеты, поднявшись с острова Эзель, в ночь на 8 августа бомбят Берлин. Налеты на Берлин, а затем на Кенигсберг и другие тыловые города Германии продолжают до поздней зимы. Осенью в составе эскадрильи ушли на Германию дальние бомбардировщики Ер-2. Названы эти самолеты были по имени талантливого ученика Бартини Владимира Григорьевича Ермолаева, безвременно умершего в Иркутске в 1944 году. Предшественником Ер-2 был дальний ночной бомбардировщик ДБ-240, созданный на основе «Сталь-7». Красные крылья, поднятые в воздух Бартини, били в небе фашистских стервятников.

1947 год. Еще в самом начале войны, работая с В. М. Мясищевым и С. А. Лавочкиным, Бартини предложил сверхзвуковой самолет с откинутыми крыльями, вызвавшими у специалистов недоумение. Но Бартини не обескуражен. Он разрабатывает схему сверхзвукового летательного аппарата, которая была найдена после большой серии экспериментальных аэродинамических продувок. Необыкновенная инженерная интуиция. Ошеломляющая простота и изящность инженерных решений. Кто-то выражает свое восхищение, кто-то неодобрительно еще отмахивается, а Бартини уже снова в дальнем полете. Он с увлечением работает над проектом первого сверхзвукового самолета необыкновенной дальности полета (на другие континенты и обратно). Бартини идет на острие времени.

1955 год. Совещание у Главного конструктора космических кораблей. В тихо открывшуюся дверь проходит невысокий человек с пышной шевелюрой. И — небывалое дело! — отец «дороги к звездам» академик Сергей Павлович Королев прерывает совещание, выходит из-за стола, обнимает вошедшего: «Знакомьтесь, товарищи. Это мой учитель Роберт Людовигович Бартини. Я у него чертежником работал». Когда скульптор Файдыш-Крандиевский пришел за советом к Королеву: «Кого лепить для истории»... тот кроме первых космонавтов назвал и Бартини: «Его-то образ вы должны обязательно воссоздать. Это необыкновенно талантливый человек, которому мы все обязаны очень и очень многим».

1960 год. Рабочий стол Бартини завален рукописями и книгами, здесь же — макет пассажирского самолета. На полках макеты летательных аппаратов будущего. На стене — ночная фотография самолета, взлетающего с мокрой бетонки. Рядом картины самого Бартини...

Сюда часто заходят инженеры, которые сохраняют в памяти многие рассказы Бартини. За этим столом Бартини напишет: «Колесо не в состоянии обеспечить устойчивое движение при скоростях выше 360 км/час. На воде скорость судов также достигла предела. Самолеты стали рабами взлетных и посадочных площадок. Нужен бесконтактный транспорт на воздушных и магнитных подушках: наземный — экрановозы и экраноходы, морской — экранопланы, воздушный — экранолеты. Я верю...»

1965 год. Более 3 лет шла борьба вокруг печатания в научном журнале удивительной статьи Бартини. И — победа. В одном из предварительных отзывов в «Журнал экспериментальной и теоретической физики» академик Н. Н. Боголюбов писал: «Ввиду того, что такой довольно любопытный результат может представлять интерес независимо от вопросов обоснования его, считаю целесообразным опубликовать его». 23 апреля 1965 г. статью официально представляет к публикации академик Бруно Понтекорво, крупнейший специалист по атомной физике, человек незаурядной судьбы. Тоже итальянец, в разгар холодной войны Б. Понтекорво уезжает из Италии в

СССР. Статья Роберта Орос ди Бартини «Некоторые соотношения между физическими константами» печатается в серии «Математика, физика» «Докладов АН СССР». В статье он излагает новую теорию, которая в итоге позволяет получить простую, изящную формулу для определения и расчета фактически всех мировых констант. Впечатляющая таблица сводит в одну колонку рассчитанные значения: постоянных гравитации, базисные отношения зарядов и масс, эффективный гравитационный, электрический и классический радиусы электрона, космические радиус и период, массы электрона. Рядом с таблицей — колонка значения констант. По-эйнштейновски кратко и глубоко.

1967 год. Итальянская коммунистическая газета «Уни-та» 17 октября помещает восхищенную статью: «Необычайная история ди Бартини. Итальянец — один из крупнейших советских авиаконструкторов». Впервые Бартини читает о себе на итальянском языке: «Невысокого роста, коренастый, сильный, с телосложением рабочего и благороднейшим лицом ученого. Один из маленькой группы главных конструкторов, давших крылья Октябрьской революции. Бартини — был и есть прежде всего интернациональный борец. Партийная работа — делать самолеты. И его самолеты всегда были оригинальны как по идее, так и по конструкции, как вчера, так и сегодня в течение всей его удивительной жизни. Он оставляет свой рабочий стол только для того, чтобы посвятить себя, за другим рабочим столом, необычному хобби: теории относительности, квантовой теории, расчету измерений времени, размерности скорости света. По-прежнему крепкий и негнбимый, как дуб, Бартини продолжает выполнять свой долг борца революционного рабочего движения. Недавно он отпраздновал свое 70-летие. В июне этого года Советское правительство наградило его высшей наградой орденом Ленина».

1972 год. Бартини исполняется 75 лет. К нему спешат почет и слава, не ради которых он трудился и жил. На торжественном заседании в одном из московских Дворцов культуры его так приветствует авиаконструктор О. К. Антонов: Бартини — из плеяды зачинателей советской авиации, получившей мировое признание. Он становится кавалером ордена Октябрьской Революции, на груди его блещут новые медали. В музее ЦАГИ им. Н. Е. Жуковского открывается экспозиция, посвященная видному советскому авиаконструктору. В центре этой экспозиции — альбом, сделанный руками его учеников-друзей. Из Рима приходит поздравительная телеграмма от председателя КПИ Луиджи Лонго (Бартини один из немногих оставшихся в живых итальянских коммунистов с полувековым стажем, фактически со дня и с самого часа основания КПИ). А через несколько недель они встречаются на отдыхе в подмосковном поселке Барвиха. Л. Лонго, высокий, поседевший, бьет шуточно Бартини в грудь, подталкивает и, ощутив каменные мышцы и бицепсы Роберто, кричит ему: «Борец! Борец! Могуч! Ого! Ты еще помнишь, как тебя звали — красный барон! Барон-

гражданин Советского Союза, а?!) Фотографию их и статью о встрече помещает «Неделя» в серии «Рассказы о коммунистах».

1974 год. В центральной газете в траурной рамке фотопортрет с сообщением: «6 декабря 1974 года на 78-м году жизни скоропостижно скончался один из старейших советских авиаконструкторов Р. Л. Бартини, член КПСС с 1972 года. С 1930 года главный конструктор в различных авиаорганизациях. В последние годы Р. Л. Бартини работал над решением ряда сложных научно-технических проблем авиационной техники. Разносторонне образованный, обладавший большими знаниями и широкой эрудицией, он внес значительный вклад в развитие авиационной науки и техники. Светлая память о Р. Л. Бартини, коммунисте-интернационалисте, талантливом ученом, авиаконструкторе, навсегда сохранится в наших сердцах». Под некрологом подписи крупных партийных работников, ведущих авиаконструкторов страны.

В этот день была завершена первая половина работы космонавтов А. В. Филипченко и Н. Н. Рукавишников на корабле «Союз-16», который пошел к звездам в соответствии с программой подготовки к совместному полету кораблей «Союз» (СССР) и «Аполлон» (США).

1975 год. Бартини говорил друзьям: «Я хотел быть физиком, а стал авиаконструктором». К нему пришло признание и как к авиаконструктору, и как к физика. Авиаконструктор А. С. Яковлев в книге «Советские самолеты» одну из глав открывает довольно подробным рассказом о «талантливом, неистощимом на изобретения» Бартини. «Роберт Людовигович — итальянец по происхождению, один из группы иностранных авиаконструкторов, которые были приглашены в нашу страну в 20-х годах. Часть этих специалистов сразу же возвратилась к себе на родину, другие как, например, французы П. Ришар и А. Лявиль, проработали в СССР несколько лет, однако проекты их оказались малоудачными и практического значения не имели. Кстати, этот факт весьма характерен для истории развития советской авиации. Жизнь показала, что уровень нашей авиационной науки и квалификация авиастроителей настолько высоки, что иностранные специалисты не смогли дать нам ничего нового и ценного и не привились на нашей советской почве. Один лишь Р. Л. Бартини работал продуктивно и остался в нашей стране навсегда».

Издательство «Советское радио» выпустило книгу Е. А. Александрова «Основы теории эвристических решений. (Подход к изучению естественного и построению искусственного интеллекта)». В ней статья Р. Л. Бартини «Множественность геометрий и множественность физик». Вот что написано об этой статье: «Возможен вопрос: «Можно ли дать словарь для всех возможных физических величин?» В таком словаре каждый символ прикладной теории всегда бы соответствовал определенной физической величине. Изучение этого вопроса и привело к кинематической системе физических величин, предложенной Р. О. ди Бартини. Эта кинематическая система

физических величин использует в качестве основных размерных величин только две: длину и время. Все остальные физические величины, включая массу, считаются производными от этих двух основных и представляются в виде произведения. Любая физическая величина в этой системе представляется общей формулой. Достаточно взглянуть на таблицу кинематической системы физических величин, как напрашивается новый вывод: не является ли она таблицей законов природы?» Вдумайтесь в эти знаменательные слова: таблица законов природы Р. О. ди Бартини!

Узкая высокая комната. Вдоль одной стены размещены канцелярский шкаф, небольшой сейф и всего несколько стульев. Если сесть на один из них, то упираешься коленями в двухтумбовый стол. Сейчас за ним пусто. Под большим плексигласовым листом лежат рядом две фотографии ди Бартини — на обеих он подпирает большую красивую голову по-рабочему большим кулаком. Широкий узел галстука, открытый ворот рубахи. Наверное, любимая поза. Но когда говорят, что на одной фотографии Бартини 50 лет, на другой за 70, невольно начинаешь сравнивать в мелочах и с удивлением не обнаруживаешь почти никакой разницы. Он жил и умер красивым человеком. На столе в красной папке опубликованное Бартини и о нем. Немногие книги.

По-видимому, идеи Р. О. ди Бартини и в авиации и в физике будут жить значительно дольше, чем предполагают многие из нас, специалистов. Несколько лет тому назад это имя знали только работники опытного самолетостроения. Сегодня оно становится достоянием миллионов. Очень быстро вошли в научный обиход разработки Бартини по единой физике мира. Поплывут, помчатся, взлетят еще конструкции, оставленные нам Бартини. Его работы — блестящая логика парадокса. Его работы, задуманные вчера, выполненные сегодня, устремленные в будущее. Его жизнь — легенда. Его жизнь — подвиг.

НЕВЬЯНСКИЕ ПЛИТЫ

**Станислав
ЛЯСИК**

Много лет у порога старинного купеческого склада в Невьянске пролежала чугунная плита. Она почти совсем вросла в землю и не привлекала внимания. Когда в 1958 году здание бывшего склада начали перестраивать, строители, перевернув плиту, на обратной стороне обнаружили надпись. Ее перевели так: «Сие созидано памяти вышнего в Сибири на Невьянских комиссара Никиты Демидова заводах. Лета г(оспо) дня 1725, ге(н)варя 1 дня». Напрашивался вывод, что плита с Невьянской башни, что сама башня была «созидана» памяти комиссара Никиты Демидова сыном его Акинфием, причем заложение ее датировали началом 1721 года в честь пожалования уральскому заводчику дворянства 21 сентября 1720 года.

Спустя два года в Невьянске была обнаружена еще такая же плита с аналогичной надписью. На этот раз плиту нашли в доме на окраине города, где она служила шестком у русской печи, и тоже лежала надписью вниз.

Размер — 138×68×2 сантиметра, орнамент, надпись, форма отлитых букв и цифр — все это было совершенно одинаковым на обеих плитах. Обе они хранились в Невьянском музее, но вскоре одну (первую) передали в Свердловский областной краеведческий музей.

Допустим, что плиты в самом деле имеют какое-то отношение к башне. Но тогда не понятно, почему она возведена в память о Никите Демидове, если 1 января 1725 года он еще здравствовал? К тому же, он умер 17 ноября 1725 года, не имея официально дворянского звания, о чем говорит надпись на чугунной крышке его тульской гробницы, где перечислены занимаемые им при жизни «должности» — кузнец, оружейного

дела мастер, комиссар, но не указывается, что он был дворянином. В переводе надписи — явная ошибка.

Вторая плита сохранилась лучше, буквы на ней отлиты четко, и удалось правильно расшифровать надпись. Слово «государь» писалось тогда сокращенно — «гдрь». Сочетание букв «помлти» следует читать не как «памяти», а как «по милости». Прочитанное ранее слово «созидано» изменилось на «созижданы», а самое первое слово, которое переводилось, как «сне», — как «сии». И после этих уточнений надпись на чугунной плите приобрела совсем иной смысл: «Сии созижданы по милости вышняго в Сибири на Невьянских комиссара Никиты Демидова заводах лета господства 1725 генваря 1 дня».

Значит, не в честь дворянства и не «памяти вышнего», а по его милости что-то было изготовлено в конце первой четверти XVIII столетия на Невьянских заводах Демидова. И не в единственном числе.

Нашлась и третья такая плита — на Суксунском заводе в Пермской области, она хранится в Кунгурском музее.

Как известно, художественное литье в России начинает развиваться с конца XVII столетия. Связано оно было в первую очередь с применением чугуна в архитектуре. Самыми ранними отливками были половые плиты, двери для каменных палат и церквей, оконные рамы для лавок и кладовых, лестничные перила...

В 1711 году мастер Арнольд отлил статую Нептуна. К 1714 году относится статуя Самсона, раздирающего пасть льва. Появились и русские мастера художественного литья. В 1726 году С. М. Воинов получил заказ на изготовление триумфальной картины в честь Петра I по рисунку знаменитого зодчего К. Б. Растрелли.

Гагаринская плита

В начале XVIII столетия наряду с развитием металлургической промышленности на Урале осваивается и чугунное литье. Сперва здесь делали котлы, горшки, вьюшки, сковороды, а затем стали лить и художественные изделия.

Плиты и были первыми изделиями художественного литья. Отлитые в 1725 году в Невьянске, они очень похожи на хранящиеся в Государственном историческом музее в Москве чугунные плиты, изготовленные в 1702 году по заказу князей И. П. и М. П. Гагариных. Братья Гагарины, решив в начале столетия расширить церковь Ильи Пророка на Воронцовском поле в Москве (впоследствии — здание Музея восточных культур), отлили несколько сот совершенно одинаковых чугунных плит для пола с надписью на каждой: «Се созидали по милости вышняго князь Иван Петрович да князь Матвей Петрович Гагарины».

Гагаринские и демидовские пли-

ты во многом очень схожи. Поэтому можно утверждать, что при отливке плит в Невьянске мастеру были уже известны или зарисовки гагаринских плит или даже они сами. Можно также предположить, что отлитые в 1725 году в Невьянске плиты предназначались для покрытия полов в каком-нибудь здании за пределами Урала. Почему известно только о трех плитах? Секретарь совета Демидовского юридического лицея К. Д. Головшиков, известный биограф рода Демидовых, писал в 1881 году: «При Екатерине I Никита Демидов в последние дни своей жизни, вероятно, как подарок, изготовил на своих заводах для царского сада трубы для Фонтана стоимостью около 20 тысяч рублей. Они утонули в Ладожском озере». Такая же участь могла постичь и невянские плиты. Не это ли ключ к разгадке?

Рушник из каменной кудели

«А полотно, как соткут его, вовсе не бело: кладут его потом в огонь, и по малом времени становится оно бело, как снег...» — так 700 лет назад описывал производство ткани из асбеста знаменитый венецианец Марко Поло.

Волокнистый камень, горный лен, каменная кудель, каменный шелк, — так называют асбест. Он известен на Урале с 1720 года. На горе близ Невьянского завода нашел однажды крепостной крестьянин Сафон Согра камешки с шелковистыми волокнами. Показал их владельцу завода Никите Демидову, а тот в камнях разбирался не хуже, чем в розгах. Вскоре крепостные девушки стали вязать из негораемых нитей перчатки, чулки, кружева...

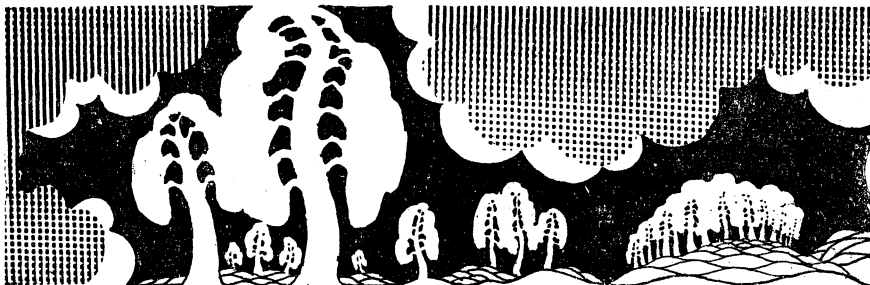
Далеко за пределами России славились тогда изделия уральских мастериц. Самые знатные дамы Парижа и Лондона украшали свои туалеты каменными кружевами.

Прошли столетия, прежде чем люди нашли асбестовому шелку другое применение. Сейчас почти нет такой отрасли промышленности, где бы обходились без асбеста. Всюду, начиная от электроутога и кончая космическими кораблями, применяются изделия из горного льна.

Одно из крупнейших предприятий в СССР, выпускающих продукцию из ткущегося камня, — Уральский завод асбестовых технических изделий в городе Асбесте. Здесь делают свыше 950 видов изделий.

На заводе ткут из каменного шелка и сувениры. Например, расшитое русское полотенце, — как та скатерть, которую когда-то Демидов на глазах у Петра Первого поджигал и которая стала от огня белой, как снег.

Александр ШАРАПОВ

**Игорь
ТИХОНОВ**

Письмо из Ташкента

Так что ж вы редко пишете,
жены наши, жены,
женщины севера,
холодные сердца?
А ночью снова снятся
скитальцам убежденным
скрипучие ступеньки
заветного крыльца.

У нас в Ташкенте ветер
слепой декабрьской пылью
играет надоедливо
с утра и до утра.
Мы справимся, конечно,
и с небылью, и с былью,
и с каплею обиды
на кончике пера.

Мы желтый лёсс копаем,—
земля полна силищи
до самых до подземных
горячих здешних вод,—
в любом котловане
воткни кнутовище,
оно белой вишней
к весне зацветет.

Мы это сами слышали,
потом и сами видели,
в брезентовых палатках
тоскуя о тепле.
Да что нам дедов присказки!
У нас, градостроителей,
растут дома-громады
на лёссовой земле.

...Сейчас, поди, на родине
в сугробах пляшет солнышко,
зима на крыши падает
рождественским дождем.
Далеко отодвинулась
родимая сторонushка,
откуда ветры дышат,
откуда писем ждем.

Любимый месяц

Теперь-то уж терпеть немного...
Зимы всего на два глотка.
И Март придет своей дорогой,
И жизнь начнется от порога,
Вновь бесшабашно коротка.

Мой месяц — Март.
Пускай не пышет
В дни Марта солнце с высоты,
Зато на всех окрестных крышах
Вовсю беснуются коты.

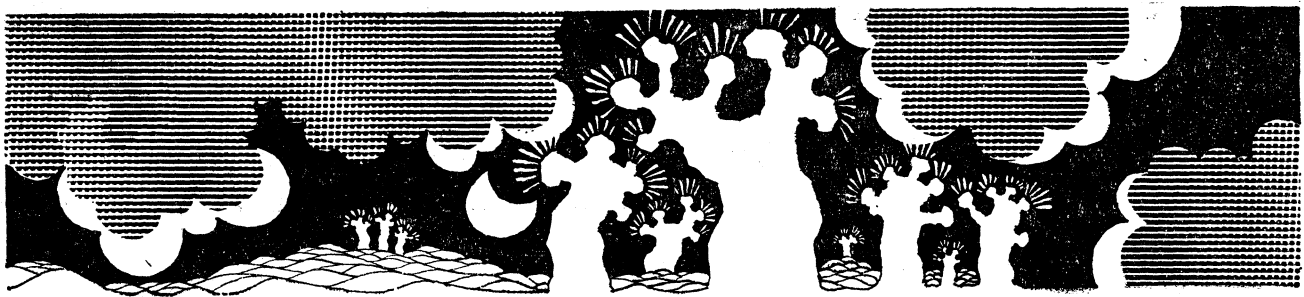
Непостоянен дьяволенок,
Веселый первенец весны.
По снегу, только из пеленок,
Мчит босиком, и хоть бы хны!

Утрами ясно и студено,
Окно в узорном серебре.
Но к полудню освобожденно
Встряхнется роща на бугре.

Снег, как арбуз, зернист и розов,
И будто кружева ручей.
Руками белыми березы
Плетут из солнечных лучей.

А ночью вьюга напоследок
В печной трубе завьет свое
И хохотнет вдруг бабке с дедом,
Мол, я нарочно, чудацке!..

Ах, месяц Март, душа шальная,
Моей судьбы лихой исток.
То вдруг завьюжится, стена,
То зиму вдруг
Наотмашь
С ног.

**Яков
АНДРЕЕВ**

В Эрмитаже

Сюда приходят, словно в Мекку,
Со всей планеты голубой;
И я, как все, от века к веку
По залам двигался с толпой.

Растрепанная черным ветром,
Рыдала над убитым мать...
Пикассо разбирал планету,
Чтобы по-новому собрать...

Молилась небу Магдалина...
Мчал за окном двадцатый век...
Перед безрукою богиней
Стоял безрукий человек.

Я ждал тебя,
Не доверял часам.
Часы стучали,
Стрелками вертели...
По золотым

Пустынным небесам
С утра до ночи
Журавли летели.

Я ждал тебя,
Я очень ждал тебя.
Заря с небес
Стекала золотая,
И лось стоял,
Воинственно трубя,
Соперника из чащи
Вызывая...

Я ждал тебя,
Печалась и любя,
Я ждал тебя —
Вокруг березы гасли,
Я ждал тебя —
Что может быть напрасней,
Чем ждать тебя,
Всю осень ждать тебя...

Волга

Когда опять в окне вагона
Передо мной в закатный час
Вдруг настужь распахнется Волга —
Теперь, уже в который раз,—
Я сокрушаюсь виновато,
Подумав на своем пути:
— Сойти бы к ней...
Да все куда-то
Спешу,
Все некогда сойти.

**Светлана
МАЗЕИНА**

Февраль

На снега, на немую маяту
Ударит свет. И хлынет вдруг такое,—
Что нет уже ни счастья, ни покоя,
А ринуться б, как в бездну,

в высоту.

От ветра — от безумного гонца —
Деревья голые пришли в движение,
И есть у жизни продолженье.
И дело есть. И силам нет конца.

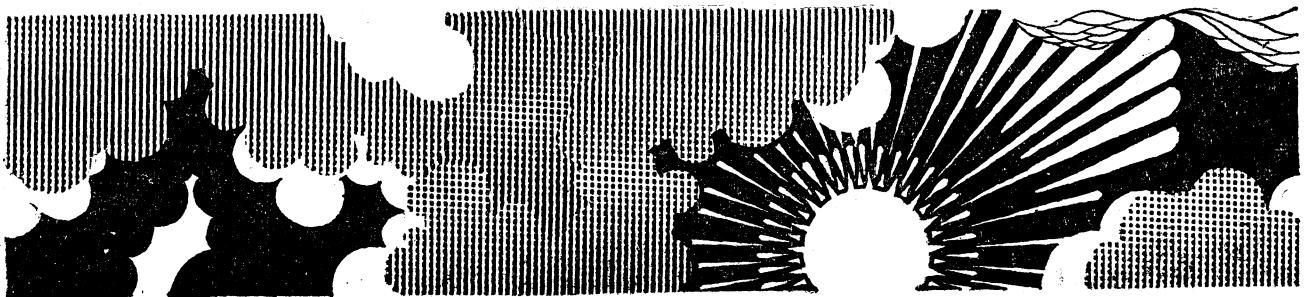

Нет, не нужна мне ваша тайна.
Мне и своя-то тяжела.
Я вас припомнила случайно
В глухом поселке Юшала.

Тогда от счастья вслух я пела,
Была светла, была права...
Молва подставила умело
В ту песню не мои слова.

И вот теперь, в разгаре мая,
Когда души не одолеть,
Хожу я, как глухонемая,
Чтоб песен тайных не запеть.

Таким, каким со мною был он...—
Таким его вам не видать!
Таким, какого я любила,—
Ему отныне не бывать.

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ

Рассказ

**Дмитрий
БИЛЕНКИН**

*Рисунки
Н. Павлова*

— Не бойшься, что я протру твою бархатную шкурку?

Ответом был раскат благодарного мурлыканья. Вытянув шею и оттопырив уши, Дики наслаждалась почесыванием. Костяшки пальцев Ронина так энергично сновали у нее под губой, что от их движения с чмоканьем приоткрывались острые зубки. Голова кошки моталась. Глаза были косые, блаженные.

Ронин вздохнул. Больше оттягивать было нельзя. Пора собираться. Надо...

— Знаю, знаю, наслаждаться ты можешь до бесконечности... Меня, однако, ждут инопланетяне.

Мурлыканье оборвалось. Кошка мягко прыгнула с колен и, гордо неся свой пушистый хвост, проплыла к закрытой двери, нисколько не сомневаясь, что Ронин ее распахнет. Конечно, он это сделал. Любимице нельзя было не услужить. В сотнях парсеков от Земли она чувствовала себя как дома, она везде чувствовала себя как дома, — уж такой это был зверь.

Проводив ее долгим взглядом, Ронин стал одеваться. В иллюминатор неподвижно светило чужое солнце. В густом луче плавилась пылинки. Сухой ржавый свет наводил тоску.

Неподалеку от шлюза Ронин снова увидел Дики. Пружинисто переступая, она проследовала за ним, как будто по своим делам.

— Нет, серый зверь, — громко сказал Ронин. — Дисциплина и для тебя обязательна. Прогулки строго по расписанию, согласно программе биологических экспериментов.

Кончик пушистого хвоста неодобрительно дернулся. Дики свернула в коридор с таким видом, словно она думать не думала ни о каких прогулках и отказ не имел к ней ни малейшего отношения. Только спина — уму непостижимо как — выразила презрительное осуждение.

Ронин не смог сдержать улыбку. Милое, своеправное, такое понятное земное существо! Мимоходом он посмотрел на себя в зеркале. Отту-

да на него глянула чудовищная маска. Монстр, да и только...

Ничего не поделаешь! Без шипастой маски, без специального диковинного костюма человека на этой планете просто не замечают.

Перебарывая привычный холодок волнения, Ронин шагнул к люку.

Маскарадный костюм появился у Ронина не сразу.

В начальной стадии контакта осложнения неизбежны, и, начав работу на Мальтурии, Ронин не строил никаких иллюзий. Действительность, однако, превзошла все ожидания.

Подготовительные работы были проведены безупречно. Группа разведчиков составила изумительное описание планеты и с торжеством вручила его Ронину. Деликатная операция установки «следопытов» тоже обошлась без неприятностей. Ночью возле всех заранее намеченных поселений были тайно установлены акустико-оптические анализаторы, которые в радиусе двух километров улавливали малейший шепот и позволяли следить за каждым движением обитателей хижин. Сложность этого предприятия, пожалуй, поставила бы в тупик любого героя Фенимора Купера, ибо аппараты, закамуфлированные под пни, камни и гнезда, следовало разместить так, чтобы в поле их зрения и слуха оказался весь поселок. В местах, куда не забредали даже дети, знавшие, верно, все пни и глыбы наперечет. И это под носом у жителей.

Обошлось тем не менее. Когда язык и образ жизни мальтурийцев были изучены и аппараты за ненадобностью убраны так же скрытно, как и поставлены, Ронин почти уверовал в свой талант. И немедленно сел в такую лужу, в какую еще ни один специалист по контактам не садился.

Он, как по программе полагалось, выбрал одинокого путника, вышел ему навстречу, сделал принятый в данной местности знак миролюбия и на чистом мальтурийском языке произнес приветствие. По опыту он знал, что это не только ответственный, но и опасный момент: бывало и так, что в ответ следовал удар копьём. Ронин был готов ко всему. К нападению, паническому бегству, ослобенению, падению перед землянином ниц, даже обмороку. Произошло, однако, невероятное: мальтуриец его просто не заметил.

Не заметил, и все! Он прошел мимо Ронина так, словно его и не существовало. Словно человек был пустотой или незримой мошкой...

Ронин так растерялся, что затрусил за мальтурийцем, крича ему вслед. Увы, группа прикрытия, конечно, запечатлела весь этот позор...

С новым прохожим повторилась та же история: он прошел, даже не шевельнув толстым, как бревно, хвостом.

Отчаяние Ронина усугублялось тем, что на борту звездолета находился сам великий, знаменитый, прославленный и все такое прочее Боджо.

С одной стороны, это было прекрасно, потому что кто, как не Боджо, мог дать полезный совет. С другой стороны, это было скверно, потому что Ронину впервые доверили самостоятельный контакт. Так обстояло дело и формально, и по существу, поскольку Боджо уже давно ничем не руководил. Он и на этот раз предупредил, что стар, годен уже только для тихой кабинетной работы, короче говоря: «Мой опыт в полном вашем распоряжении, но действуйте так, будто меня здесь нет».

Из самолюбия Ронин так и старался действовать. И вот — не вышло.

Пригнутый неудачей, Ронин вернулся на звездолет. Он ожидал, что Боджо, приняв его, вежливо выслушает, скачающе побарабанит по одной из своих бесчисленных книг и коротко пододвинет ее со словами: «Вот тут изложено одно мое давнее соображение, которое, насколько мне помнится, отвечает создавшейся ситуации...»

Вышло иначе. Скуластое, пепельное от старости лицо ученого к концу рассказа дрогнуло изумлением, а в узких глазах блеснуло жадное нетерпение ребенка, которому вдруг показали редкостную и заманчивую игрушку.

— Слушайте, ведь это поразительно! — вскричал он. — То есть я никогда ни с чем подобным не сталкивался! Боюсь, что и остальные...

Подскочив к полке (старик признавал лишь печатные издания), он проворно-ищущим движением пальцев пробежался по корешкам книг.

— Ничего, как я и думал. Никто не писал ни о чем подобном! Не-ет, молодой человек, чужой ум нам тут не подмога, придется поломать голову самим.

— Вот и мне так кажется! — настроение Ронина подпрыгнуло к небесам. — Здесь такая загадка, с которой...

— А вот насчет загадки я не совсем уверен, — мягко улыбаясь, перебил Боджо. — Это еще надо прояснить, есть ли тут загадка. Относится ли странное явление к числу непознанных или неузнанных? Разница большая. В первом случае нужны исследования, ибо в наших знаниях явный пробел. Во втором случае это излишний труд, поскольку фактов достаточно, надо только их осмыслить. Нас, знаете ли, развратило обилие исследовательской техники. Мы убеждены, что все эти хитроумные анализаторы все-го-чего-угодно, всюдупроникающие зонды, всевидящие локаторы, подающие нам на блюде ответ машины, повинуются нам, как хвост собаке. На деле еще вопрос, что кем вертит... Анализаторы дадут любые сведения, машины все

скорректируют, эксперимент разрешит любые сомнения, это надежно, правильно, солидно, и думать вроде не обязательно. Но часто похоже на поиск очков, которые лежат в кармане, уж вы мне поверьте... Вот и подумаем, для начала, к какому типу относится наш случай. Видеть мальтурийцы вас, конечно, видели?

— Да, — ошарашенно ответил Ронин. — Они видят, примерно, как и мы, хотя у них совершенно другой внешний облик и другое устройство глаз.

— Так, так. Еще вопрос. Они не заметили вас или не пожелали заметить?

— Скорей первое. Насколько я разбираюсь в их эмоциях, я был для них чем-то вроде пня, по которому равнодушно скользишь взглядом.

— Значит, видят, но не обращают внимания. Странно, странно... Мы должны быть для них дивными чудовищами, а они... Такое свойство восприятия крайне опасно для них самих, вы не находите?

— Нет, не нахожу, — Ронин не заметил, что спорит с самим Боджо, а когда заметил, то лишь смутно удивился. — Ведь если бы это было опасно, то... то этого просто не было бы.

— Как так?

— Дело, очевидно, в том... — Ронин запнулся, но отступить было поздно. — Дело, очевидно, в том, что они прекрасно замечают все, от чего зависит их жизнь, но лишь, так сказать, в привычной среде. Мы же не являемся элементом их среды обитания.

— Мы — исключение из правил, и поэтому они нас не замечают?

— В общем, да, — тихо сказал Ронин.

— А вам не кажется, что это абсурд?

Ронину это уже не только казалось. Он просто не понимал, как мог сморозить такую глупость. Нельзя же в самом деле утверждать, что кто-то не обращает внимания на огромное и громогласное существо только потому, что оно ни на что не похоже! Но мысль уже была высказана, и смятенный ум лихорадочно искал аргументы в ее защиту. Ведь не зря же она возникла!

— Птицы! — вдруг выпалил Ронин.

— Птицы? — Боджо воззрился на него, будто Ронин стал маленьким-маленьким. — При чем тут птицы?

— Это просто пример... Если в гнездо подложить деревянного птенца и покрасить его разинутую глотку в натуральный цвет, то птицы будут кормить деревяшку! Они не видят, что птенец не настоящий, потому что в программе их поведения не предусмотрен и не мог быть предусмотрен столь невероятный случай подмены.

— Все существа воспринимают мир сквозь призму стереотипов, — задумчиво проговорил

Боджо. — Это общеизвестно. Есть ли, однако, тут переход к нашему случаю?

Мысли Ронина разбежались. Неужели Боджо не видит, что он, Ронин, просто-напросто барахтается, без особой надежды выплыть? Что он запутался в своей, ребенку видно, абсурдной гипотезе? Но на лице Боджо не было и тени усмешки, он ждал, с интересом ждал ответа. «Не бойтесь абсурда, быть может, это всего лишь знак, что наш прежний опыт исчерпан и разум столкнулся с новой поразительной сложностью мира, которая на первых порах производит впечатление абсурда», — Ронину вспомнились эти слова из давней книги Боджо, и они его подхлестнули.

Конечно, соображал он, всякое мышление, в том числе человеческое, — стереотипно. Ну и что? Внешне нелепый стереотип может быть глубоко оправданным. И наоборот. Самый расчудесный стереотип оказывается пагубным, коль скоро резко изменились породившие его обстоятельства. Все преимущество разума как раз состоит в быстром пересмотре стереотипов. Быстро, но, естественно, не мгновенно. Только в высшей фазе развития становится возможным упреждающий, прогностический пересмотр. До этого момента истории пересмотр всегда и неизбежно запаздывает. Надо получить от жизни изрядную порцию синяков и шишек, чтобы это случилось. А до тех пор, пока изменения не дают о себе знать чувствительно, разумное существо будет спокойно взирать на мир сквозь любые искажающие очки.

Мысленная невидимость!

Ронин даже ахнул.

— Послушайте! — вскочил он в возбуждении. — Что бы вы сделали, если бы сюда, в каюту, к вам явился Эйнштейн?

— Решил бы, что мне померещилось. — Боджо смотрел на Ронина со странным выражением лица. — Так вы полагаете...

— Да, да! Никто из нас не пал бы перед призраком ниц, не ударил бы его кулаком, не убежал бы с воплем, а спокойно пошел бы к врачу. Беспokoиться нечего, обычная галлюцинация! Ведь так? Это наш стереотип реакции на призраков. А если бы прозрачной оказалась форма существования какого-нибудь инопланетянина, который явился бы к нам устанавливать контакт? Результат был бы тем же! Здесь, похоже, аналогичный случай. Просто у мальтурийцев другой стереотип «чего не может быть».

Азиатские глаза Боджо спрятались в щелочки век, к их уголкам стянулись морщинки.

— Ладно. В нашей гипотезе есть должное случаю безумие. Давайте ее спокойно обсудим...

Они все, как следует, обсудили, продумали изменение человеческого облика, и на другой же день Ронин поставил опыт с маской, кото-

рый принес полный успех. Мальтурийцы увидели человека!

Боджо, узнав о результатах, даже крикнул от восхищения.

— Вот это работа! Как идея-то оправдалась, а? — он искоса глянул на Ронина. — Вас поздравляю, себя — не могу. Проглядел идею-то, проглядел, что значит стариковские стереотипы, — ай, ай, ай...

Он долго и сокрушенно качал головой, но глаза хитрили, и Ронина царапнуло внезапное сомнение, которое за делами, впрочем, тут же забылось.

Оно всплыло ночью. Перебирая дальнейшие возможности контакта, Ронин долго ворочался, и, как это всегда бывает при бессоннице, мысли скоро сбились в яркий, путанный клубок образов, навязчивых и сумбурных, пока случайно не выделился один: рука Боджо, замершая перед корешками книг.

Еще дремотная память напряглась. Палец Боджо заскользил по рядам, вот он помедлил, неуверенно дрогнул, скользнул вниз, чуть задержался на совершенно обычной книге... Обычной? Наоборот, неуместной, ненужной, — недоумение тогда мелькнуло и тут же погасло, потому что палец отпрянул и снова заскользил по корешкам солидных томов, а ему, Ронину, было не до размышлений. Но ведь эта книга...

Память, наконец, вынесла ее название. Ронин даже подскочил: томик Честертона! Того самого Честертона, который еще в прошлом веке написал рассказ о мысленно невидимом человеке. Так вот что запало! Вот почему задержался указующий палец!

— Ай, ай, ай, — покачал головой Ронин. — Стариковские стереотипы, значит... Ай, ай, ай!

Он усмехнулся в темноте. «Да, за таким стереотипом — как за каменной стеной... Но, кажется, я тоже не подкачал. Ну и ну!».

Спасительная маска позволила Ронину установить, наконец, контакт с мальтурийцами. Однако наступил день, принесший загадку, перед которой и проницательность Боджо оказалась бессильной.

Яркий свет лег на плечи тяжестью панциря. Ронин зажмурился, мало-помалу привыкая. Он задержал шаг возле опытного поля, на котором хлопотали биологи. Ограждения поля были, пожалуй, самой причудливой из всех, которые Ронин видел, конструкцией. Они перекрывали собой обширный участок местности, свободно пропускали внутрь свет, ветер и дождь, но ни одной молекулы не выпускали наружу без придирчивого контроля. Биологи не боялись заразить планету или внести заразу в корабль, так как существенное несходство местных и земных бел-

ков гарантировало их полную несовместимость. Но характер опытов все же требовал изоляции. За прозрачными до незримости стенами трава, кусты и деревья лужайки соседствовали с посадками земных растений, и странно было видеть одуванчик, оплетенный чем-то вроде медной проволоки с огромными фиолетовыми цветами на тончайших усиках. Там, за стенами, шла борьба и притирка двух чужеродных биосфер, у которых общим был лишь способ питания. Контакт их был подобен соприкосновению травы и металла, но ведь и его нельзя считать вполне нейтральным, так что интереснейшей и кропотливой работы биологам хватало. Туда же, за невидимые стены, были выпущены генетически чистые породы мышей, морских свинок и кроликов. Ронин видел, как за земной мухой гонится десятикрылая здешняя стрекоза, которой явно было невдомек, что муха для нее несъедобна.

— Как дела? — спросил Ронин у появившегося из укрытия биолога.

— Как обычно, — тот стер с лица обильный пот. — Что-то гибнет, что-то приживается. Жаррица...

— Там Дики просится в ваш ноев ковчег.

— Подождет. Как она в своей шубе еще может резвиться — не понимаю.

— Положим, тут не жарче, чем в наших тропиках. Ладно, все это пустяки. Выяснили что-нибудь со злаками?

— Нормальные злаки, и болеют они нормально, так что ничего нового. А вы опять к мальтурийцам?

— У них сегодня Праздник Урожая, и я зван.

— Завидую! Они хоть сами о себе рассказывают, а тут допытывайся у трав и вирусов, почему они такие, а не сякие.

Да уж, подумал Ронин, своя работа всегда самая трудная. Эх, мне бы ваши заботы, дорогие биологи! Травки да зверюшки, они в наших руках, словно глина, меняй их генетический аппарат, как хочешь, а тут...

Помахав рукой, он двинулся к опушке. Привычно обернулся, когда миновал маскировочный заслон. Позади не было уже ни корабля, ни опытного поля, ни трудяг скуггеров, только дальний лес странно приблизился, и посреди сократившегося пространства зыбко трепетало марево, будто там никак не мог овестивиться вылезший из бутылки джинн. Как ни совершенна была маскировка, место, что и говорить, выглядело заколдованным. К счастью, любопытством мальтурийцы не страдали, и одно это наводило на некоторые размышления.

Тень леса облегчила жару, зато исчез ветерок, который продувал страхолудный костюм Ронина. Обилие кислорода слегка кружило голову, отчего лес казался еще диковинней, чем

был в действительности. В нем причудливо смешались осень, весна и лето. Осень, потому что падали и шуршали багряные листья, весна, потому что все цвело, и лето, потому что на деревьях обильно зрели плоды.

Богатая, вечно плодоносящая почва!

Так почему, почему здесь замерло то, что не должно было замереть?!

Сразу за опушкой открылся поселок. Белые, как яичная скорлупа, конусы хижин ослепительно сверкали в лучах послеполуденного солнца. В поселке не было заметно никакого движения, хотя за человеком, конечно, следило множество глаз. Поодаль расстилались красновато-бурые поля, на которых кое-где виднелись темные точки, — жнецы уже приступили к уборке. Сделав поправку на цвет неба и краски растительности, можно было подумать, что находишься где-нибудь в древней Африке. И это в стольких парсеках от Земли! Ничего удивительного, впрочем. Всякая цивилизация на определенном этапе развития начинает строить жилища, заниматься земледелием, а поля всюду поля, какое бы солнце ни горело над ними. Везде надо подготовить почву, взрастить, убрать урожай, везде нужен труд и орудия труда, всюду приходилось гнуть спину, если таковая, понятно, имелаась.

Приблизившись, Ронин понял, что его ждут. Старейшины чинно восседали на собственных, сложенных вдвое хвостах. Очень удобно, но Ронину после церемонии приветствия пришлось, как обычно, присесть на корточки. Его движение спугнуло рыжеватого зверька, каких тут была масса. Пискнув, он взмыл из травы на тонких пергаментных крылышках. Рука одного из старейшин шелкнула в воздухе, как плеть, но куда там! Зверек увернулся и исчез в траве. Он имел отдаленное сходство с диснеевским Майти-Маусом, но не летал, а прыгал, словно кузнечик. Мордочка у него, однако, была скорей крысиная. Нигде в лесах «майти-маусы» не водились, и Ронин вспомнил просьбу биологов раздобыть хотя бы парочку, но сейчас думать об этой докуче было некогда.

Тарелки с едой появились немедленно, едва Ронин сел. Путника, откуда бы он ни явился, пусть даже со звезд, и как бы он ни выглядел, первым делом, если он вошел в доверие, следовало накормить. Так было на Земле, так было и здесь, ведь голод везде голод. Обычай, пренебрегать которым было нельзя, уже который раз обрекал Ронина на муки, ибо приходилось набивать желудок массой, хотя и безвредной, но не более удобоваримой, чем опилки. Хорошо еще, что здешняя пища была с точки зрения человека довольно безвкусной, не имела омерзительного запаха и не вызывала желудочных спазм.

До окончания трапезы, Ронин знал это, разговор был невозможен. Поэтому он покорно принял тарелку, но при взгляде на нее ему стало не по себе.

Еда возвышалась на ней горой! Ее было впятеро больше, чем всегда. А съесть полагалось до крошки. Но человеческий желудок был явно не рассчитан на такое количество.

Ронин тихо содрогнулся. Тенистый сумрак, кое-где рассеянный горячим лучом света, молочные конусы хижин вокруг площадки, чуждые всему земному безмолвные лица старейшин, — пощады ждать было нечего.

Что означает эта гора пищи? Может быть, на этот раз требуется съесть только часть? Или, наоборот, следует попросить добавки? К чему приведет его вынужденный отказ прикончить блюдо? Какой поступок сейчас мог оказаться правильным, а какой оскорбительным?

Снова — в который раз! — Ронин почувствовал себя канатоходцем, который балансирует, держа на голове кастрюлю кипятка. Или, изящно выражаясь, чашу.

— Сегодня Праздник Урожая, — напомнил старейшина.

Ну да, конечно... Началась жатва, а это, должно быть, ритуальное блюдо, которое, видимо, надо очистить до последней крошки. Неясно только, почему пир устраивается не после, а во время уборки, ведь тут дорога каждая минута, да и работа на полный желудок — не работа. Или это блюдо только для гостей?

Нет. Точно такие же появились и перед старейшинами. Мало того! Судя по запахам, к пиршеству готовились и в хижинах.

Оставив недоумение на потом и с тоской глянув на дымящуюся гору еды, Ронин погрузил в нее пальцы, лихорадочно соображая при этом, как бы незаметно просыпать кое-что в траву. Иного выхода не было. Не зря, нет, не зря искусство фокуса входило в программу подготовки контактеров, — ее готовили предусмотрительные люди...

Зажмурясь, Ронин сделал первый глоток.

Быть может, именно с пищей была связана та загадка, которая не давала покоя всей экспедиции.

Земная история, как и история других цивилизаций, свидетельствовала, что всякий последующий этап развития короче предыдущего. То было не просто обобщение горстки уже известных фактов. В сущности, прогресс — это ответная, не единственная, но самая перспективная реакция жизни на изменение условий существования. Чем обширней и глубже перемены, тем больше возникает новых проблем и тем изощренней должен становиться разум, иначе проб-

лемы, оставаясь нерешенными, усугубляются, что ведет к гибели. Но всякий шаг цивилизации в свою очередь вызывает перемены, которые с ростом ее могущества оказываются все стремительней и обширней. Так, самовозбуждаясь, она наращивает свой бег и все туже закручивает спираль своего развития.

Археологические изыскания показали, что и на этой планете до поры до времени все шло, как обычно. Долго, очень долго тянулся период, предшествовавший появлению орудий труда. Этап каменных орудий, охоты и собирания плодов был уже короче. Но с появлением земледелия что-то застопорилось. Новая эпоха оказалась самой длительной! Везде, в самых плодородных долинах, при самых благоприятных условиях почву обрабатывали, как и сотни тысяч лет назад, и нигде не было зачатков городской культуры. Они, судя по раскопкам, не раз возникали, но тут же гибли, как отсеченные побеги.

Конечно, ход прогресса менее всего прямолинеен. Скорей он напоминает течение реки, которая в своем мощном беге роет не только русло, но, повинувшись условиям рельефа, создает еще и заводи, старицы, болота. Бывает, понятно, и так, что перед внушительной преградой живой ток воды замирает, вздувается озером и долго копит силы, пока не прорвет ее с грохотом. История любой планеты знает свои заводи, заиленные рукава и болота. Но то бывали сравнительно недолгие паузы, которые неизбежно сменялись порывами бурь. Здесь же над мертвым зеркалом истории невозмутимо плыли десятки тысячелетий.

Имелось два объяснения. Или перед мальтурийцами возникла какая-то исключительная преграда, которая надолго, но все же временно заперла прогресс, или... или выдохся сам разум! Последнее допущение ставило под удар всю теорию эволюции.

В его пользу, однако, говорило многое. Попытки создания городов давно прекратились. Технология, обычаи, социальный строй — все окостенело много тысячелетий назад. Девственных, пригодных для обработки пространств было сколько угодно, но они не осваивались, и население не росло. Нетронутые леса и степи, развалины несостоявшихся городов, брошенные кое-где поля, какая-то небрежность земледельческого труда, жесткость социальной структуры, замерзший дух любознательности, даже этот пир нехстати могли быть зловещими признаками угасания.

Могли...

Спора нет, исследователь обязан искать истину, ничего кроме истины, и даже если бы она возвестила скорый конец Вселенной, то и тогда ученый обязан глянуть ей прямо в лицо. Но, как всякому человеку, ему желанней «хорошая ис-

тина», и в глубине души он всякий раз надеется, что действительность совпадет с надеждой. Кто поэтому упрекнет Ронина и Боджо в том, что они жаждали доказать верность первого, а не второго предположения? Но что остановило историю планеты, выяснить пока не удалось. Этому, скорей всего невольно, мешали сами мальтурийцы.

В поселке стало куда оживленней: пировали или готовились к пиру уже во всех хижинах. Внимание Ронина раздваивалось. Он следил и за тем, что происходило вокруг, и совершал чудеса ловкости, отправляя часть пищи не в рот, а в густую траву, где уже алчно копошилась какая-то живность. Еще он невольно прислушивался к ощущениям в желудке, куда, казалось, лег тяжеленный кирпич.

Наконец, еда поубавилась настолько, что, не нарушая правил деликатности, можно было начать разговор. Выждав еще немного, Ронин равнодушно осведомился, почему оставлены полевые работы.

Шипастые головы старейшин благосклонно полиловели. Последовавший ответ можно было понять так, что праздники редкость, но уж если праздник, то он праздник. Его, однако, можно было истолковать совсем иначе: зачем работать, когда еды много?

Ронин не спешил с уточнениями. Многозначительность разговора была здесь нормой даже в общении друг с другом. Простейшее утверждение «Утром взойдет солнце» звучало, например, так: «Свет одолеет ночь, как ему будет позволено». Выражение «...как ему будет позволено» означало, что день может оказаться солнечным, а может быть и пасмурным. Шифр усложнялся, едва речь касалась чего-то более важного, усложнялся настолько, что как вопрос, так и ответ включали в себя и утверждение, и сомнение, и отрицание. Иногда Ронин чувствовал, что вот-вот свихнется, ибо смысл произнесенного зависел от пропорции всех этих частей, и еще от того, к чему более склонялось сомнение — к утверждению или к отрицанию.

Но и это было не все, так как в разговоре часто возникала «фигура умолчания», — предмет или событие, о котором вообще нельзя было упоминать иначе, как паузой, в лучшем случае — иносказанием.

Такой способ общения выглядел дичью, непонятностью, идиотизмом, но, к сожалению, он имел смысл. Это был способ ухода от действительности, что типично для периодов застоя и регресса. Хитроумная система умолчания и маскировки истины вряд ли была умышленной. Она оказалась такой же закономерной производной бесперспективного состояния цивилизации, как и та «мысленная невидимость», с которой на

первых шагах столкнулся Ронин. Движение вперед невозможно без откровенности и правды, застой — без сокрытия и лжи. А если самообман длится долго, то разум слепнет, как глаз, долго видящий одну лишь тьму.

Распросы мальтурийцев напоминали блуждания без фонаря по лабиринту. Конечно, их цивилизация не могла познать ход своей истории, тем более управлять ею. Но, может быть, они подозревали неладное и как раз на эти знания наложили табу, чтобы не беспокоить себя напрасными размышлениями? Или они понятия не имели о том, что происходит? Все считали свое состояние правильным и хорошим?

Сбор урожая давал шанс кое-что выяснить. Слегка волнуясь, Ронин произнес длинную, тщательно продуманную речь, смысл которой состоял в просьбе познакомить его с тем, как хранится и распределяется зерно.

Это его весьма интересовало. Могло быть множество причин, по которым развитие цивилизации затормозилось. И все догадки пока что выглядели сомнительно. Какие-нибудь хищники, борьба с которыми поглощала все силы мальтурийцев? Биологи их пока не нашли, да и, кроме того, в любой смертельной и длительной схватке с самым свирепым хищником перевес оказался бы на стороне разума, ибо изобретение одного только лука уже давало победу

над всеми челюстями и лапами. Истребительные и частые эпидемии? Их сколько угодно было и в земной истории. Тогда, может быть, какая-нибудь повальная и хроническая болезнь, которая, не умерщвляя, держала мальтурийцев в постоянной апатии? Ни на Земле, ни на других обитаемых планетах не было, однако, известно ни одного вида, который длительно и повсеместно находился бы в таком состоянии; если такие виды и появлялись, эволюция их выметала тут же. Правда, разум, сопротивляясь, мог длить агонию... Еще можно было предположить такую болезнь земледельческих культур, которая зажала цивилизацию в безысходные тиски голода. И этот вариант требовал проверки, хотя биологи относились к нему весьма скептически, так как не могли представить вредителя, который бы губил сразу все источники жизни. Поэтому Ронин и в особенности Боджо склонялись к мысли, что причину следует искать внутри, а не вне цивилизации. Ни одна эпидемия или другая природная напасть не погружала ту или иную местную цивилизацию Земли в такой застой или регресс, как войны или засилье религиозных догм.

Но глубоко разобрататься в духовном и социальном мире мальтурийских общин пока не удавалось, ибо всякий расспрос тонул в хитросплетении умолчаний и слов.

Загадкой оставалось даже то, где мальтурийцы держат основные запасы продуктов. Хранилища имелись, но они давно пустовали, а просвечивать хижины запрещала простая человеческая этика: исследователь вправе наблюдать лишь то, что открыто происходит на глазах самих местных жителей, и не больше.

Вопрос Ронина был встречен долгим молчанием. Ничего необычного в этом не было, — старейшины не любили торопиться с ответом, но сейчас их молчание показалось Ронину ледяным. Насколько он сумел понять по прежним беседам, затронутая тема обременялась множеством табу, так что отказ был наиболее вероятен. Впрочем, кто их знает! Пока они молчат и не двигаются, понять их настроение невозможно, поскольку глаза фасеточного типа — а именно такие были у мальтурийцев — для человека лишены всякого выражения, как и для них человеческие, наверно.

Ноги затекли, и Ронин воспользовался паузой, чтобы устроиться поудобней. Движение спугнуло парочку «майти-маусов», которые славно попиروвали тем, что Ронин сбросил в траву, — в зубах одного еще был зажат комок каши.

«Надо не забыть, поймать их для биологов», — вспомнил Ронин. И тут же эта мысль вылетела у него из головы, потому что в позах старейшин произошла какая-то внезапная и, может быть, зловещая перемена. Не сделав ни одного явного движения, они вроде как подались к нему.

С угрозой? Удивлением? Ронин, не дыша, замер. Перед ним неподвижным полукольцом застыли старейшины, и взгляд их мозаичных глаз был устремлен на Ронина. Так прошла минута, другая... «Хоть бы у них, как у Дики, кончик хвоста подергивался! — вскричал про себя Ронин. — Что я такого сделал?!»

— Если «после» предшествует «до», поступок есть и его нет, — мигнув шершавыми веками, наконец, произнес крайний слева старейшина.

— Далекое «после» может предшествовать близкому «до» или наоборот, — отозвался старейшина в центре.

«Они заспорили, — быстро сообразил Ронин. — Но о чем, о чем?»

— Важна жертва... — старейшина слева сделал глубокую паузу. — ...Когда время пришло, а когда оно не пришло, жертва принесена и не принесена.

«Так! Выходит, меня угораздило возблагодарить какого-то бога, но, кажется, не того, не так или не вовремя... Какого бога?! Тем, что я подвинулся?! Рано я стал углублять контакт, рано...»

— Дух поступка важнее поступка, когда не наоборот, — последовало возражение. — Опреде-

ляет благость намерения, которого здесь больше или меньше, наполовину или с лихвой, иная мера бесполезна.

«Ага! Значит, мой поступок по сути своей неплох...»

— Если хромает одна нога и нет хвоста, то часть — не целое, далекое удаляется, даже когда оно близкое.

— Шаг меняет дорогу, и дорога меняет шаг, знакомая меньше, чем незнакомая, далекая скорей, чем близкая, заслуга больше в этом, чем в том, иначе тоже, но не совсем.

«Вот это диалектика! — невольно восхитился Ронин. — Почему же тогда мысль у них так плохо вяжется с делом?»

— Слышал и понял, совсем и отчасти то, что меряется, зависит от того, чем меряется, справедливо не всегда, но чаще.

«Ого! Неужели мой критик соглашается с моим заступником? Не спор, а дремучий лес... Умно-то умно, а для дела такое растекание мысли — как бег с оглядкой. Не в этом ли причина застоя? Уж скорей бы они вынесли приговор...»

Но дискуссия продолжалась, и чем больше Ронин вникал, тем меньше улавливал смысл. Вскоре он почувствовал, что тупеет. Плохо, когда в незнакомой местности нет дороги, но не легче, когда тропинок тысячи и все ведут неизвестно куда. Ронин понял, что пора отключиться, — иначе ошалеешь.

В изнеможении он глянул вверх. Там плыли облака, такие же пушистые, как и на Земле, — водяной пар везде одинаков. Почти одинаков, ибо оттенков — в изотопном составе, строении капель, количестве примесей — сотни, и если видеть только оттенки или, наоборот, не замечать их вовсе, то никакой подлинной картины мира заведомо не откроется.

Монотонная вязь спора внезапно оборвалась. Головы старейшин согласно мотнулись.

— Знай, чужеземец, если знание — твое или наше — подлинно, ты принес часть своей пищи ради...

Глубокая пауза умолчания!

— ...Пожертвовал ею не на месте и не в то время, но, пожалуй, вовремя и к месту, зато старания дальнего дороже иных...

Выходит, они заметили, что он просыпал пищу! Ну да, этот проклятый прыгун с добычей в зубах, наверное, выдал... Вот так история! Значит, он ненароком совершил ритуал, очень важный, только неправильно... Ну и ну! Его поступок простили, даже одобрили, а дальше что?

— ...Мы не хотели и, возможно, собирались показать тебе то, что, вероятно, ты хотел знать, а твое стремление приблизиться к нам решило иначе. Мы доведем тебя до источника жизни, который всегда полон и пуст, хотя сегодня ты и не сможешь убедиться в справедливости или

несправедливости наших слов, как день не верит в ночь, когда приходит утро.

«Мы не хотели показывать закрома, но ты совершил обряд, и мы их покажем»,— мгновенно перевел Ронин.

Вот и рассчитывай тут по всем правилам науки...

Куда же они его поведут? К домашним сусям или к хранилищу?

Старейшины повернули к хранилищу. Так... Выходит, урожай они собирают в общие закрома, а потом распределяют по семьям,— иначе необъяснимо, почему общественные запасы убывают так быстро.

Это подтверждал и вид хранилища. Стены были сложены давно, кое-как, и, похоже, с тех пор никто их не чинил. Хоть и временная кладовая, могли бы побеспокоиться... В деревнях, которые существовали десятки тысяч лет назад, даже по развалинам можно было судить, что тогда хранилища строили, как крепости. А здесь такая потрясающая беспечность! Явный, от поколения к поколению усиливающийся регресс...

«О чем только думают ваши умные головы!— возмутился про себя Ронин.— Пока вы распределите и надежно укроете зерно, им же полакомятся какие угодно твари! Можно поду-

мать, что пищи у вас избыток, а ведь это, насколько я понимаю, далеко не так».

Вслух он, понятно, не сказал. Сведений о голоде пока не хватало, да и ситуация была явно неподходящей.

Они уже подходили к двери, когда из глубины хранилища донесся невнятный шум. Старейшины замерли, как изваяния. Ронин и вовсе ничего не мог понять. Внутри что-то происходило. Оттуда слышались шелест, шуршание, писк. Старейшина рванул дверь. И сразу из всех щелей, как вода из дырявой бочки, хлынул поток «майти-маусов». Их было несметное множество! Они валили в дверь, бежали, взмывали в воздух, сталкивались, обезумев, пищали, падали, словно за ними по пятам гнался смертельный ужас.

И вдруг этот ужас возник в луче света.

Выражение «потемнело в глазах» Ронин всегда считал надуманным, но тут мир перед ним качнулся и помутнел.

Ибо в метре от входа стояла Дики. Ее суженные зрачки горели свирепым огнем охоты, а морда, лапы были в желтоватой крови и клоцях пуха.

— Дики!!! — не своим голосом заорал Ронин.

Хищный блеск глаз приутих. Коротко мявкнув, она нырнула в глубь хранилища и тут же

вернулась, держа в зубах мертвого «майти-мауса». Есть эту безвкусную мышь она, понятно, не собиралась, но кто устоит перед соблазнами охотничьего рая? Только не кошка, чье мнение о себе столь высоко, что, преодолев глупый человеческий запрет, она желает гулять и гуляет там, где ей вздумается, благо нигде нет этих гнусных собак... Трубно неся свой хвост, она прошествовала к Ронину и уронила добычу к его ногам.

Дотоле окаменевшие старейшины, возбужденно свистя, придвинулись. Ронин в панике подхватил кошку, готовый бежать, пока это еще возможно.

Но уже со всех сторон к нему тянулись крючковатые пальцы.

— Останься! Останься с нами! Не уноси божественное существо!

Божественное?!

А почему бы и нет? Когда-то и на Земле, у египтян, кошка была священным животным.

Пронзительная догадка осенила Ронина. Все камешки загадочной мозаики стали на место, — и то, почему никто не заботился о хранилищах, и то, почему селенье пировало в разгар жатвы, и то, почему просыпанную человеком пищу сочли искупительной жертвой, и даже то, почему старейшины внезапно отбросили всякую витиеватость, — такой язык негоден в решительную минуту.

Все равновесие жизни основано на сдерживании одного вида другим, а на этой планете не нашлось кошки, которая бы последовала за мышами, когда те освоили закрома и житницы. И это стало началом конца, потому что чем больше оказывалось пищи — любой! — тем энергичней плодились «майти-маусы». Конечно, с ними боролись упорно и долго, но крылатых, прожорливых, всепроникающих паразитов было столько, что у мальтурийцев опустились руки. Невозможны стали запасы и накопления, бессмысленно было улучшать хозяйство, цивилизацию подточил голод, и ход истории замер.

Ошеломленная криками Дики шипела и вырвалась, стремясь вскарабкаться Ронину на плечо. Надо было срочно успокоить старейшин. Надо было немедленно избавить Дики от участи божества. Надо было как можно скорей во всем разобраться...

И еще надо было спешно вывести породу мальтурийских кошек.

Строки из писем — спорные и бесспорные, с комментарием и без

«Научно-техническая фантастика уже неинтересна: надоели диалоги о гиперпространстве (в котором автор разбирается не больше читателя), подробнейшие описания новых космических суперлайнеров. Надоели серо-буро-малиновые десятирукие пришельцы с тремя глазами, с визгом кидающиеся навстречу научной делегации землян...»

Сергей КОЛМОГОРОВ (Горький)

«На первое место по числу оригинальных идей можно, по-видимому, поставить Г. Альтова, который очень заботится об их «патентной чистоте». Наиболее интересными его идеями мне представляются: новый подход к проблемам продления жизни людей — рассказ «Клиника «Сапсан»; выход из тупика, в который ведет ускорение процесса морального старения техники, — рассказ «Ослик и Аксиома»; мысли о будущем научных комплексов — рассказ «Машина открытий». Очень интересна также выдвинутая Р. Подольным в повести «Четверть гения» идея об оптимальном подборе малых научных коллективов.

Необходимо отметить, что за последнее десятилетие выходило много книг, более ярких и ценных, чем названные. Просто качество любого произведения ИФ не имеет прямой связи с оригинальностью заключенной в нем идеи.»

М. РОЗИНСКИЙ (Ленинград)

«Самой оригинальной идеей, появившейся в фантастике за последние 10 лет, я считаю идею, выдвинутую А. и Б. Стругацкими... Идея заключается в том, что на данном этапе социального развития человечества от Контакта с иными цивилизациями следует воздержаться (вернее — от инопланетной науки и техники). Получение чужих знаний, добытых и выстраданных чужим опытом, не принесет Земле ничего хорошего. Мне могут возражать, что ежедневно на Земле умирают тысячи людей от голода и болезней. Да, это так. Но если на Землю сейчас обрушить бесплатную еду, развлечения, машины, магнитофоны и т. д. (а Контакт предполагает скачок в земной технологии), то люди перестанут работать... Труд ради удовольствия, а не ради денег еще не стал необходимой потребностью для всего человечества. Да и у нас в стране нашлось бы немало тунеядцев, летунов, алкоголиков и т. д., для которых возможность не работать, а иметь все — заветная мечта.

Кроме того, получение инопланетной технической и научной информации в эпоху существования военно-промышленных комплексов может затормозить процесс разоружения...

Так что Контакт следует отложить лет на сто.»

Сергей КОЛЫГИН (Днепропетровск).

Хотя все три выдержки, взятые из ответов на шестой вопрос нашей «викторины-76», представляются нам далеко не бесспорными, мы, тем не менее, решили на этот раз обойтись без комментария.

Если вы, читатель, в чем-то согласны или не согласны с С. Колмогоровым, М. Розинским или С. Колыгиным — напишите нам. Постарайтесь при этом продумать и аргументировать собственное мнение.

СНОВА СЛОВО— ЗНАТОКАМ...

- Фрези Грант
на Гаяне
- Неуловимая
Курочка Ряба
- Бластер системы
Уиндэма-Кларка
- Фантасты
и Новый год
- Итоги
«Викторины-76»

«Эта викторина, по-моему, была сложнее предшествующей»,— отзывался о вопросах, помещенных в апрельском номере журнала, один из постоянных наших читателей. Напротив, «викториной упрощенного типа»— в отличие от предыдущей— назвал ее другой давний наш корреспондент, так пояснив свою мысль: «первая оставляла какую-то возможность для теоретических разработок именно в НФ, а во второй 8-й вопрос, например, чисто технический...» Вот такие взаимоисключающие отзывы получила редакция.

Впрочем, к разговору о викторине в целом мы еще вернемся. Сейчас же, как говорится, перейдем к делу.

1. Попробуйте вспомнить самое длинное название фантастического произведения, состоящее из одного слова.

Пожалуй, наиболее детально проработал этот вопрос десятиклассник из Красноярска Андрей Коновалов. «Длинным названием,— пишет он,— я считал уже слово, содержащее более 10 букв. В связи с этим все найденные мной названия я разделил по группам...»

Мы опускаем эти группы,— слишком они обширны. Только для первой из них А. Коновалов нашел 19 названий!

Приведем лишь название из 17 букв,— его и считают самым длинным А. Коновалов, 22 других наших читателей, а вслед за ними— и сама редакция. Это — «Светопреставление» А. Беляева.

2. $N_2O + x \cdot 2$; $451^\circ F$; 3-; I37".
Названия каких произведений здесь

зашифрованы! Если сумеете, зашифруйте подобным же образом названия других фантастических книг.

«Эн-два-о плюс икс дважды» Л. Успенского, « 451° по Фаренгейту» Р. Брэдли, «Три с минусом» Б. Зубкова и Е. Муслина, «137 секунд» С. Лема,— для большинства участников викторины разгадать эти шифровки не составило никакого труда. Лишь двое, к примеру, не «узнали» роман Рэя Брэдли... Правда, неожиданным камнем преткновения для доброй половины наших корреспондентов оказалась третья из шифровок— но, скорее всего, только потому, что, к сожалению, плохо пропечаталась в части тиража. Один из читателей даже заново включил ее в список собственных шифровок...

Ответы на вторую половину вопроса крайне обильны и разнообразны.

Прежде всего, это немногочисленная группа названий, ни в какой дополнительной шифровке не нуждающихся. Таковы: «X=» И. Россоховатского, «№ 13» Д. Веста, «1,98» А. Порджеса, «ГЧ» Ю. Долгушина, «ПМ-150» С. Гансовского, «1935 н. э.» Д. Слейдека...

Легко шифруются «температурно-временные» и просто числовые названия: «Сто градусов» В. Немцова, «Тридцать семь градусов по Цельсию» Л. Альдани, «Девять минут» Г. Альтова, «33 марта» В. Мелентьева, «31 июня» Д. Пристли, «Один» А. Колпакова, «Минус один» Д. Балларда и т. д.

Сложнее (поскольку порою требует специальных знаний) «перевод» названий, заключающих в себе какую-либо формулу или не всегда общепотребительный символ: «Знак

равенства» А. Мирера, «Нулевой потенциал» У. Тенна, «Нейтринный импульс» и «Формула притяжения» А. Колпакова, «Петля гистерезиса» И. Варшавского, «Иприт» В. Иванова и В. Шкловского, «Люизит» И. Бехера... С. Колыгин (Днепропетровск) зашифровал, с отсылкой на третью издание БСЭ, «Уравнения Максвелла» А. Днепрова и «Принцип неопределенности» Д. Биленкина. А упоминавшийся уже А. Коновалов предложил зашифровать и «Уравнение с Бледного Нептуна» М. Емцева и Е. Парнова: шифр для этого, пишет он, можно «взять прямо из текста». (Любопытно бы проверить — найдется ли хоть один любитель НФ, способный справиться с этой последней шифровкой?)

Целую группу названий наши читатели «засекретили» при помощи астрономических обозначений: «Юпитер-5» А. Кларка, «Марс-1» А. Морозова, «Десять килограммов Луны» Д. Родари, «Гелиос-1» О. Вдовиной, «Сода-солнце» М. Анчарова (формула соды плюс кружок с точкой в центре, символизирующий наше светило...), «Звезда» М. Грешнова, «Альфа Эридана» А. Колпакова, «Альтаир» В. Немцова (названная звезда — это «альфа» в созвездии Орла, т. е. α Aql, — видите, как просто?), «Туманность Андромеды» И. Ефремова («М 31» по каталогу Шарля Мессье)...

И, наконец, совсем таинственно, подчас приближаясь к ребусам, выглядят зашифрованные В. Зайцевым (Ленинград) «Черный квадрат» Ф. Белкова, «Тупой угол» Ж. Браун, «Перекресток» Ф. Суркиса (и П. Багряка), «Тупик» В. Савченко, а также «80 000 километров под водой» Ж. Верна (предложение братьев Полтавских из Хабаровска) и «Туда и обратно» Я. Зайделя (предложила Н. Кардаш из Красноярска). Настолько таинственно (и одновременно — столь просто!), что невозможно удержаться от соблазна воспроизвести эти шифровки:

3. «Он был веселый, грустный и лохматый...» В каком произведении, кому и за что установлен памятник,

увенчанный этой эпитафией? Какие другие оригинальные памятники встречались вам в фантастических книгах?

Хотя и встречаются изредка в письмах предположительные суждения (вроде вот такого: «мне думается, что эти строки посвящены Н. Копернику...!»), две трети наших читателей ответили правильно на этот вопрос. Памятник «Живому» (обыкновенному земному псу, подобранному с автоматической ракеты) установили у себя марсиане в повести Н. Разговорова «Четыре четверки». За что? Как пишет Марат Исангазин (Омск), — «за то, что он был «живой», прибывший из космоса; за то, что он был «веселый и добрый»; за то, что с его помощью марсиане поняли: нельзя без лирики...»

Отвечая на вторую половину вопроса, наши читатели совместными усилиями составили обширнейший перечень обелисков и монументов, сооруженных писателями-фантастами.

Вот описание одного из них:

«Метрах в пятидесяти от дома синеватая вода озера незаметно перешла в крутую пластмассовую волну с белой застывшей пеной на верхушке, окутанной туманом живых брызг. Едва касаясь волны маленькой ножкой в золотой тучельке, застыло серебристо-прозрачное изваяние очаровательной девушки. Она откинула руки назад в беге, устремив взгляд к небу. Кружевное платье оттенка слоновой кости развевается на ветру...»

— Фрези Грант?! — воскликнул я...»

Думаем, многие — как и мы — тоже не удержатся от восклицания, узнав о существовании этой замечательной скульптуры. Ведь памятник «бегущей по волнам» воздвигнут, как установил девятиклассник Михаил Миркес (Новосибирск), на далекой планете Гаяна, — в романе П. Амадуни «Парадокс Глебова»...

А рассказ А. Скайлиса «Путч памятников»? «Там этих памятников больше пятисот, — не без юмора резюмирует А. Безлатный (Челябинск), — такого количества, я думаю, должно хватить самому взыскательному юрору...»

Памятник роботам-андроидам, перед тем полностью уничтоженным землянами («житья от них не стало, всюду эти холодноносые...»), в «Плеске звездных морей» Е. Войсунского и И. Лукодьянова; памятники Корове («Люди как боги» С. Снегова) и труженице-пчеле («Веточки путешествуют в будущее» А. Светова); город-музей (в него превращена наша столица в рассказе В. Щербакова «Старая Москва»); «город городов», где лучшие архитектурные памятники Земли собраны вместе на... чужой планете («Город Городов» Ч. Хрущевского); наконец, планета-музей («Еще один мертвый город» М. Грешнова)...

Поистине неистощима выдумка писателей-фантастов!

«Все памятники, которые я вспомнил, почему-то посвящены космонавтам...» — вроде бы удивляется студент из Казани Л. Абдулин. А удивительного в этом ничего нет: ведь перед земным человечеством еще не вставало проблемы глобальнее, чем освоение Космоса! Потому-то большинство памятников, перечисленных в ответах, и связано с Космосом.

Это и обелиски в честь погибших героев. И вставшие на вечный прикол космические корабли. И отслужившие свое планетоходы. Вернувшийся из дальних странствий космонавт может встретить самого себя — в виде изваяния («Навстречу звездам» В. Савченко, «Сильнее времени» А. Казанцева), может возлагать цветы на могильную плиту, под которой покоится его первое тело («Путешествие длиною в век» В. Тендрякова)...

Это и скульптурные изображения инопланетян.

«Из всех памятников, щедро разбросанных по страницам фантастических произведений, — пишет девятиклассник Михаил Ищенко (Свердловск), — на меня наибольшее впечатление произвела лестница со статуями разумных существ в романе «Пришельцы ниоткуда» Франсиса Карсака...» Восемьсот шестьдесят одна цивилизация (называем эту цифру специально для А. Безлатного!) представлена на этой «лестнице Человечеств»...

Многометровую статую из нер-

жавенущей стали, изображающую массивное, неповоротливое существо с очень большой головой, большими глазами и крючковатым носом, нашли наши читатели в «Марсианских рассказах» В. Цыганова: марсианин стоял, расставив короткие ноги, и смотрел на раскинувшийся внизу город. «Это самый необычный памятник, он одновременно является последним марсианином», — замечает Марат Исангазин.

Однако, имея дело с фантастикой, остерегайтесь говорить о чем-либо: «самое необычное»!

Ведь нечто подобное произошло и в рассказе И. Росоховатского «Встреча во времени»: герой его поначалу принимает за скульптуры двух гигантов-пришельцев, «попросту» живущих в ином — очень замедленном — темпе времени.

А огромный эллипсоид силиборжского корабля, замурованный внутри прозрачного конуса из силогласа («Памятник силиборжцам» Б. Зубкова и Е. Муслина)? Земляне приходят в ужас, обнаружив, что вместе с кораблем замурованы и сами силиборжцы, — и спешно бросаются на выручку незадачливым инопланетянам...

Но, разумеется, трудно не согласиться с братьями Полтавскими из Хабаровска: «самым оригинальным памятником можно считать «Луноход-1», застывший на лунной поверхности», — совершенно реальный земной памятник Труду, Разуму и Мечте на иной планете!

4. В каком фантастическом произведении использованы элементы сюжета известной русской сказки про Курочку Рябу? Кто его автор?

Пожалуй, вот этот-то вопрос и оказался подлинным камнем преткновения для самых заядлых эрудитов: лишь 17 участников викторины верно ответили на этот вопрос! Еще двое забыли название и автора, но явно помнят содержание рассказа. А упоминавшийся уже А. Безлатный ответил так: «Вот тут я сдаюсь. Отыскал кучу всевозможных сказок (около тридцати), а вот с Курочкой Рябой — ни одной. Знаю, правда, рассказ, в котором золотые яйца несла гусыня, но это, видимо, все-

таки не то». Но почему же — «не то»? Автор вопроса (а вслед за ним и редакция) имели в виду именно «это» — рассказ Айзека Азимова «Паштет из гусиной печенки»!

По-видимому, наших корреспондентов ввела в заблуждение не совсем четкая формулировка вопроса: «А вообще понятие «элементы сюжета сказки» несколько расплывчато, поэтому под него можно подвести еще несколько произведений», — как написал нам В. Ежов (Ленинград). Что ж, на будущее мы это учтем. А сейчас...

Сейчас эта «расплывчатость» помогла нам собрать целую подборку достаточно редких произведений, содержащих «элементы сюжета» указанной сказки.

5. Кем придуман фазоциклёр? В чем заключается его основная функция? Укажите первоисточники любых других трех-пяти неологизмов из современных фантастических произведений.

Участники викторины серьезно потрудились и над этим вопросом. Настолько серьезно, что предполагавшийся полшутливый ответ на него (Прибор, устанавливаемый на космических кораблях исключительно для того, чтобы барахлить: «Зашалил недублированный фазоциклёр... Последние рейсы я только им и занимаюсь...») даже показался нам теперь не вполне уместным. Несомненным, что ли...

Серьезный же ответ таков: «Фазоциклёр был деталью комбайна контроля отражателя и служил для измерения плотности потока радиации в рабочем объеме отражателя». Местонахождение его (он установлен на знаменитом «Тахмасибе» в повести А. и Б. Стругацких «Стужеры») правильно определил каждый третий из откликнувшихся на викторину.

Но чтобы все-таки не совсем лишиться освежающего чувства юмора, приведем два вольных суждения, встретившихся нам в ответах. «Фазоциклёр придуман Станиславом Лемом, — пишет один наш читатель. — Основная функция — размножение вещей». А другой неуверенно заме-

чает: «Возможно, с его помощью можно управлять погодой...»

Что до второй половины вопроса — читатели перечислили нам, без преувеличения, сотни неологизмов, придуманных писателями-фантастами. Мы не будем перечислять здесь всю эту словесную массу, отметим лишь, что чаще других в ответах фигурировали «деритринитация», «киберы» и загадочные «ультротроны» братьев Стругацких, ефремовские «силиколл» и «изогравы», «трион» С. Лема, «сигомы» И. Росоховатского, «реалет» из рассказов Д. Биленикина и невеста чей (назвать автора не можем и мы), но чрезвычайно распространенный в англо-американской фантастике «бластер». Распространенный настолько, что, как подсказывает нам М. Розинский (Ленинград), Кингсли Эмис в рассказе «Хемингуэй в космосе» даже вооружил своих героев бластерами... «системы Уиндэма-Кларка»!..

6. Какую идею, появившуюся в фантастике последнего десятилетия, вы считаете самой оригинальной?

В ответе на этот самый расплывчатый вопрос викторины мы будем кратки и, как сам вопрос, неконкретны.

Читатели «Калейдоскопа», вероятно, обращали внимание на заметки и прямые цитаты из книг, рассказы-вающие об оригинальных гипотезах и проектах писателей-фантастов. Этих гипотез и проектов в фантастике накопилось необычайно много. Вот мы и решили с помощью читателей пополнить свое «патентное бюро»...

В портфеле «Калейдоскопа» теперь — десятки достаточно конкретных и интересных фантастических идей.

7. Постарайтесь найти в фантастике колоритные описания встречи Нового года людьми будущего.

В одном из писем нас огорчило неожиданно сердитое: «На этот вопрос, пожалуй, сможет ответить только сам задающий его!» Неужели дела обстоят столь скверно?

Если и не так, то — почти так. Читатели перечислили нам «Тост» А. Куприна, «По ту сторону неба»

А. Кларка, «Первое пробуждение» Я. Тота и два десятка других произведений, связанных с новогодней темой. Однако перечислять вот эти два десятка мы не будем. Именно к ним относится грустная реплика девятиклассника-свердловчанина Михаила Ищенко: «Увы, все описания встречи Нового года людьми будущего, какие я только читал, мало чем отличаются от встречи Нового года людьми нашего времени...»

Пожалуй, лишь в одной повести — события в ней к тому же отнюдь не отнесены в будущее — читатели нашли действительно колоритную встречу Нового года. Как пишет А. Безлатный, она происходит «в Научно-исследовательском институте Чародейства и Волшебства, в одной компании с джиннами, домовыми, привидениями и прочими приятными соседями, а герои не затрудняются между делом создать из ничего бутылочку шампанского или, скажем, стакан (даже в фантастике имеют хождение спиртные напитки, этот реликт, тягчайшая ошибка рода человеческого)...» Встреча эта искрится весельем — может быть, потому, что сюда, в НИИЧАВО, «в двенадцать часов новогодней ночи, прорвавшись через пургу, пришли люди, которым было интереснее доводить до конца или начинать сызнова какое-нибудь полезное дело, чем глушить себя водкою, бессмысленно дрыгать ногами, играть в фанты и заниматься флиртом разных степеней легкости...» Это пишут уже А. и Б. Стругацкие, авторы повести «Понедельник начинается в субботу», которую уж теперь вы, конечно, вспомнили.

8. «Она подошла к столику, на котором стояла небольшая по размеру, но очень мощная радиостанция...» В эпизоде из повести П. Стыпова «Гости с Миона» космонавты, находящиеся на Марсе, разговаривают со звездолетом. Какую весьма существенную поправку нужно внести в этот разговор!

Автор повести забыл, что радиоволны распространяются со скоростью 300 000 километров в секунду. Чтобы преодолеть расстояние в сто миллиардов километров, назван-

ное в отрывке, радиоволнам понадобится 92 часа. И столько же времени на обратный путь от звездолета к Марсу. Значит, разговор в повести Стыпова должен выглядеть так:

— Говорит Марс! Марс вызывает «Вестника»!

(Молчание 184 часа).

— «Вестник» слушает! Анна, это вы?

— Да, Таомей, привет...

(Молчание 184 часа. Даже больше, если учесть, что «Вестник» продолжает удаляться).

— Привет, Анна...»

(И так далее. Не пройдет и полгода, как разговор закончится).

Выловить ошибку в приведенном тексте оказалось несложным делом: о необходимости пауз в разговоре (против которых бессильна даже «очень-очень мощная радиостанция») не догадались лишь 8 наших корреспондентов. Правда, величина пауз определялась по-разному: и в 11 минут, и в 9,2 часа, и в месяц, и даже в год! Но зато вопрос дал выход здоровому чувству юмора, каковым, несомненно, обладают наши читатели...

Кстати, читатели не прошли и мимо того обстоятельства, что жгучая проблема, столь неожиданно вставшая перед героями Стыпова, для фантастики в целом — отнюдь не нова. «То, как выглядит разговор с нескольких световых минут, хорошо описано в повести Г. Альтова и В. Журавлевой «Баллада о звездах», — пишет, например, М. Розинский. — Как наладить «оживленный» обмен информацией при удалении говорящих на несколько световых часов, подсказывает героиня юморески «Мой сын — физик» А. Азимова...»

И еще одно любопытное замечание, вызванное отрывком из повести Стыпова.

«Я не читала «Гостей с Миона», но мне кажется, что лететь, может быть, несколько световых лет или даже несколько десятков световых лет, покрутиться в Солнечной системе и улететь, не побывав на Земле, точно зная, что там есть жизнь, — просто глупо. Что, у них любопытства нет, что ли? Или они не захотели время терять? Да с такими нелюбо-

пытными существами дела иметь не хочется!»

При всей, возможно, излишней категоричности (ведь кое-кто из «гостей с Миона» на Земле все-таки побывал) в письме Нины Булатовой (п. Гайны Пермской обл.) мы усмотрели неявный, но, тем не менее, очень существенный упрек в адрес писателей-фантастов. Не слишком ли торопливо, легко и бездумно покидают герои иных книг найденные ими миры, заселенные, как-никак, братьями по Разуму? Во имя чего же тогда они бороздят безбрежный Космос, затрачивая на это, помимо всего, и собственные жизни? Вот что, нам кажется, стоит за письмом нашей юной читательницы.

В заключение — еще несколько слов.

Наши викторины предлагают читателям подчас, может быть, трудоемкую, но, надеемся, не лишнюю удовольствия работу. Порыться в читанных-перечитанных книгах, приложить определенные усилия в попытках вспомнить забытое, постараться хотя бы в узком спектре наших вопросов систематизировать до того бессистемное знание фантастики... Эта работа читателей представляет определенный интерес и для редакции. Ответы на викторины, как и вообще письма всех, кто любит НФ, безусловно, помогут (и уже — помогают!) сделать наши странички, посвященные фантастике, интереснее и разнообразнее.

И пусть не каждого нашего корреспондента ожидает приз, — обижаться на это едва ли стоит. Ведь в викторине «главное — участие, а не победа».

Подождив этой выдержкой из письма А. Спиридонова (Уфа) наш разговор, не удержимся — подчеркнем, что «олимпийская» истина эта должна бы вдвойне и втройне ощущаться (да, собственно, она — и ощущается!) во всем, что касается фантастики, литературы, говоря о которой, так размышлял один из известнейших современных фантастов Айзек Азимов:

«Не знаю, почему так получилось, но все, с кем я познакомился благодаря своей работе в области фантастики, были удивительно милы-

ми, дружелюбными людьми... Видимо, любить научную фантастику — это значит так или иначе заботиться о будущем человечества; в какой-то степени это значит даже любить всех людей и желать им счастья в те далекие времена, когда сами мы уже давно завершим свой путь...

Виталий БУГРОВ,
редактор раздела
«Мой друг — фантастика»

ИТОГИ

«ВИКТОРИНЫ-76»

Наиболее точные и полные ответы прислали: С. Колыгин (Днепропетровск), М. Исангазин (Омск), В. Кропанин (Нижний Тагил), В. Козубов (Белье Воды Чимкентской обл.), Е. Купин (Нижний Тагил), В. Давыдов (Орел), В. Коблов (Свердловск), А. Безлатний (Челябинск), А. Засеев (Солнцево Московской обл.), М. Розинский (Ленинград), В. Вельчинский и Л. Филатов (Москва), В. Кручинкин (Горький), А. Пилипенко (Радомышль Житомирской обл.), В. Ежов (Ленинград), Ю. Филатов (Нижевартовск Тюменской обл.), а среди школьников — десятиклассник Андрей Коновалов (Красноярск), девятиклассники Михаил Миркес (Новосибирск) и Михаил Ищенко (Свердловск), шестиклассник Андрей Киршин (Курган).

Победителям викторины высланы книги с автографами писателей-фантастов: «Дож скигальцев» А. Мирера, «Страна Сежи Трав» Л. Платова, «Звездные берега» С. Слепыгина, коллективные ленинградские сборники «Незримый мост» и «Кольцо обрванного времени».

СОСНЫ В СТЕПИ

На окраине села Назаровки Первомайского района Оренбургской области вытянулись в ряд стройные, высокие вековые сосны. Сосновая аллея протянулась у подножия холма Пьяная гора, и каждый, кому случилось бывать в Назаровке, непременно интересовался, откуда взялись эти красавицы здесь, в открытой степи, сколько им лет?

История назаровских сосен интересна. После жестокого подавления восстания, руководимого Е. И. Пугачевым, императрица Екатерина II стала направлять в пределы уральского казачества на поселение офицерско-дворянскую знать. Царица щедро раздавала им земли.

В верховьях Сырта появился хутор Мансуров — имение генерал-майора Мансурова, который служил в Уфе и был большим другом семьи писателя Аксакова. Несколько ниже, на берегу степной речки Башкирки, возник хутор, принадлежавший наказному атаману Уральского казачьего войска генерал-майору П. М. Назарову.

На берегу Башкирки, на бывшей усадьбе Назаровых, и растут 34 горделивых сосны, которым более ста лет...

В 1943 году две сосны были спилены браконьерами. Вот тогда-то и удалось прочитать по годичным кольцам возраст деревьев.

Было точно установлено, что сосновая аллея посажена Лукой Дроздовым и Захаром Лилековыми.

Старая уральская казачка А. З. Доронина рассказала, что сосны эти молодыми были вывезены из Бузукунского бора. Земля под них также была привезена издалека. За соснами и за землей осенью 1856 или 1857 года ходил обоз из 70 пар быков, запряженных в фургоны. Во главе обоза был садовник Лука Дроздов и отец Дорониной — конюх Захар Лилеков.

А. З. Доронина помнит рассказы своей матери — горничной Назаровых, о том, как летом 1862 года к Назаровым приезжал граф — писатель Лев Николаевич Толстой.

Л. Н. Толстой осмотрел сосновую аллею, хвалил Назаровых за это «новшество в степи» и советовал обсадить соснами берега дивной Башкирки.

Но совет Л. Н. Толстого, как и намерения Назарова, не были осуществлены. Садовника уже не было — он умер от укуса змеи, подброшенной ему в постель. А вскоре умер и сам Назаров. Его жена, родовитая оренбургская казачка Л. П. Канбулина, была моложе мужа на 52 года и, как пошла тогда молва: «предала его смерти».

Хутор достался по наследству одному из сыновей генерала — есаулу Назарову, который женился на молодой и хорошенькой мачехе. Богатое имение они продали и уехали в Оренбург, а затем в Гурьев.

В наши дни в Назаровке — пятое отделение совхоза имени А. Д. Фурманова. На флигеле Назаровых укреплен мемориальная доска, свидетельствующая о пребывании здесь Л. Н. Толстого.

Аллея назаровских сосен ценна как памятник природы. Ныне Первомайский лесхоз выращивает сосны в степи по методу старшего научного сотрудника лесной опытной станции А. А. Хирова. Получены неплохие результаты. Сосны выращиваются на площади 20 гектаров, а в годы десятой пятилетки под соснами в районе будет занято 250 гектаров. Интересно будет испытать семена назаровских сосен. Вполне возможно, что от них вырастут засухоустойчивые экземпляры.

Михаил ФИЛИППОВ

● Поиск
особого
назначения

● «Родным
по лермон-
товской
привязан-
ности...»

● Кино,
кино,
кино!

● Вышла
«Книга
розыска»

● Есть музей
в Теряево

● Сочинение
на заданную
тему

Осенью 1919 года в скалистую северную бухту прибыл лесовоз «Новая Земля»... Вместо груза в трюмах были люди. Измученные, истерзанные пытками, выходили на берег политзаключенные — интервенты переправляли их из Архангельска и с острова Мудьюга в более глухое место. Заключенные сами строили себе тюремные бараки, выгружали бревна и тянули колючую проволоку, рыли себе могилу — земляной карцер у скалы. 1200 человек томилась в иокангской тюрьме, пока не была установлена в Архангельске советская власть. Немногие из них остались живы...

Судьбой узников, их мужеством и стойкостью заинтересовался отряд красных следопытов школы № 1 поселка Гремеха. Десять лет велся поиск, который ребята назвали «Поиском особого назначения». Ребята установили имена и судьбы заключенных, воссоздали историю кровавого застенка интервентов.

Более трехсот заседаний провел клуб любителей книги, родившийся 12 лет назад в 3-й харьковской школе. Многие из выпускников до сих пор помнят литературные турниры, многие и сейчас поддерживают связь с созданным в школе музеем М. Ю. Лермонтова. Не прекращается и пере-

писка с писателями-лермонтоведами. В школе хранятся фотографии и письма Павла Антокольского, Константина Симонова, Константина Паустовского — всех, кому дорого творчество поэта. А Ираклий Андронников так написал на одном из подаренных им экспонатов: «Родным по лермонтовской привязанности».

4000 редких изданий, рукописей, картин — такое огромное богатство собрали юные литературоведы в своем школьном музее.

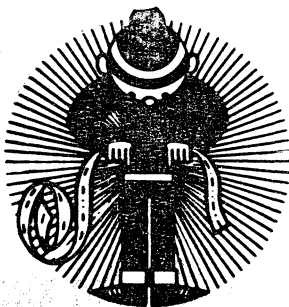
Бальное платье Наташи Ростовой... Конечно, оно не из подлинного гардероба XIX века, и все же это платье Наташи Ростовой. В нем играла актриса Людмила Савельева. Пошитое в костюмерных «Мосфильма», оно стало экспонатом музея киноискусства калининской средней школы № 26. Руководит музеем заведующий кафедрой педагогики и психологии Калининского государственного университета Олег Александрович Баранов. Этот любопытный музей хранит многие режиссерские сценарии, макеты декораций, эскизы художников и костюмеров — все это подарено школе киностудиями страны. У ребят давние связи с «Мосфильмом» и «Ленфильмом», со студией им. Довженко,

Центральной студией детских и юношеских фильмов, Всесоюзным институтом кинематографии. Поиск не ограничивается только экранными интересами: литература, история, живопись, музыка — все, без чего не может существовать кинематограф, — занимает и интересует следопытов школы.

В этой книге — тысячи фамилий. Каждый из названных в ней людей не вернулся с фронта в Великую Отечественную — погиб или пропал без вести. Есть полные данные о солдатах и офицерах: откуда родом, сколько лет, где воевал. Есть просто надписи с солдатских котелков и портсигаров: «Семенов Михаил Петрович, 1926 год», «Кроткий В. М., Волховский фронт...» Есть целые списки похороненных в братских могилах.

«Книга розыска» составлена по письмам читателей в «Правду». В ней содержатся данные о многих погибших и пропавших без вести, чье место захоронения еще надо установить. Первый раздел — сведения, присланные родными и друзьями, которые хотят узнать о судьбе своих близких, не вернувшихся с войны. Второй раздел составлен из сообщений общественных организаций, следопытских отрядов.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

«Книга розыска» будет храниться в каждом районном военкомате Советского Союза. Многим следопытам она поможет найти след героев войны, даст новые адреса для поиска.

ДОКУМЕНТЫ

В подмосковном селе Тереяво стоит Иосифо-Волоколамский монастырь — величественный памятник архитектуры конца XVII века. Почитатели русского зодчества не ходят сюда толпами: годы и война сильно разрушили монастырь, а на восстановление нужны средства и время.

И все-таки экскурсантам есть что посмотреть. В пристройке к трапезной старого монастыря существует музей, созданный руками сельских школьников и их директора А. И. Соколова. В этом интересном музее хранятся предметы крестьянского быта, орудия труда и старинное оружие; есть раздел, рассказывающий о природе Подмосковья; по макетам и фотографиям можно познакомиться с историей и архитектурой великолепного памятника.

ДОКУМЕНТЫ

«Учитель физкультуры привел меня в музей партизанской славы и сказал: — Читай!

«...А лодку мою и весла берегите. Мне ими еще грести и грести...» — начал читать я. Это было последнее письмо с войны многократного чемпиона страны по гребле Александра Долгушина.

С тех пор я ни разу не пропускал уроков физкультуры».

«Я была в классе новенькая. Ребята сразу рассказали мне о музее и показали его. Дрожь брала, когда вчитывалась в партизанские сводки: каждый шаг — это эшелон, сброшенный под откос, освобожденное село, убитые фашисты, каждый шаг — это мужество...

Мы очень радовались все, когда узнали, что наш Александр Долгушин навечно зачислен в олимпийскую сборную!»

«...Однажды я отказался помочь маме. Вечером отец спросил: правда ли, что я в отряде Долгушина? Я даже удивился... Уж он-то давно об этом знает?! «Извини, — сказал тогда отец. — Я не знал, что в отряд Долгушина принимают кого попало».

Я ничего не мог сказать. Мне было очень стыдно».

Это — сочинения ребят из пионерского отряда Александра Долгушина 291-й московской школы. Талантливый спортсмен и отважный партизан, Александр Долгушин погиб смертью храбрых. Но и жизнью своей, и смертью воспитывает сегодня школьников этот человек, смотревший на мир честно и прямо, умевший быть бодрим и хладнокровным, мужественным и в соревнованиях, и в бою. Равняться на Долгушина — значит быть таким.

«...Я побежал в наш музей, чтобы переписать для себя автобиографию Долгушина. Когда прибежал, увидел, что автобиографию переписывают и другие наши ребята. Я спросил — зачем? И кто-то, уже не помню, ответил: «На жизни!»

● ЦК ВЛКСМ принял решение нанести на карту музеев страны музей школы № 29 города Ангарска. Называется он «Бухенвальдский набат». Ребята собирали письма, фотографии, книги, воспоминания очевидцев о подвигах узников фашистского лагеря смерти, о беспримерном восстании в Бухенвальде.

● Об истории печати в городе Рязани рассказывают экспонаты музея рязанской школы № 53. Музей создан активистами клуба следопытов «Прометей».

● Урок мужества в одиноцовой средней школе № 9 (Подмосковье) провели ветераны 4-го артиллерийского корпуса прорыва Резерва Главного Командования: бывшие командир 100-й бригады тяжелых орудий В. А. Кузнецов, заместитель командира первого дивизиона 752-го полка Т. М. Митряшкин, бывший начальник разведки 100-й бригады Н. А. Серов и другие. Более двухсот артиллеристов, бывших воинов корпуса, собрали ребята на встречу в своей школе.

● Музей боевой славы 402-го Краснознаменного гаубичного артиллерийского полка создан в средней школе № 4 города Коломны.

● «Капитан Вперед» — так называли командира 3-го дивизиона гвардии капитана Виктора Михайловича Новикова. Об этом свердловчанине и его товарищах — воинах 85-го комсомольского гвардейского минометного полка рассказывают экспонаты музея, созданного в московской школе № 36.

● Материалы по истории поселка Выбор от момента

основания крепости [1431 год] до наших дней собирали ребята из поселковой школы (Псковская область). В экспозиции представлены интересные данные о первых коммунах и колхозах, в частности — о Выборской избе-читальне, которая в конкурсе, объявленном газетой «Правда» в 1924 году, заняла первое место в стране.

● На фотографии — улыбающийся лейтенант. Фамилия его — Стесин. Из своей винтовки он сбил немецкий самолет. И. Д. Стесин погиб смертью храбрых в 1942 году. Это одна из редких военных фотографий, которые собрали в альбом 115-стрелковой дивизии учащиеся профтехучилища № 16 города Кириши. Они ведут большую поисковую работу по розыску защитников Киришской земли.

● Имя Героя Советского Союза Марите Мельникайте свято для учащихся московской школы № 585. Здесь знают хорошо не только героиню, но и знают многое о ее родине: можно познакомиться с материалами о Литве, послушать музыку литовских композиторов, увидеть репродукции картин Чюрлениса и гравюр Красаускаса, полюбоваться видами Вильнюса, Неринги... И, конечно, центральное место в музее отведено документам, рассказывающим о жизни и подвиге Марите Мельникайте.

● Музей Виктора Талалихина, Героя Советского Союза, летчика-истребителя, совершившего первый в истории авиации ночной таран, создан школьниками школы-восьмилетки на родине героя — в селе Тепловка Саратовской области.

НАХОДКАМ ДВА ВЕКА

**Михаил
ЯКУШОВ**

Яицкие казаки, как известно, принимали самое активное участие в Крестьянской войне 1773—1775 годов. Один из очагов повстанческой борьбы сложился в районе среднего течения Яика, с административным центром яицкого казачьего войска — Яицким городком (ныне город Уральск). В конце декабря 1773 года началась осада повстанцами крепости в районе старого собора. Здесь, в крепости, выстроенной по распоряжению коменданта городка подполковника И. Д. Симонова, засел гарнизон правительственных войск. Отряды повстанцев и жители городка неоднократно пытались взять крепость штурмом.

Когда в середине апреля 1774 года прибывшие правительственные войска захватили Яицкий городок, то местные жители, участвовавшие в штурме крепости, стали зарывать оружие в землю... Спустя много лет несколько пушек были обнаружены в старой части города — в Куренях.

Экспонатами Первомайского народного музея стали также чугунное пушечное ядро и железная картечина, найденные на территории района. Картечину нашли в песке на берегу Чагана, пушечное ядро обнаружили в поселке Революционном во время очистки колодца, на глубине шесть метров. Здесь, вероятно, был полевой лагерь повстанцев, когда они, обойдя осенью 1773 года Яицкий городок, устремились на крепости Илех и Татищево.

В 1967 году общественность Первомайского района решила соз-

дать свой народный историко-краеведческий музей, и жители охотно передавали все, что у них хранилось и представляло некоторый интерес для истории. Так в музее оказался кошелек для сластей, подаренный одной из девушек на вечеринке, которая была устроена перед женитьбой Емельяна Пугачева — царя Петра III — на яицкой казачке Устиньи Кузнецовой. Старый уральский краевед Иван Павлович Зеленцов подарил музею личные вещи Усти Кузнецовой, царицы Устиньи Петровны: старинный туалетный кувшинчик и серебряные щипцы для сахара с пометкой «1610 год» и знаком ювелирных дел мастера.

В Уральске сохранились два дома — кирпичный, с некоторыми претензиями на архитектурные украшения, и неказистый деревянный. В первом жил будто бы сам Пугачев во время наездов из Оренбурга, а второй принадлежал казаку Петру Кузнецову.

В бывшем царском дворце сейчас разместились Дом-музей Е. И. Пугачева.

ВЕРХ-ИСЕТСКИЙ ПРУД

В Центральном государственном архиве древних актов по-счастливилось отыскать интересный документ, ранее не известный историкам, — «Чертеж Исецкого Верхняго пруда, такожде озер Исецкого и Мелкого и с происходящею ис Исецкого озера рекою Исетью и при ней положенных мест, болот, сухих кряжев и гор с удовольствием леса»¹. Составленный в мае 1726 года, он оказался первым планом Верх-Исетского пруда — самого большого водоема в черте современного Свердловска. Чертеж раскрывает любопытные факты из истории Верх-Исетского завода, начало которому было положено созданием плотины и пруда 250 лет назад.

Осенью 1724 года генерал-майор В. И. Геннин, главный управитель всех сибирских и уральских заводов того времени, находившийся по делам службы близ Перми, в Пыскоре, получил донесение о том, что при Исетском (Екатеринбургском) заводе из-за сильной летней засухи воды стало «зело мало» и что «за засухой осеннею погодою в зимнее время заводу остановка будет». Обеспокоенный этим, Геннин распорядился построить весной 1725 года для создания достаточных запасов воды еще одну плотину на реке Исети. Он полагал, что новую плотину надо строить при Исетском озере. Для выбора места под плотину на Исетском озере в мае же выехали берггешворен² К. Гордеев, комиссары С. Неелов и Ф. Неклюдов.

Однако предполагаемое Геннинным место (судя по надписи на чертеже) оказалось неудобным, так как строить здесь плотину можно было «только разве великим иждивением и продолжительным временем». Место это (оно помечено на чертеже литерой «З»), находящееся в полутора-двух километрах от истока Исети в районе современной железнодорожной станции Гать, было действительно неудобным для строи-

**Нина
АРХИПОВА,
Евгений
ЯСТРЕБОВ**

тельства. У Исети здесь низкие сырые берега, вокруг хвойные леса, вырубка которых заняла бы много времени. К тому же, для удержания большой воды надо было строить очень высокую и прочную плотину.

Посланные Генниним люди «усмотрели по той же реке Исете выше Екатеринбургских заводов удобное место к строению плотины, где завод назначен был строить».

Строительство Верх-Исетской плотины началось первого июня 1725 года. Плотина строилась земляная, по описанию Геннина, «вначале обрубь, потом набиванием глиною и землею, длиною на 150, поперег $27\frac{1}{3}$ сажени, вышиною $4\frac{3}{4}$ сажени»³. Строили плотину крестьяне приписных к Екатеринбургскому слобод Арамилевского, Камышловского, Каменского и Окуневского дистриктов⁴, а также полк прапорщика Денисова из Тобольска и другие полки.

Хотя зима 1725—1726 годов держала работы, но уже в марте наступила горячая пора. Весной плотина была готова, она собрала талые воды, образовав обширный пруд. Плотина, построенная два с половиной века назад, оказалась очень прочной, она ни разу не перестраивалась, а лишь частично подправлялась.

«Когда плотинной вешняк заперли, — писал Геннин, — и от того от спорной воды вверху учинилось озеро длиною 15 верст, а циркумфериции (вокруг) слишком 30 верст». Тогда-то, в мае 1726 года, по указу Геннина шихтмейстером Михаилом Кутузовым⁵ и был составлен этот «Чертеж Исецкого Верхняго пруда».

Чертеж, впервые воспроизводимый в печати (в упрощенном виде), представляет длинный узкий лист размером 37×155 сантиметров. Верх-Исетский пруд и другие водоемы закрашены голубым цветом, реки — синим, низменные участки суши — зеленым, а возвышенные и гористые места — желтовато-коричне-

вым. На всем протяжении Верх-Исетского пруда — от впадения в него Исети и до возведенной плотины — нанесено прежнее русло реки.

Вид чертежа кажется непривычным: север не вверху, а внизу, пруд и река как бы спрямлены. Но так уж в XVIII веке рисовались все подобные планы и карты. На чертеже сделаны надписи скорописью. Знаками показаны леса, но без разграничения на виды древесных пород, болотные места и сырые луга.

Литерами обозначены: А — озеро Исецкое, Б — новопостроенная Исецкая запасная плотина, В — сухие кряжи и горы, Г — болотные места, Д — где надлежит уголь жечь, Е — новое озеро или спрудная запасная вода, которая явилась от новопостроенной запасной плотины, Ж — низкое место, о котором думал господин берг-мейстер, будто в Уктус вода уйдет, З — место, где бы можно строить плотину, токмо разве великим иждивением и продолжительным временем.

Очертания на чертеже Исетского и Мелкого озер, а также Верх-Исетского пруда значительно отличаются от нынешних. Но это связано не столько с неточностью съемок тех лет, сколько с теми природными процессами, которые произошли за два с половиной века.

Исетское озеро, изображенное на чертеже М. Кутузова округлым водоемом с относительно мало изрезанной береговой линией, уже в 70-х годах прошлого века изменило свои очертания, приблизившись к современным. В 1850 году в южной части озера, при выходе из него реки Исети, началось строительство плотины, через 20 лет она была готова. Озеро поднялось на один метр и расширило свои границы. Несколько позже такая же регулирующая сток воды плотина была возведена на Шитовском озере. Избыток воды обоих озер спускался в Верх-Исетский и городской пруды, повышая их уровни.

¹ ЦГАДА, фонд 271 — фонд Берг-Коллеги, оп. 3, ед. хранения 123. Чертеж поступил в Москву вместе с донесением В. И. Геннина в августе того же года, и копии его в Свердловске не имеются.

² Берггешворен — горный чиновник, наблюдавший за технической и хозяйственной стороной работы на руднике.

³ Сажень в первой половине XVIII века равнялась 216 сантиметрам.

⁴ Дистрикт по тогдашнему административному районированию России — округ.

⁵ Михаил Кутузов — известный горный деятель первой трети XVIII века, им составлены многие чертежи и карты Екатеринбургских заводов.

В наше время, в 1946 году, земляная плотина у Исетского озера была заменена бетонной, уровень озера был поднят еще на два метра, и площадь его увеличилась до современных размеров — до 26 квадратных километров. Береговая линия озера стала довольно изрезанной, так как устья многих речек превратились в заливы, а высокие места стали полуостровами.

Озеро Мелкое — теперь не округлый водоем, а как бы вытянутый вдоль Исети мелководный ее участок. Берега его, как и 250 лет назад, низменны и топкие. И хотя на плане Кутузова указано, что до озера Мелкого «запрудная вода не придет», заболоченность его берегов несомненно связана с повышением уровня грунтовых вод выше плотины.

Строители плотины нашли удобное место не только для нее самой, но и для всего будущего пруда, чтобы не затопить много хорошего леса. Значки и надпись на плане показывают, что... «на сем месте до

строения новой плотины кроме Исети реки воды не было и отомсенные покосы и низкие места» свидетельствуют. Возможно, что более высокие и сухие края превратились в скалистые островки, которых на Верх-Исетском пруду около десятка.

Проектировщики плотины отлично понимали, что для сохранения воды в пруде нужно, прежде всего, оберегать леса от вырубок и пожаров вокруг самого пруда и вдоль всей долины Исети. Поэтому строго определялись места, «где надлежит уголь жечь».

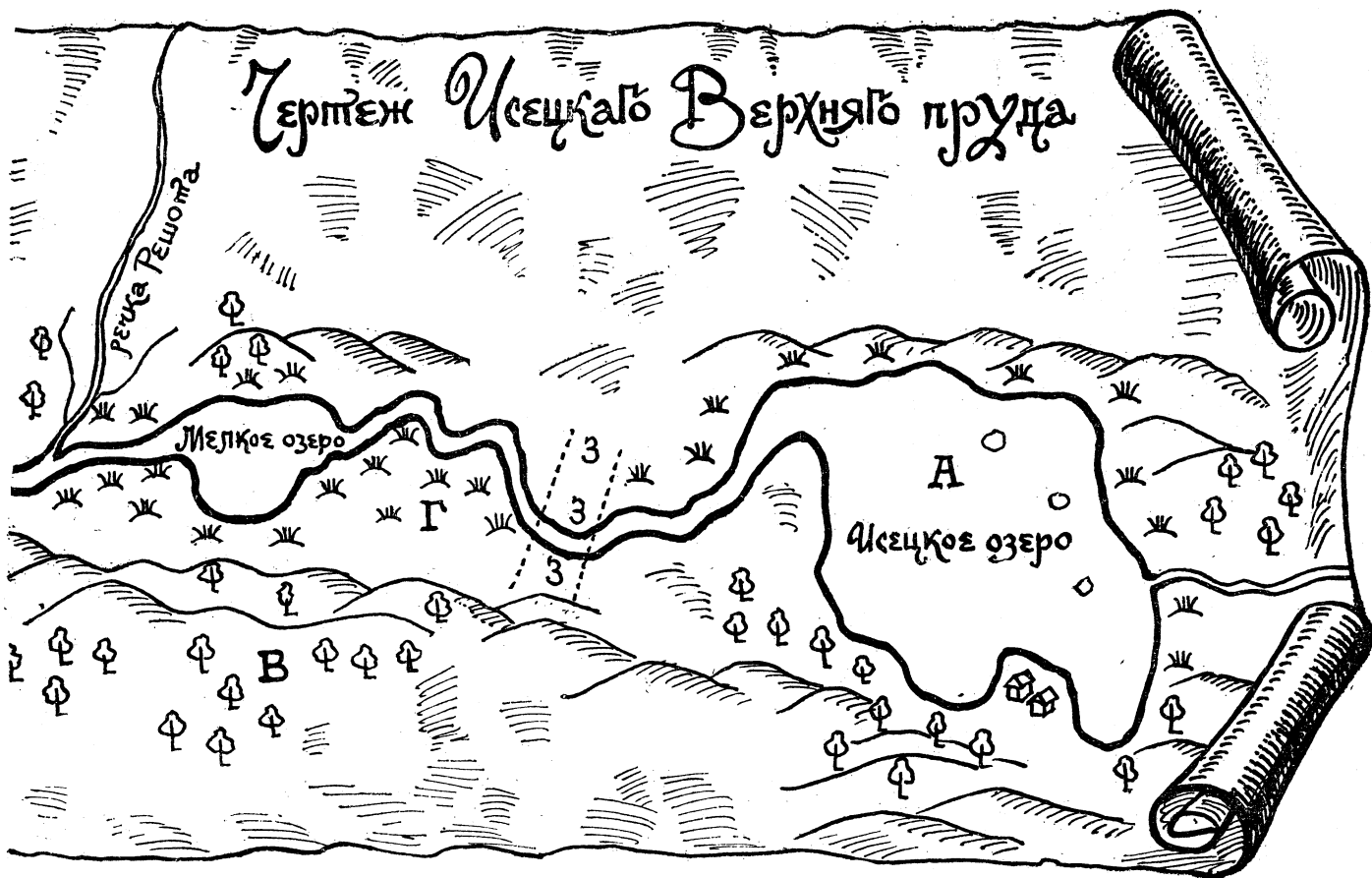
Верх-Исетский пруд, изображенный на чертеже огромным водоемом, теперь стал значительно меньше — сказалось обмеление истоков. Но и теперь это самый большой из всех водоемов Свердловска. Он вытянулся более, чем на 10 километров, ширина пруда — 2—2,5 километра, площадь зеркала воды составляет 14 квадратных километров.

Верх-Исетский пруд — основной источник пресной воды для города

и место отдыха свердловчан. Сюда по каналу Чусовая — Исеть из Волчихинского водохранилища и через реку Решетку, правый приток Исети, приходит вода из Чусовой. А ныне она пришла сюда и из реки Уфы, из-под города Нязепетровска.

Как видно из первого чертежа Верх-Исетского пруда, в начале XVIII века и много лет спустя местность в бассейне верхней Исети была мало обжитой. Небольшие хутора были разбросаны далеко друг от друга. Один такой хутор находился там, где ныне раскинулся город Среднеуральск. Другой — на месте современного поселка Палкино. По-видимому, это был самый большой хутор. На карте 1749 года на этом месте значится уже деревня Палкино.

Верх-Исетский завод, Верх-Исетский пруд и поселок Палкино, бывшие в прошлом окрестностями Екатеринбурга, в первые годы Советской власти вошли в городскую черту Свердловска.

Верх-Исетский пруд дал начало Верх-Исетскому заводу. Возникнув первоначально как запасной для Екатеринбургского завода, пруд, благодаря обилию в нем воды, сам мог обеспечить энергией крупный завод. Ведь все металлургические заводы XVIII века работали только от водяного колеса — универсального двигателя тех лет, без него нельзя было привести в действие меха для подачи воздуха в доменные печи, молоты и прокатные станы для прокатки и поковки слитков металла.

Верх-Исетский завод — один из старейших на Урале. В числе железоделательных заводов России, построенных в первой четверти XVIII века, он был двенадцатым. Старые цехи ВИЗа, те, что на правом берегу пруда, — самые старые и единственные в Свердловске, сохранившиеся с начала XVIII века до наших дней.

Строительство завода началось «в 1726 году казенным коштом на государственной земле, при реке

Исети». С 1758 года по указу сената ВИЗ был отдан в содержание графу Воронцову, а тот передал его другим лицам. Долгие годы, два века, на заводе плавил чугун, изготавливали железо — кровельное, листовое, полосовое, котельное, сортовое. Оно шло по всей России, а также и за границу.

В советские годы завод специализировался на выпуске трансформаторной стали. В годы девятой пятилетки на левом берегу пруда, на площади в 25 гектаров, выросли корпуса гигантского цеха холодного проката электротехнической стали. Первые листы цех выдал в 1974 году.

Холоднокатаная электротехническая сталь, крупнейшим поставщиком которой в нашей стране стал Верх-Исетский металлургический завод, используется при изготовлении различных электрических машин, отвечающих современному уровню техники и мировым стандартам.

Верх-Исетский завод и Верх-Исетский пруд — братья. Их рожде-

ние — одна из первых страниц в истории старого Екатеринбурга — современного Свердловска.

19 ноября 1976 года отмечалось 250-летие завода. Два с половиной столетия назад, 6 (19) ноября 1726 года, завод изготовил свою первую продукцию.

Юбилей прудов обычно не отмечают, но чертеж, случайно найденный в архиве, помог прочесть неизвестные страницы истории.

ТРУЛЮ

**Феликс
КРИВИН**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

ОСТРОВ
ШЕСТОЙ,
не имеющий
берегов
и во все
стороны
простирающийся
бесконечно

Они и сами не заметили, как оказались на этом острове. Корабль вошел в залив где-то посреди острова, у которого не видно было никаких берегов.

— Никогда не видел такого острова, — удивился Синт. — Из географии нам известно, что остров — это часть суши, окруженная водой, а значит, у него должны быть берега, я правильно рассуждаю?

Окончание. Начало см. в №№ 6, 7, 8, 10, 11.

ЛЮПОВЫ ОСТРОВА

— С точки зрения географии — правильно, — отозвался капитан Трулююп. — Но мы, кажется, вышли за пределы географии.

Морф недоверчиво улынулся:

— За пределы географии? Это что-то новое, капитан. Даже Колумб не выходил за пределы географии. Даже Магеллан не выходил за пределы географии. Самые знаменитые мореплаватели выходили за пределы чего угодно, только не географии.

— А собственно, куда можно выйти за пределы географии? — заинтересовался Фон Этик.

— В астрономию, — кратко ответил капитан.

— Вот тебе на! — развел руками Синт. — Только начнешь привыкать к законам географии, как тут же попадаешь в астрономию. А начнешь привыкать к астрономии... Скорей бросайте якорь, Морф! Как бы нас не унесло за пределы вселенной!

— Не унесет, — успокоил его Фон Этик. — Вы же видите, у вселенной нет берегов, она бесконечна.

— Странно только, что вселенная расположилась на острове, — недовольно ворчал Морф, забрасывая якорь. — Неужели для целой вселенной не нашлось более подходящего места?

Морф все еще мыслил масштабами географии: один сантиметр составляет столько-то километров. А ведь у бесконечности свой масштаб: ее сколько ни дели и ни умножай, в результате все равно получится бесконечность.

— Спокойно, друзья, — сказал капитан. — Мы и раньше находились во вселенной, и теперь находимся во вселенной, так что ничего сверхъестественного не произошло.

— Стоило ли проделывать такой путь, чтобы прибыть туда, где мы и без того находились? — пожал плечами Фон Этик.

— Стоило, — сказал капитан Трулююп. — Вот, взгляните на этот воз. Ему никуда не выехать из все-

ленной, но он все-таки едет. Вы видите? Он едет!

И тут все увидели воз, который ехал по вселенной, направляемый умелой рукой возничего.

— Он-то едет, — сказал Фон Этик, — а нам как быть? Ну, высадились мы, а дальше? Пешком по вселенной ходить — не находишься.

— Спокойствие! — сказал капитан и поднял руку, останавливая космический транспорт: — Эй, Возничий, не подвезешь?

— Подвезу, — неожиданно согласился Возничий. — Кроме меня здесь некому подвозить: на то я Возничий из созвездия Возничего. Правда, конь у меня малый, из созвездия Малого Коня, но бегаёт быстро. А вам куда ехать-то? Не на Меркурий?

— Почему на Меркурий?

— У нас многие ездят на Меркурий — встречать Новый год.

— А на Юпитер не ездят? Или на Нептун?

— Такое скажете! На Юпитере Новый год раз в одиннадцать тысяч дней. На Нептуне и вовсе раз в девяносто тысяч. А на Меркурии Новый год дважды в день. Не успеешь одних развести с новогоднего праздника — и уже новых вези.

— Как же это: в один день два новых года? — не поверил Морф.

— А вот так. День-то у них длинный, а год — короткий. Вот они и гуляют. Дважды в день празднуют.

— У нас на Земле Новый год через каждые триста шестьдесят пять дней, — сообщил Синт.

— Тоже весело живете. На Сатурне год длится сорок пять тысяч дней, на Уране — почти семьдесят тысяч. Вот где настоящие будни, там, как говорится, некогда отдыхать.

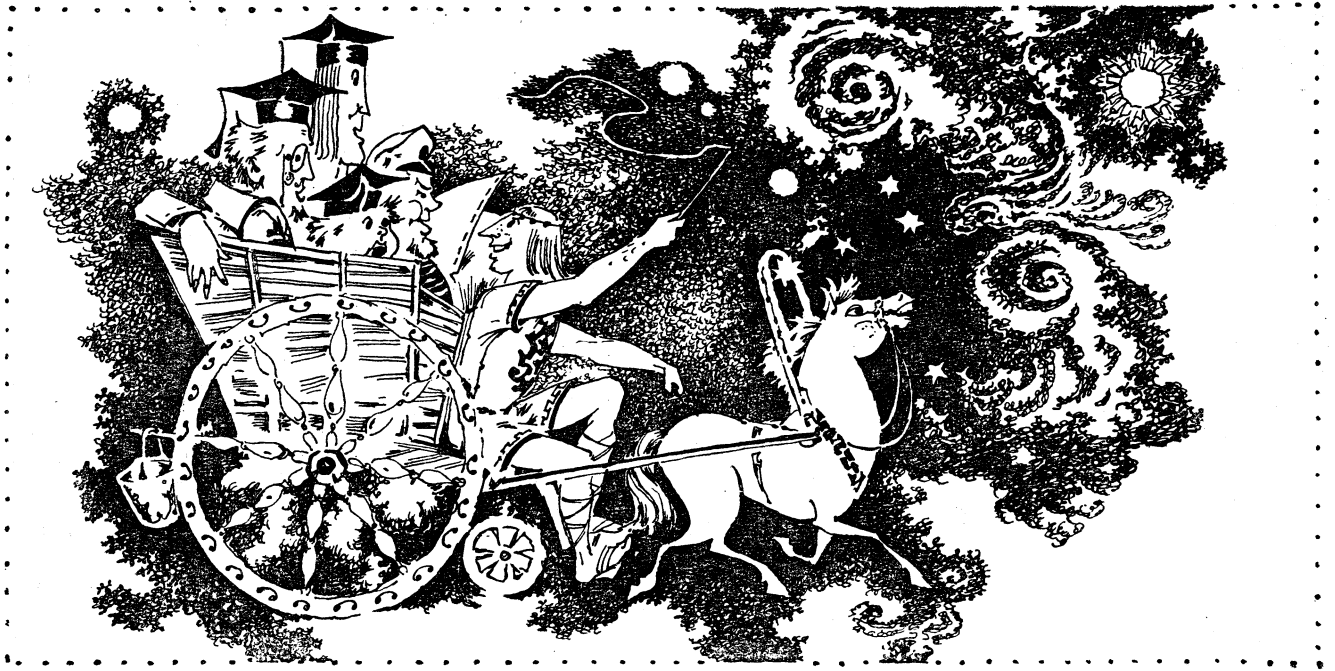
Возражать было нечего: действительно, запраздновались мы у себя на Земле: каждые триста шестьдесят пять дней — Новый год! А еще День рыбака, День химика...

То ли дело — на Уране или на Нептуне!

— Работать надо, а не лежать на печи, как в созвездии Печи, — сказал Возничий и подстегнул своего Коня: — Но, Малый!

Вселенная искрилась огнями, и они не только освещали, но и показывали путь. Возничий легко ориентировался среди этих огней: один

давал ему знак свернуть, другой указывал ехать прямо.

— Вон, видите, те огоньки? Это созвездие Стрельца. Однажды я этого Стрельца подвозил. Еду это я, значит, а он стоит на дороге, руку поднял: мол, подвези. На плече у него щит из созвездия Щита, за поясом стрела из созвездия Стрелы, а у ног гончие псы из созвездия Гончих Псов дорогу нюхают. «Куда, — спрашиваю, — собрался?» «Хочу, — говорит, — освободить Деву из созвездия Девы от Дракона из созвездия Дракона». Ну, думаю, это дело хорошее. Подвез его, куда он просил, а на обратном пути вижу — стоит Волопас из созвездия Волопаса и плачет горячими слезами. Оказывается, этот Стрелец из созвездия Стрельца подстрелил Тельца из созвездия Тельца, которого пас Волопас из созвездия Волопаса. А я его еще подвозил. Представляете?

— Ну и дела у вас во вселенной! — покачал головой Синт.

— Я вам так скажу: один Стрелец всю вселенную портит. Вы думаете, он не пытался подстрелить Льва из созвездия Льва? А Лисичку из созвездия Лисички? Но ведь если всех перестрелять, то мы в конце концов останемся без созвездий...

Вселенная не имеет конца и новости в ней не имеют конца, поэтому Возничий говорил без конца,

сообщая последние вселенские новости. Он рассказывал о каком-то Белом Карлике, который на всю вселенную прослыл богачом, потому что у него, по слухам, были несметные тонны драгоценностей. Но потом оказалось, что драгоценностей у него с гулькин нос, только весит этот гулькин нос не граммы, как в других местах, а тонны.

— Вы спрашиваете, как это случилось? Тут целая история. Он, ведь, Белый Карлик, не всегда был таким карликом, когда-то он был не меньше вашего Солнца. А потом он стал остывать — знаете, как это бывает у звезд? Сначала ты горюшь, пылаешь, отдаешь себя окружающим, а потом начинаешь остывать. И тогда ты уходишь в себя, уплотняешься, увеличиваешь свою гравитацию, а проще говоря — все тянешь к себе, пока самого себя в себя не втянешь. Так случилось и с Белым Карликом: был он не меньше вашего Солнца, а стал не большей вашей Земли. Но это еще ничего, некоторые как начнут тянуть, так уж не могут остановиться, и до того дотянутся, что от них и вовсе ничего не остается, кроме этой способности все тянуть, говоря по-научному — гравитации. Вот вам и светило. Какое ж оно светило, если оно даже из себя не хочет выпустить, притягивая к себе со скоростью света? И это называется звезда? Не звезда, а дыра. Чер-

ная Дыра, вот как это по-настоящему называется!

Белые Карлики, Черные Дыры... И все это — бывшие звезды. Звезды, которые больше тянули, чем отдавали, в то время, как настоящие звезды должны отдавать. Не стоит слишком увлекаться гравитацией...

Малый Конь заржал, пытаясь отвлечь Возничего от грустного разговора, да, собственно, и разговаривать уже было некогда.

— Приехали! — объявил Возничий.

На Меркурии праздник был в полном разгаре, и разгар этот достигал трехсот градусов жары, в то время как на другой стороне планеты было прохладней градусов на четыреста. Участники новогоднего карнавала вырядились в желтый цвет, отдавая должное цвету планеты, поэтому никого нельзя было не то что узнать, но и попросту отличить друг от друга. Когда все одинаковые — как же тут отличить? Красные были желтыми, белые были желтыми, голубые были желтыми, приспособиваясь к окружающей обстановке.

— А где же гости? — спросил Синт, не умея отличить один желтый цвет от другого желтого цвета.

Возничий усмехнулся:

— Это с непривычки их не видеть, а когда присмотришься, так от них в глазах замелькает. Вон,

видите, этот, с чашей? Он всюду ездит со своей чашей, потому что сам он из созвездия Чаши. Слоняется по вселенной со своей чашей, только всех отрывает от дел. А тот, другой, с лирой, — из созвездия Лиры. Музыкант. Ему бы все песни петь, оглушать вселенную. А вон те двое, с часами и весами, — один из созвездия Часов, другой из созвездия Весов: один все боится опоздать, а другой только и глядит, как бы его не обвесили.

Малый Конь заржал, оценив шутку хозяина. А Возничий продолжал:

— Дорого обходятся все эти гости Меркурию, недаром у него самое маленькое альbedo.

— Что маленькое? — спросил за всех Трулюлюп.

— Альbedo. Не знаете, что такое альbedo? Каждая планета получает от своего светила определенное количество лучей и часть из них поглощает, а остальные отдает во вселенную. Вот это и называется альbedo — то, что она отдает.

— С таким альbedo сам будешь без обеда, — сострил Морф, и это была одна из тех острот, которые способны выдержать температуру 300 градусов.

Но Возничий принял ее всерьез:

— Между прочим, Сатурн об этом не думает, хотя отдает чуть ли не девять десятых того, что полу-

чает. А Меркурий знаете сколько отдает? Шесть сотых! И это при том, что получает он больше всех, потому что крутится возле самого Солнца.

— А куда он деваает остальные девяносто четыре сотых? Ведь он же самая маленькая планета, зачем ему столько? — поинтересовался Синт.

Малый Конь заржал над нелепостью такого вопроса.

— Куда деваает? — ухмыльнулся Возничий. — Видите, сколько гостей? Один с чашей, другой с лирой, третий только и глядит, как бы его не обвесили. Вот и прожигает Меркурий почти весь свой лимит. Дважды в день Новый год чего-нибудь стоит!

Огромное Солнце стояло над Меркурием и не собиралось двигаться к закату. Тут же были и звезды, блеск которых был несколько омрачен присутствием основного светила, но они, видимо, не могли себе отказать явиться на праздник. И было приятно смотреть на это содружество дня и ночи, которые не враждуют между собой, как на Земле, а мирно сосуществуют, не пытаются вытеснить друг друга.

Засмотревшись на солнечнозвездное небо Меркурия, Трулюлюп и его компания прозевали самый интересный момент: именно тот момент, когда исчез их Возничий. Он исчез вместе с возом и Малым Конем, который, по всей вероятно-

сти, теперь где-то ржал над оплошностью незадачливых своих пассажиров.

— Бом-брамсель, бом-брам-стенга, брам-такелаж! — вскричал капитан Трулюлюп, вспоминая старые свои капитанские выражения. — Похоже, что нам придется выбирать-ся отсюда пешком!

— Может, он еще заедет за нами? — предположил Морф. — Развезет очередных гостей и заедет за нами?

— Боюсь, что он нас не разыщет. Видите, сколько гостей?

Да, теперь, присмотревшись, все уже видели. Темно-желтые, темно-ваго-желтые, светло-ваго-желтые, светло-желтые и просто желтые гости веселились, встречая Новый год и провожая старый.

— С Новым годом! — сказал гость с чашей, поднимая чашу.

Какой-то желтый карлик, который, как вскоре выяснилось, был черным карликом, вспоминал те времена, когда он был не черным, а белым карликом. Да, конечно, это был тот самый Белый Карлик!

— Я был таким, как ваше Солнце, — начал желтый карлик издали. — Я горел, я себя не щадил. Но потом я сказал себе: тебя никто не пощадит, если ты сам себя не пощадить. И стал уже не так гореть.

— Когда все взвесишь, тогда не будешь гореть, — сказал гость с весами.

— Да, представьте, с годами я научился взвешивать. Каждый грамм для меня стал весить тонну, десятки тонн.

— А масштабы? — спросил гость с часами. — Нередко обретая вес, мы теряем прежние масштабы.

Желтый карлик отмахнулся: кому они нужны, ваши масштабы? Чем звезда больше, тем она меньше живет. Звезда, которая в десять раз больше Солнца, гаснет в тысячу раз быстрее.

— А светимость? — спросил гость с часами.

— Светимость у меня была. Когда я стал Белым Карликом, светимость у меня была еще довольно приличная. Но я сказал себе: — «На что ты тратишь свои лучи?»

— Главное — все вовремя взвесить, — сказал гость с весами.

— Вот именно. Я взвесил, — и стал понемногу остывать. Взвешу — и остыну. Еще раз взвешу — и еще больше остыну.

— Пока не превратился из Белого в Черного Карлика, — закончил его биографию гость с часами.

— Да, превратился и этого не стыжусь. Я свое отгорел, теперь пусть погорят другие.

Солнце подошло к своему закату, но тут же повернуло назад. Так оно топталось между рассветом своим и закатом, не желая уходить с праздника. Недавно встреченный Новый год у всех на глазах становился старым, и ему на смену приходил Новый год.

— С Новым годом! — сказал гость с чашей, поднимая чашу.

А гости все прибывали и прибывали. Особенно много было метеоритов, значительно больше, чем их бывает на Земле. Они шлепались на Меркурий один за другим, шлепались надежно и основательно, как котлеты на сковородку, и сходство это подкреплялось раскаленной почвой Меркурия. А над ними, вверху, вспыхивали их собратья, не долетевшие и сгоревшие в небесах, метеоры, которые никогда уже не станут метеоритами. Маленькие метеоры, «падающие звезды», были действительно похожи на звезды, на какое-то мгновение они становились похожими на звезды, и тут же сгорали в высоких своих небесах.

Когда мы сгораем в небесах, мы становимся похожими на звезды... Так, быть может, размышляли метеориты, глядя на своих собратьев, сгорающих в небесах. И немножко жалели. И чуть-чуть раскаивались, что упустили такую ослепительную возможность — сгореть в небесах. И даже слегка подумывали: а не ринуться ли назад в небеса, — но тут же теряли эту мысль и плотней прижимались к столь счастливо обретенному месту. Потому что когда обретишь место, его уже не хочется потерять, даже если это место на сковородке...

В конце концов — не всем сгорать в небесах. Одним и вовсе не долететь до небес, а другим долететь — и пролететь мимо. Ведь что такое метеорит? Это метеор, который пролетел мимо своего неба. Когда мы пролетаем мимо своего неба, нас уже не поднять.

Так, возможно, размышляли метеориты, насиживая свое место на чужой, но теперь уже ставшей привычной планете, и было в этих мыслях немного грусти и неудовлетворенно-

сти, — как раз столько неудовлетворенности, сколько требуется для полного довольства. И уже нельзя было отличить их места от других, не занятых ими мест, они сливались с почвой, сами превращались в нее, как будто не они еще недавно бороздили вселенную...

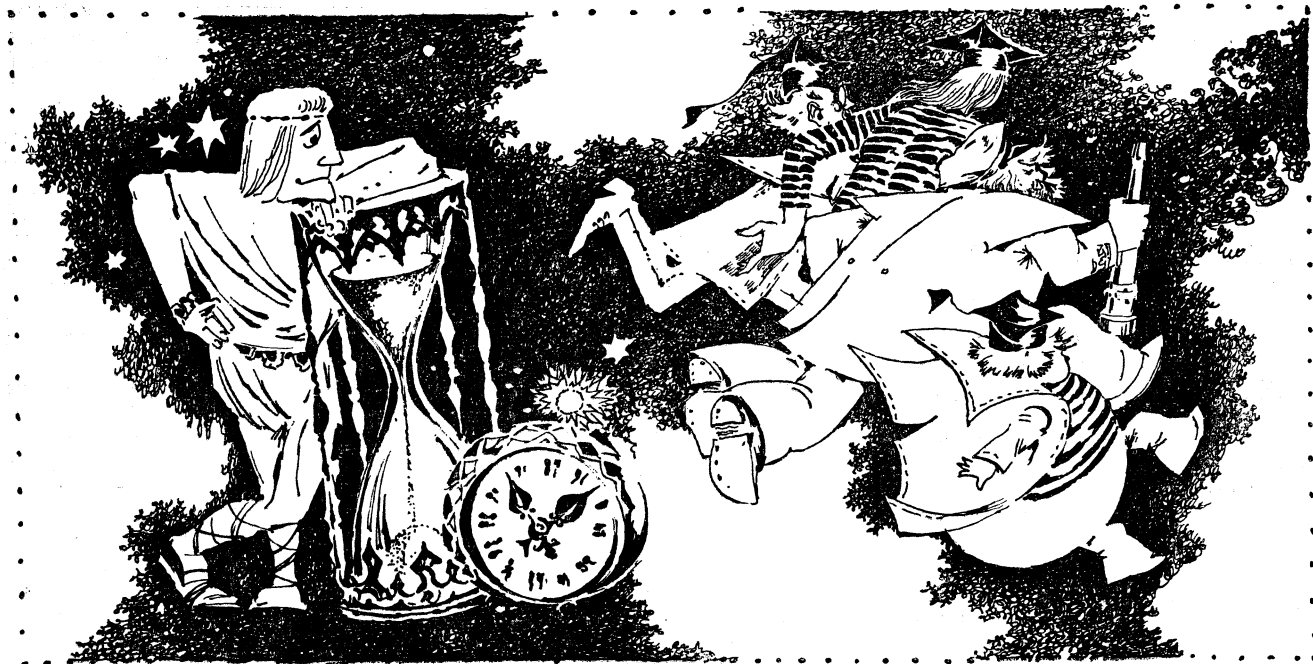
Как мы летим, как спешим! Мы не можем остановиться, нас все тянет и тянет куда-то это всемирное тяготение — скорей, скорей! Куда мы спешим? Может быть, когда мы вот так летим и спешим, мы пролетаем мимо своего неба?

— Фон Этик, — сказал Синт, — вы что-то начали желтеть.

— Это Морф начал желтеть, — возразил Фон Этик. — Да и вы, Синт, хороши: откуда у вас этот янтарный оттенок?

— Сейчас же перестаньте желтеть! — прикрикнул на них Трулюлюп. — Оставайтесь самими собой, иначе мы растеряем друг друга!

Но он уже тоже начал понемногу желтеть. Не так, как все, самую чуточку, но на лице его все же появилась бледность, грозившая перейти в желтизну.

— На нас действует окружающая обстановка! — в отчаянии воскликнул Синт. — Мы должны срочно избавиться от окружающей обстановки!

Но как избавиться? Обстановка действует на нас, когда мы попадаем к ней в окружение, и выйти из этого окружения не так-то просто.

— Синт, — сказал капитан. — Ой, простите, это, кажется, Морф?

— Это я... — грустно сказал Фон Этик.

— Все равно. Теперь вы все на одно лицо. Держитесь друг за друга, чтобы я вас не растерял. Будем как-то отсюда выбираться.

Гость с весами сказал, взвешивая каждое слово:

— Наполним чаши! — И стал наполнять чаши весов.

— Опять Новый год! — в отчаянии воскликнул Фон Этик и обратился к гостю с часами: — Разрешите поинтересоваться, который час.

— Без семидесяти четырех пятьсот тринадцать, — ответил гость, посмотрев на часы.

— Неужели так много? — удивился Синт, не привыкший к такому обилию времени.

— Совсем не много, — ответил гость с часами. — До сорока девяти

тысяч еще далеко, сутки только начинаются.

Оказывается, у них, в созвездии Часов, сутки составляют сорок девять тысяч часов. Наверно, у них там живут одни математики. Хотя чему удивляться, если даже здесь, на Меркурии, сутки составляют больше трех тысяч земных часов. Год — полторы тысячи с чем-то, а сутки — больше трех тысяч земных часов. Тот, кто хочет знать точное время, должен смотреть не на часы, а на календарь — вот какое время на Меркурии.

— Видно, Возничего нам не дожидаться, — сказал капитан Трулюлюп.

— Но и пешком по вселенной ходить — не находишься, — напомнил Фон Этик.

— Вселенная бесконечна, — кивнул Морф, — но не нужно забывать, что она находится на острове.

— На острове, который не имеет берегов, — уточнил Синт.

— Допустим. Но ведь этот остров без берегов все-таки находится в Книжном море.

— Вы правы, как там вас... — сказал капитан, не зная, кто высказал такую здравую мысль, но чувствуя, что эта мысль — здравая.

— А Книжное море, — продолжал Морф, — находится на Земле. Значит, мы все-таки на Земле?

— А где Земля? — упорствовал Синт. — Земля во вселенной. И полу-

чается, что никуда нам из вселенной не выбраться.

— Заколдованный круг, — вздохнул Морф. — Остров в Книжном море, Книжное море на Земле, Земля — во вселенной, вселенная — на острове, остров — в Книжном море, Книжное море — на Земле...

— Остановите его! Сейчас же остановите! — закричал Трулюлюп, но Морф уже и сам замолчал и задулся.

Нарушил молчание гость с часами:

— Вы, кажется, опаздываете? Не стоит переживать. У нас во вселенной и расстояние, и время — относительные понятия. Вот у меня часы. Вы думаете, они всегда показывают одинаковое время? Как бы не так. Чем быстрее я двигаюсь сам, тем медленнее идут мои часы, а если бы я достиг скорости света, они бы и вовсе остановились, потому что время для меня бы не двигалось. Конечно, скорости света вам не достичь, это мало кому удастся, кроме света, но, может, вы попытаетесь использовать кривизну времени и пространства?

— Это что-то из теории относительности? — догадался капитан.

— Теория теорией, но и практикой не следует пренебрегать. Пространство у нас искривленное, и не так просто выбраться на прямую дорогу. Но если все же выбраться на прямую дорогу, а время оставить

брести по кривой или развить такую скорость, чтобы оно совсем остановилось...

— Скорости мы не разовьем,— заверил его Морф.

— Но вы хоть постарайтесь, приложите усилия. А прямую дорогу я вам покажу, вот она, прямая дорога.

Капитан рассыпался в благодарностях. Конечно, он не сомневался, что как бы вселенная ни была искривлена, в ней всегда найдется прямая дорога.

— А теперь бегите,— сказал гость с часами.— Только побыстрее. И тогда пространство у вас будет маленькое, а время — большое.

Как они бежали, никто из них не смог бы впоследствии рассказать, потому что бежали они, как в тумане, которым их окружила теория относительности. Кто бы мог подумать, что одна теория может напустить столько туману?

И только тогда остановился капитан Трулюлюп, когда увидел наконец свой корабль, стоящий на якоре в спокойных водах Книжного моря.

Между тем на Землю спускалась ночь, вытесняя день, и это было знаком того, что они уже на Земле, а не на Меркурии. Капитан Трулюлюп посмотрел на небо и среди множества звезд и созвездий вдруг увидел Возничего, который ехал по вселенной, настигая своего Малого Коня. А на возу у него сидели гости с часами и весами, с лирой и чашей, и Малый Конь тащил всю эту поклажу без труда, а даже как будто гордясь этим чужим богатством.

Морф и Синт смотрели на небо и мечтательно улыбались.

Фон Этик крутил штурвал, воображая, что крутит орбиту самой крупной планеты — Юпитера, и смотрел на компас из созвездия Компаса, и ветер надувал парус из созвездия Паруса, и волны плескались за кормой из созвездия Кормы.

— С Новым годом, друзья! — сказал капитан Трулюлюп, спохватившись, что во всей этой вселенской суматохе забыл поздравить команду с Новым годом.

И ему показалось, что Малый Конь ему подмигнул и тихонько заржал:

— Мы тут уже отгуляли, а вы все гуляете?

Фото В. Якубова
(г. Свердловск)

Вирусы, вирусы, вирусы...

**Василий
ПЕТРОВ**

● В Средне-Уральском книжном издательстве, в Свердловске, вышла книга Виталия Тхоржевского «Тайны вирусов». Главные герои ее, как явствует из заголовка, — вирусы, а они, как правило, — «разбойники», «убийцы», «преступники», «пираты», «незримые враги»...

Кандидат медицинских наук Виталий Владиславович Тхоржевский начинал свой путь, как популяризатор науки, в журнале «Уральский следопыт». Первые его очерки были встречены читателями с одобрением. У автора накопилось несколько рассказов о жизни и проделках вирусов — они и составили книгу.

Вирусы — это целый мир. Они всюду сопровождают человека, они вызывают многие болезни. Однако о вирусах люди узнали совсем недавно — в 1892 году русский ученый Д. И. Ивановский впервые обнаружил эти невидимые существа.

Вирусология — наука молодая, но она уже твердо стоит на ногах, успешно разгадывает тайны микромира, распознает «характеры» вредных и «приручает» полезных вирусов...

Книга В. Тхоржевского, где в увлекательной форме рассказывается о тайнах и проблемах вирусологии, с интересом будет встречена читателем — и самым массовым и специалистами.

Встречи с поэтом

● Оригинальный и впечатляющий памятник первостроителям есть в Магнитогорске: каменная палатка, а перед ней, на каменной ладони, лежит глыба железной руды. На камне — стихи:

Мы жили в палатке
с зеленым оконцем,
промытой дождями,
просушенной солнцем...

Эти слова Бориса Ручьева высечены навечно не только потому, что они как нельзя более к месту здесь. Б. А. Ручьев — тоже был первостроителем Магнитогорска, всю свою жизнь прожил он в городе металлургов. МонуMENT в честь первостроителей Магнитки сооружен, значит, и в память о замечательном советском поэте Б. А. Ручьеве.

В Челябинске, в Южно-Уральском книжном издательстве, вышла книга, озаглавленная «Встреча с другом». Друг — это поэт Борис Александрович Ручьев. О встречах с ним рассказывают 30 авторов — поэтов, писателей, критиков, журналистов, друзей, родных — всех, кто близко знал доброго душевного человека Бориса Александровича Ручьева.

Со стихами в сборнике выступают Михаил Светлов, Кайсын Кулиев, Валентин Сорокин, Михаил Львов. Уже сам список маститых советских поэтов, посвятивших Ручьеву свои стихи, говорит о том, насколько ценна книга в поэтическом отношении.

Поэзию Бориса Ручьева серьезно изучал, анализировал, интересно писал о стихах магнитогорца беззвременно скончавшийся критик Феликс Овчаренко. Его заметки вошли в сборник.

С нежностью написала свой очерк — «Свет далекой юности» — Нина Кондратовская. Она вспоминает те светлые годы, когда они вместе с Борей учились в «деревянном Кургане», гуляли по тополиным улочкам.

Составила сборник Лидия Гальцева — кандидат филологических наук, большой знаток и исследователь творчества певца Магнитки. «Встреча с другом» — еще один хороший памятник замечательному советскому поэту Б. А. Ручьеву.

ЛЕГЕНДА

о малахитовой глыбе

**Юрий
КУРОЧКИН**

Красив камень малахит! И неповторимым шелковистым цветом своим, дающим, кажется, все мыслимые оттенки: от глубокого темно-зеленого, привлекающего глаз какой-то таинственностью, до бледно-нежного и звонко-веселого, словно излучающего внутренний свет. И благородно-изящным замысловатым узором среза, ни в каком другом камне не встречающемся, на который смотришь не насмотришься...

Издавна любили его люди, но редок он был — редко где встречался да и в малых количествах, потому — дорог и трудно доступен. Но — редкость, это как правило, из которого бывали и исключения.

...В июне 1835 года на Меднорудянском руднике Нижнетагильского завода произошло событие, надолго оставшееся в памяти потомков и — без преувеличения — вошедшее в историю. Не только в историю Нижнетагильского горного округа, но и в историю геологии и даже в историю прикладного искусства.

Тем летом в шахте, носившей многозначительное имя Надежной, был отрыт малахитовый монолит невиданных доселе нигде размеров и, как писали уже потом в отчетах, «плотностью своею и цветом могущий удивлять всякого знатока».

Находка такого гигантского скопления редкого и дорогого поделочного камня произвела не только сенсацию, но и прямо-таки переворот на мировом рынке цветного камня. С той поры малахит вошел в особую моду, его стали использовать там, где раньше — из-за недостатка — и не решались, например, для отделки дворцов. А поскольку находка по времени совпала с восстановлением после пожара Зимнего дворца и с постройкой Исаакиевского собора в тогдашней столице, то Петербург обогатился такими уникальными, до сих пор вызывающими восхищение памятниками малахитово-мозаичного искусства, как Малахитовый зал Зимнего (в котором Таюшка из «Малахитовой шкатулки» наказала барина Турчанинова) и восемь алтарных колонн из малахита в Исаакии.

История находки в шахте Надеж-

ной вошла во все учебники минералогии. Отразилась она в многочисленных газетных и журнальных публикациях и, как часто в подобных случаях бывает, в легендах. Еще бы — до этого даже пудовый кусок малахита считался редкостью, а тут глыбища весом...

Но с весом-то и получилось нечто непонятое. Каких только цифр не называлось в печати. В солидной, богато изданной Эрмитажем монографии «Малахит в собрании Эрмитажа» (1963) А. Воронихина утверждает, что монолит весил «около 250 тонн». Этой же цифры придерживаются авторы многих других публикаций, особенно газетных. Составители книги «Нижний Тагил» (1964) называют более весомую цифру — 320 тонн. Б. Федорова, автор другой книги об истории города «Крепостной Тагил» (1940), подняла вес до 400 тонн, не приводя никаких ссылок на документы или другие источники. Нашлись авторы, которые пошли еще дальше, — в книге «Малахитовый зал Зимнего дворца» (1959) З. А. Бернякович лихо «констатирует», что «...были обнаружены огромные глыбы малахита, достигавшие 250—500 тонн»...

Цифра стала «легендарной» и зависит теперь уже только от смелости фантазии авторов.

Кстати, легендарной же стала и цена глыбы. Б. Федорова в своей книге оценивает ее из расчета 250 рублей пуд, А. Воронихина — «дает» по 800 рублей, а составители книги «Нижний Тагил» (1964) до того расщедрились, что довели цену до совершенно фантастической цифры — полмиллиона рублей за пуд, уверяя, что 20 000-пудовая глыба (такой вес приводится в книге) оценивалась в то время в 10 миллиардов рублей. Напомним, что цена золота тогда держалась, примерно, на уровне 3 рублей за золотник, то есть 11—12 тысяч рублей за пуд. Такой фантазии даже и для легенды многовато.

Кстати — о легендах. Слово это в словарях толкуется в двух значениях: «1. Поэтическое предание о каком-нибудь историческом событии... 2. Вымысел, нечто невероятное». Значение легенд в первом толковании несомненно — они могут дополнить историю события такими подробно-

стями, которые зачастую документы не в состоянии отразить. А если еще легенда повествует о событии, о котором и документы молчат, то тогда она — сама документ.

Ну, а если легенда — вымысел, хотя бы и поэтический, тогда дело хуже — как и всякая неправда, она пугает людей, уводит их на ложные пути. Неверная информация — это испорченный компас в мире знаний. И особенно плохо, когда такая информация исходит из печатных источников — печатному слову люди привыкли верить...

Так сколько же все-таки весила пресловутая глыба на самом деле, где искать ответ на этот вопрос?

А его долго и искать нечего — точные сведения о находке тогда же были опубликованы в «Горном журнале», в двух статьях.

Первая из них, напечатанная в октябрьской книжке журнала за 1835 год, называлась «О получении серебра и о вновь найденном¹ малахите на Урале» и имела важную сноску: «Сообщено из конторы гг. Демидовых».

Но и без этого примечания можно было не сомневаться в достоверности и точности публикуемых сведений — журнал был серьезным (официальным) горно-научным изданием, где сотрудничали только специалисты своего дела, далекие от всяких фантазий и домыслов.

И вот что было сообщено «из конторы гг. Демидовых»: «...В июне месяце сего 1835 года, на 36 сажени глубины, в новооткрытых ортах в так называемой Надежной шахте обретен малахит, плотностью своею и цветом могущий удивлять всякого знатока... Но того еще важнее, в том же месте открыта огромная масса малахита длиною в 7,5 аршин, шириною в 3 аршина и средней вышине до 1,5 аршина». Далее автор сообщения предупреждал, что «новообретенная огромная масса не совсем еще отделена и продолжается в глубину».

Полгода спустя, в апрельской книжке журнала за 1836 год, последовало дополнительное описание открытого монолита: «По сие время обнажена от окружающих пород в длину на 7,5, ширину 3,5 и вышину 2,5 аршина с одного конца и 0,5 аршина с другого». Как видим, размеры глыбы за эти полгода не увеличились, разве что ширины прибыло поларшина, хотя за полгода, казалось бы, можно сделать больше.

Но, вычислив вес монолита по размерам его, с поправками на пустоты и трещины, в 3 тысячи пудов, автор сделал важное добавление: «При обработке сего малахита от

окружающих пород, где он находился разными отrostками, добыто его за 1000 пуд., так что вся масса составляла весу более 4000 пуд., не включая в сие число то, что в северную сторону куски малахита, продолжающегося вверх и вниз... так что всю длину можно определить в 45 или 46 аршин. В боковых работах также осталось значительное количество сего минерала».

Посетовав на приток воды, мешающей работам, автор все же делает вывод: «Все заставляет думать, что видимое есть только малая часть. Впрочем, под месторождение малахита проводится штольня 6-ю саженими ниже его горизонта».

К описанию был приложен на отдельном листе гравированный чертеж глыбы — «план и разрез оной». Произведя по нему несложный расчет, убеждаешься, что отрытая к тому времени часть монолита весила, действительно, тысячи три пудов, то есть 50, примерно, тонн. Да тысяча с чем-то пудов (тонн 17) находилась в «отростках». Но все это, как уверял автор описания, «есть только малая часть». А что же представляла собой остальная — большая часть? Может, именно она-то и состояла из тех 500-тонных глыб, о которых писала З. Бернякович в книжке о малахитовом зале Зимнего дворца?

Увы, — ни в «Горном журнале», ни в других периодических изданиях тех лет (и позднее тоже), ни в специальной литературе, ни даже в архивах пока не обнаружено ничего дополнительного.

Мало того, выясняется, что и два года спустя после находки отрытые размеры монолита не увеличились!

В мае 1837 года «чудо природы» показывали путешествовавшему по Уралу наследнику престола, будущему царю Александру II и его свите. Воспитатель наследника поэт В. А. Жуковский, измерив глыбу на глаз или шагами, записал в дневнике ее размеры: «Малахитовая масса в 2 сажени длины, в $\frac{1}{2}$ сажени толщины и в $1\frac{1}{2}$ сажени вышины». Другой участник поездки, флигель-адъютант С. А. Юрьевич, писал жене: «Мы видели истинное чудо: малахит-монолит более двух с половиною сажени длиною и около сажени высотой, который, полагают, содержит весу трех тысяч пуд». Как ни приблизительны их подсчеты и замеры, но это свидетельство очевидцев и им должно верить: размеры монолита при дальнейших расчистных работах не увеличились, о «предполагаемой «большой части» больше не говорят.

Почему бы это? Может, хозяева захотели скрыть результаты дальнейших работ и окончательные размеры обнаженного от пустой породы монолита? Но — почему и зачем? Объяснить трудно...

Зато легче объяснить другое — что размеры месторождения хотели

преувеличить. Вспомним, что именно в эти годы (1818—1858) в столице происходило строительство грандиозного и дорогостоящего объекта — Исаакиевского собора. Для богатейшей внутренней отделки его архитектуры предполагали использовать декоративные подолочные камни разных сортов. Почувя выгодное дело, Демидов предложил Министерству двора, ведавшему постройкой, использовать для этой цели и малахит со своего, тагильского, месторождения. В случае успеха Демидов получил бы изрядный куш. К тому же, продал бы товар оптом, не размениваясь на хлопоты с мелкими покупателями.

Чтобы показать товар лицом и обратить на себя внимание, он даже пошел на своеобразную взятку: изготовил и преподнес Николаю I «малахитовый храм» в виде ротонды для установки его в будущем соборе. Николаю «храм» не понравился и он распорядился передать его в Таврический дворец (где он и стоял до 1862 года, потом был передан в Троицкий собор Александро-Невской лавры, а уж оттуда в 1952 году «переселился» в Эрмитаж и стоит там по сейчас). Однако Демидов добился своего — заказ он получил. Видимо, не последнюю роль в этом сыграла и шумиха вокруг «тагильского находки», размеры которой заводчику выгодно было представить в преувеличенном свете, чтобы отвести других конкурентов (хороший малахит предлагал, например, владелец Сысертских заводов, но не в таком количестве).

Ну, а откуда взялась гипнотическая, чаще всего приводимая цифра — 250 тонн, и кто ее первый «пустил в оборот», это не так уж и важно. Ясно только, что она появилась в последние 60 лет, до этого ее обычно показывался в пудах. Ясно и то, что это описка или типографская опечатка, которая где-то была допущена, а потом тащилась и тащится из публикации в публикацию. Об этом говорит хотя бы то, что в упоминавшейся монографии А. Ворониной, изданной солидным издательством, подается это так: «Образование малахита имело вес около 3000 пудов (около 250 тонн)». Любой школьник легко высчитает, что 3000 пудов в переводе на метрические меры составят, примерно, 50 тонн.

Об уникальной малахитовой глыбе много писалось. И, можно не сомневаться, много еще напишут — она стоит того. Но вот стоит ли повторять ошибку — скромная правда дороже богатого вымысла.

¹ В то время такой оборот речи значил — новонайденный.

Мир

Магнитная дорога

В Алма-Ате начинается строительство первой в нашей стране магнитной дороги протяженностью 15 километров.

Полотно поднятой на опоры дороги — не традиционные рельсы, а постоянные магниты. В днищах вагончиков также мощный магнит. Экипаж, передвигаясь, как бы плышет на магнитной волне, возникающей между вагончиком и эстакадой за счет силы отталкивания.

Перемещать поезд со скоростью 120 километров в час будет линейный двигатель, который работает по принципу электромотора. Роторная обмотка при этом вкладывается в дорогу, а статорная обмотка возбуждения — в вагончик.

Эстакада свяжет центр города со знаменитым высокогорным катком Медео. По ней до ледового стадиона можно будет добраться за 7—8 минут. Десять тысяч пассажиров в час — такова пропускная способность магнитной дороги.

Безопасность движения, простота обслуживания магнитов, которые могут долго сохранять свои удивительные свойства, бесшумность и отсутствие продуктов сгорания топлива — вот основные достоинства нового транспорта.

Мир

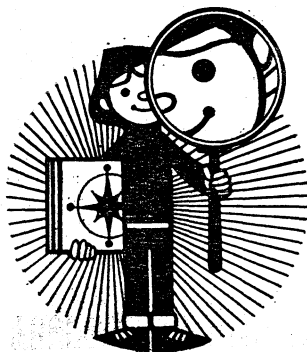
О пользе сомнений

Один больной обратился к своему другу — известному профессору, чтобы тот диагностировал его заболевание. Только через несколько дней больной получил ответ: язва двенадцатиперстной кишки.

— Странно,— сказал больной другу.— Мой сын учится в мединституте только на третьем курсе, но он поставил мне этот диагноз за какие-нибудь полчаса.

— Да,— ответил профессор,— я только что прочел им лекцию о язвенной болезни и ничего другого они пока не знают. Мне же пришлось перебрать в уме сотни похожих заболеваний.

Этот курьезный случай поясняет странный результат, полученный психологами. Они демонстрировали полноценным и умственно отсталым детям фотографии, на которых не в фокусе были сняты знакомые предметы. Оказалось, что при их опознании у нормальных детей возникло сомнений в два раза больше, чем у психически неполноценных. Невольно напрашивается вывод: чем больше знаний — тем больше сомнений. Но ведь и чем больше сомнений — тем больше новых знаний!

МИР

на лагони

Подлодка 18 века

Петр I сразу же заинтересовался прошением крестьянина Ефима Никонова. Еще бы: тот письменно утверждал, что может построить подводное огненное судно для тайного нападения на вражеские корабли.

Царь приказал генерал-майору Головину немедленно принять Никонова и приступить к делу. Мастеровому положили жалованье 3 алтына и 2 деньги в день.

Однако работа шла медленно: то не хватало одного, то не было другого...

В мае 1723 года Адмиралтейство приняло решение содержать Ефима Никонова под надзором. В феврале 1725 года он закончил работу. Президент Адмирал-

тейства Апраксин распорядился испробовать судно, как только вскрыется Нева. Но Никонову снова не повезло: при походе модель судна была повреждена.

В сентябре 1727 года Екатерина I приказала сделать по проектам Ефима Никонова новую модель. В это время от Никонова поступила жалоба, что ему нечем кормиться — выплата жалованья прекратилась. Изобретателю стали выдавать по 3 копейки в день.

На испытаниях модель судна не оправдала надежд. Никонов слезно просит дать ему возможность сделать новую модель. Но за «недействительные строения» он был сослан в Астраханское адмиралтейство под караулом...

Чертежи никоновской подводной лодки хранятся в Центральном государственном военно-морском архиве.

Героиня Мария

Об этой женщине сто лет назад писали газеты всех стран. Вот заметка из русской газеты «Современные известия»...

«В Вашингтоне живет замечательная женщина Мария Аустин. Она родила сорок четыре ребенка — тринадцать пар близнецов и шесть тройней (из всех детей остались в живых одиннадцать). Две сестры Марии также были многодетны. Всего три сестры Аустин имели сто одиннадцать детей.

Мария во всех отношениях удивительная женщина. В 1853 году получила диплом на степень медика и хирурга. Когда вспыхнула Гражданская война (1861 г.), она вступила в качестве врача в Кумбердленскую армию и оказывала помощь раненым во время боя. Ее бесстрашие привело в изумление даже врагов. Мария принимала участие и в смелых экспедициях северян. В долине Виргиния она поплатилась левым глазом...

Получив чин офицера и медаль за храбрость, Мария Аустин по окончании войны возвратилась домой, чтобы ухаживать за мужем, тоже получившим на этой же войне несколько ранений».

Музей драгоценностей

На Свердловском ювелирном заводе есть музей. Здесь собраны золотые и серебряные кулоны, броши, подвески, диадемы, браслеты, серьги, кольца. Многие из них усыпаны бриллиантами, изумрудами, аметистами, сапфирами. Все это — дело рук заводских художников, ювелиров-модельеров.

Музейная коллекция насчитывает около двух тысяч экспонатов.

Привлекают внимание работы художника Б. А. Гладкова — «В. И. Ленин в Разливе», филигранный кулон «Хозяйка Медной горы».

Н. А. Стаценкова — автор оксидированных с накладной филигранью серег с дымчатым кварцем — «Уральская легенда». Такие серьги пользуются успехом в нашей стране и за рубежом.

На одном из международных конгрессов мод броши из яшмы с оксидированным серебром Свердловского ювелирного завода прошли, что называется, на «ура». Эти броши — тоже экспонат. В музее есть сувенир «Каменный цветок» с аметистовой щеткой, разные печатки и шахматные фигуры из дымчатого кварца, образцы уральских камней и разных сувениров.

Знаменитые бриллианты «Шах», «Орлов», «Флорентиец», «Регент» тоже есть в музее. Лишь опытный специалист может обнаружить, что они... «поддельные», граненные специально для музея из горного хрусталя.

Кормилец грачей — автомобиль

Английских зоологов заинтересовали стаи грачей, прогуливающих вдоль обочин автострад. Что привлекает сюда птиц?

Оказалось — именно интенсивное движение тяжелых грузовиков. Когда машины проносятся по шоссе — трясется земля, и вибрация выгоняет земляных червей из нор. А на поверхности они становятся легкой добычей птиц.

Увидеть невидимое

С прошлого года и самые далекие звезды «придвинулись» к астрономам Коуровской обсерватории Уральского университета. Здесь установлена астроно-

могеодезическая камера «СБГ» фирмы Цейсс. «СБГ» позволяет ученым фотографировать звезды, светящиеся в десять тысяч раз слабее тех, которые мы видим.

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

В 1976 ГОДУ

ПРОЗА

- Алмазов Б. Самый красивый конь. №№ 7, 8.
Андреанов И. Федор и Хведир. № 6.
Банькин В. Рюкзак с деньгами. № 7.
Банькин В. Сказы о Жигулях. № 10.
Водопьянов Б. Двенадцать парусников. Ржавая бочка. № 10.
Гагарин С. Евпатий Коловрат. №№ 4, 5.
Горюнов Л. Морские истории. № 3.
Дедов П. И степь, и лес... № 4.
Дудников Н. Орлиная пара. № 6.
Зайцев В. Случай в океане. № 6.
Кузнецов А. Пелена. № 1.
Леонов Ю. Желуди для красной конницы. № 12.
Машкин Г. Старая новость. № 12.
Нисковских Ю. Ручей. № 6.
Павловский О. Под синим небом. № 7.
Плахта И. Амина семьи Пучалковых. № 9.
Полуянов И. Синий берег. № 11.
Расторгуев М. Черный туман. №№ 9, 10.
Рябинин Б. Кайзер находит дом. № 1.
Сафонов В. Ленивое лето. № 2.
Спица В. Буду тут! № 5.
Суворов А. Водоворот. № 5.
Фролов Л. Фонарик. № 3.
Чернов Ю. Моя коллекция солнц. № 4.
Чернов Ю. Обские баобабы. № 6.

ПОЭЗИЯ

- Андреев Я. В Эрмитаже. Волга. № 12.
Белозеров Т., Година Н., Елин И., Молчанов Э., Пшеничный А. Штрихи большого мира. № 1.
Бусыгин С., Здорик Т., Куковьякин В., Пивоварова Т., Теличко Н., Федотов Л., Цветков Г. Каждый прожитый честно день... № 5.
Иванов В. Ледник. № 7.
Каратов С., Мустафин К., Тер-Акопян А. Закипела листва на ветру. № 2.

- Конечкий Ю. Здесь пройдет магистраль. № 6.
Мазейна С. Февраль. № 12.
Мережников Н. Негасимые огни. № 7.
Поскребышев О. На холщовом поле да на белом... № 3.
Румянцев Л. Огни на яшме... № 4.
Сорокин В. Мстители. № 8.
Сорокин Л. Я родом с Урала. Уральские леса. Военная форма. Оркестр. № 10.
Станцев В. Главком. № 9.
Тихонов И. Письмо из Ташкента. Любимый месяц. № 12.
Тарабукин И. Любовь к природе. Окружение. На стыке. Монолог аквариумной рыбки. № 11.
Фейерабенд Е. Погода. Иволга. Солдатская каска. № 10.

МОИ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

- Биленкин Д. Гениальный дом. № 4.
Биленкин Д. Исключение из правил. № 12.
Бугров В. Следствие ведут знатоки. № 6.
Бугров В. Князь Ватерлоо с Верх-Исетского завода. № 8.
Бугров В. Бесконечные Гулливеры. № 10.
Бугров В. Снова слово знатокам... № 12.
Грешнов М. Экзамен по космографии. № 7.
Комаров В. Круг. № 10.
Ларионова О. Сказка королей. № 3.
Лукьянов О. Эльдorado. № 1.
Львов Г. Дружеский шарж. № 5.
Панасенко Л. Поливит. № 2.
Подольный Р. Последний рассказ о телепатии. № 10.
Прашкевич Г. Шпион против компьютера. № 6.
Суркис Ф. Сова. № 11.
Калейдоскоп. №№ 2, 4, 10.

ПУБЛИЦИСТИКА

- Алан Ю. Земля богатырская. № 2.
Антипьев А., Захаров Н. «Хочу», «могу», «нужно». № 4.

- Бабушкин А. Химия Урала. № 3.
Бабушкин А. Сокровище Киембая. № 4.
Бабушкин А. Оренбургский газовый. № 6.
Батышев С. Я иду искать... № 3.
Быстров С. Было ему девятнадцать. № 7.
Вайсберг Б. Сувенир. № 5.
Вайсберг Б. Мастер на все руки. № 10.
Вайсберг Б. Ромбик. № 12.
Власов А. Деликатный разговор. № 3.
«Все, что пожелает человечество!» № 2.
Гаряев Л. Комендант Эдик. № 1.
Давыдов И. Сталевар должен быть... № 2.
Денисов В. Трубы зовут. № 7.
Дробиз Б. Его сочинение по истории. № 12.
Казанцев С. «Хухрик». № 1.
Карюк В. Фронт, сорок пятый... № 5.
Кобельков В. Люди первой скалы. № 1.
Кодочигов П. Командор Шура Пономарева. № 3.
Лившиц Д., Поляков А. Десять билетов для девятого «Г». № 8.
Липатников Ю. Педагогика в рабочей спецовке. № 10.
Мельников Н. Крещение под водой. № 7.
Никонов Н. Земля — это люди. № 11.
Нисковских Ю. Дубровины. № 5.
Повилейко Р. Из когорты крылатых. № 12.
Смородкин С. Последний караван. № 1.
Терский Н. Легенда и быль. № 3.
Тумбасов А. Копры над лесом. № 1.
Тумбасов А. Тот солнечный день. № 2.
Турунтаев В. Как ловят микроны? № 4.
Хайрюзов В. Киренга стала... № 2.
Широкова Н. Как Сибирь покоряют. № 9.
Щербаков А. Сибирские мастера. № 2.
Это и твоя пятилетка. № 2.
Яговкин Ю. Линия жизни. № 10.

КРАЕВЕДЕНИЕ

- Акулов Е. Родилась песня в море. № 9.
Алебастров И. Узник Казимир Чарновский. № 2.
Алебастров И. Изобретатель миномета. № 8.
Андаева Р. Коллекция лубка. № 12.
Анушкин А. Хорунжий Трофимов. № 7.
Архипова Н., Ястребов Е. Верх-Исетский пруд. № 12.
Базекин Г. Уфимские Лермонтовы. № 1.
Барсов Н. Сколько лет Уфе? № 3.
Благосклонов К. «Суть плоды ума обширного...» № 11.
Брайнин И. Дочь трудового народа. № 4.
Бывальцев С. Декабристы в Сибири. № 12.
Воронов Г. Улицы нашего города. № 12.
Горбунов Ю. Автор «Брюха Петербурга». № 6.
Дунаев Ю. Вокруг горы Серебряной. № 2.
Дунаев Ю. Дар Валдая. № 8.
Ермолаева Н. Цветы земли. № 7.
Иванченко А. Колымское золото. № 10.
Канторович Г. Деревянная страна. № 3.
Каптиков Р. Белое море. Соловецкие острова... № 1.
Клипиницер М. Прадед Александра Блока. № 6.
Княжецкая Е. Путешествие в Персиду. № 1.
Коровин А. Матросы с Урала. № 7.
Кривошеин В. Светящийся человек. № 11.
Кузнецихин Н. Эхо истории. № 4.
Курочкин Ю. «В пользу уволенных...» № 3.
Курочкин Ю. Уфа, река уральская. №№ 5, 6.
Курочкин Ю. Легенда о малахитовой глыбе. № 12.
Локерман А. Уральские червонцы. № 8.
Лясик С. Невьянские плиты. № 12.
Масленников Е. Где ты, гора Колокольня? № 9.
Матвеев А. Две Двины. № 8.
Мезенин Н. Первенцы. № 10.
Немиров Ю. Сабли атамана Платова. № 10.
Неизвестные письма В. В. Каменского. № 8.
Никитин А. «Я сам управлял паровозом...» № 9.
Петров В. Соликамск. № 5.
Петров В. Поэма о часах. № 6.
Петров В. Имя на карте. № 7.
Петров В. Город на Исети. № 10.
Петров В. Вирусы, вирусы, вирусы... Встреча с поэтом. № 12.
Подтяжкин Э. «Последняя колыбель Емельяна». № 9.

- Поляков А. Единого грамма ради... № 3.
Попов С. Арктические Гаваи. № 5.
Попов С. Собачьи имена. № 7.
Семенова С. Дарю Екатеринбург... № 4.
Семенов В. Эрзя на гранильной. № 6.
Семинов А. Тезки города. № 2.
Семинов А. Путешествие из Магнитки в Магнитку. № 8.
Томсинский В. Воткинский якорь. № 8.
Уханов И. Оренбургский пуховый. № 5.
Филиппов М. Сосны в степи. № 12.
Шакинко И. Истоки камнерезного дела. № 6.
Широкова Н. Это только в Тагиле. № 8.
Шорина Э. Встреча с матросом-потемкинцем. № 3.
Якушов М. Находкам два века. № 12.
Яницкий В. Шигирский идол. № 5.
Янковский В. Нэнуну — четырехглазый. № 8.

НАУКА И ТЕХНИКА

- Алексеев Ф. Молнии в западне. № 5.
Алексеев Ф. Исследуется качество. № 6.
Аракчеев Ю. О чем рыдали шакалы. № 11.
Бабушкин А. Скороход в мире информации. № 7.
Бабушкин А. Химия Урала. № 3.
Бабушкин А. Старт гиганта. № 9.
Бабушкин А. Город и река. № 11.
Белозерцев А. Под знаком Антура. № 6.
Гребенников В. Портрет цветка. № 3.
Дж. Холдейн. Почему кит больше? № 11.
Дом, в котором мы живем. № 11.
Ермаков Н., Китаев Н. Тайна глаз. № 7.
Заянчковский И. Живые компасы. № 5.
Колесников Б. Да здравствует лес! № 11.
Кривин Ф. Трулюлюповы острова. №№ 6, 7, 8, 10, 11, 12.
Липатников Ю. На грани фантастики. № 1.
Липатников Ю. Кто придумал спички? № 2.
Липатников Ю. Самолет из яйца? № 6.
Мартынов В. Горькая мода на яд. № 4.
Мотырев А. В гости к Тяте. № 7.
Мы — юнтехы. № 3.
Нотман Р. Первозданная чистота. № 2.
Петров М., Кирсанов В. Край соболей. № 11.
Поповский М. Всегда шестнадцать. № 9.
Покорять? Управлять! № 2.

- Резник Я. Сказ о Левше продолжается. № 5.
Сергеев Б. На языке лягушек и сорок. № 11.
Тхоржевский В. Берегите молекулы! № 11.
Хохлачев В. Новые профессии старого Аурума. № 3.
Шварц С. «Красою вечно сиять...» № 11.
Широков Н. «Птенец» у химиков. № 11.
Экологическая информация. № 11.
Энергия Рефта. № 12.
НТ-76. №№ 1, 5, 7, 9.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

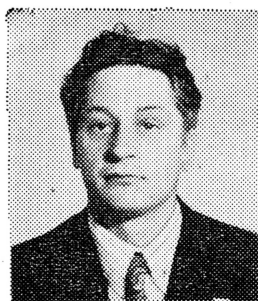
- Жизни без борьбы нет! № 6.
Зайцев Г. Маршруты Каменной страны. № 6.
Козлов Л. Маршал Жуков пишет в Копейск. № 12.
Шиманский И. Гроты горы Белой. № 1.
Широкова Н. Найти неизвестного солдата! № 6.
В каждом номере следопытский телеграф.

РАЗНОЕ

- Алан Ю. Камнерез. № 9.
Алексеев Е. «В моей памяти...» № 5.
Алексеев Е. Искусство молодых. № 9.
Белоусов В. Ленинские значки. № 8.
Богоявленский Л. Ученый, поэт, переводчик. № 5.
Живые редкости. № 11.
Липатников Ю. У высоких гор. № 7.
«Мир на ладони». Информация. №№ 1—12.
Полянский В. Искусство деревянной мозаики. № 2.
Попова М. Для тех, кто любит математику. № 4.
Револьверщик... Затыловщик... Наладчик... № 2.
Румянцев Л. Идет дорога через лес... № 6.
Харитонов В. Лыжня первых. № 4.
Харитонов В. Кавалер Бриллиантовой звезды. № 5.
Харитонов В. Под парусом и на гребных судах. № 7.

О. Ларионова

В. Сафонов

В. Станцев

З. Баженова

Наши призеры

Редколлегия «Уральского следопыта» рассмотрела список претендентов на звание лауреата 1976 года.

Ныне почетные призы журнала решено вручить:

ленинградской писательнице Ольге Ларионовой за фантастическую повесть «Сказка королей» (№ 3),

рязанскому писателю Валентину Сафонову за повесть «Ленивое лето» (№ 2), свердловскому поэту Венедикту Станцеву за поэму «Главком» (№ 9)

и свердловской художнице Зое Баженовой за обложку № 5 и общее оформление № 11.

Поздравляем призеров!

КОЛЛЕКЦИЯ ЛУБКА

**Раиса
АНДАЕВА**

В Пермской государственной художественной галерее хранится коллекция русской народной картинки, или лубка. Лубок отличается предельной простотой рисунка, доступностью образов, он был предназначен для массового распространения. Богатое пермское собрание — 220 народных картинок XVII—XIX веков — разнообразно и по своим сюжетам. Здесь сказки и былины, иллюстрации к обрядовым и свадебным песням, персонажи кукольных и ярмарочных балаганов, перекочевавшие в лубок, сатирические картинки... Лучшие из лубков и сегодня поражают нас удивительным сочетанием особенностей книжной иллюстрации с яркостью и лаконичностью плаката.

Лубок Пермского собрания имеет и свою биографию.

Рождение коллекции связано с именем Евлампия Николаевича Косвинцева (1877 — 1930) — краеведа, карикатуриста, журналиста. Вот как о Косвинцеве писала «Правда», где он работал в последние годы своей жизни: «Евлампий Косвинцев — старый журналист. Зачатки грамотности получил в приходской школе. Всем своим образованием он обязан исключительно самому себе. Особый интерес он проявил к археологии и краеведению».

Интерес к краеведению привел к собирательству. Он очень любил и высоко ценил гравюры, антикварные книги. На Урале Косвинцев начал собирать и лубочные картинки, из которых впоследствии создано оригинальное собрание.

Е. Н. Косвинцев и сам

был талантливым карикатуристом. В период с 1905 по 1917 год им было нарисовано и напечатано в уральских и столичных изданиях около ста пятидесяти карикатур. Особенно ему удавалась политическая карикатура. Известны его яркие и меткие изобразительные характеристики на реакционных деятелей — Столыпина, Победоносцева, Пуришкевича и других. Несколько таких сатирических рисунков Косвинцева хранятся в собрании Пермской галереи.

Свою богатую коллекцию лубка, а также ряд собственных произведений Е. Н. Косвинцев передал в 1927 году Пермской галерее и Перми — городу, где он в начале двадцатых годов работал инспектором труда.

СКАЗКА. Гравюра.
Р. КОПЫЛОВ.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»!

Вы перелистнули последнюю журнальную страницу минувшего года. В двенадцати номерах журнала было опубликовано немало самых разных рассказов, повестей, очерков и заметок. ЧТО БОЛЕЕ ВСЕГО ЗАПОМНИЛОСЬ

ВАМ? Напишите нам. (Укажите свой возраст.)

Ваши ответы помогут редакции более полно учитывать ваши запросы при дальнейших публикациях.

До новых встреч в новом году!